Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Андреев Артём Валентинович

ДОКТРИНА ЭКВИВАЛЕНТОВ В ПАТЕНТНОМ ПРАВЕ

Специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Новоселова Людмила Александровна

Москва — 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава 1. Доктрина эквивалентов: понятие, сущность и назначение 20

§ 1.1. Понятие и сущность доктрины эквивалентов как механизма расширения объектных границ исключительного права патентообладателя 20

§ 1.2. Понятие и сущность доктрины эквивалентов как механизма сужения объектных границ исключительного права патентообладателя 31

Глава 2. Применение доктрины эквивалентов и порядок установления эквивалентности признаков 51

§ 2.1. Формирование национальных моделей применения доктрины эквивалентов 51

§ 2.2. Эквивалентные признаки. Порядок установления эквивалентности признаков 82

Глава 3. Пределы применения доктрины эквивалентов 134

§ 3.1. Эстоппель, основанный на истории патентной заявки 134

§ 3.2. Иные пределы применения доктрины эквивалентов 150

Заключение 164

Список использованных источников 168

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Реальная эффективность патентной системы зависит не только от факта предоставления исключительного права, но и от того, насколько полно обеспечивается его охрана в условиях, когда нарушитель может избежать ответственности путем несущественного изменения запатентованного технического решения. Инструментом, позволяющим преодолеть эту проблему, является доктрина эквивалентов.

В системе патентного права доктрина эквивалентов представляет собой правовой механизм, находящийся на стыке права, техники и герменевтики, который позволяет расширить пределы правовой охраны изобретения за границы буквального толкования его формулы. Юридическая природа данной доктрины обусловлена одним из принципов патентного права: охране подлежит не словесная форма описания изобретения, а его сущность — решение конкретной технической проблемы конкретным способом.

С научно-теоретической точки зрения доктрина эквивалентов может быть определена как система сформировавшихся в правовой науке и правоприменительной практике принципов и правил соотнесения признаков охраняемого технического решения, закрепленных в формуле изобретения, с признаками иного объекта, в отношении которого предполагается факт нарушения исключительного права. Эти правила применяются на основании сущности технического решения. Если в спорном объекте отдельный признак формулы изобретения заменен на иной, но при этом сохраняется принцип функционирования замененного признака, достигается по существу тот же технический результат и решается та же техническая проблема, что и запатентованным изобретением, такой признак можно признать эквивалентным.

Доктрина эквивалентов выступает инструментом преодоления формализма при толковании формулы изобретения, обеспечивая справедливый объем охраны прав патентообладателя в условиях неизбежной ограниченности словесного описания технической сущности.

Важность доктрины эквивалентов для патентного права в науке традиционно связывается с ее существенным значением в качестве способа обеспечить охрану сущности технического решения из-за несовершенства языка[1], а также способа снизить издержки, связанные с получением патента[2].

Применение доктрины эквивалентов обусловлено особенностью объекта патентной охраны. В формуле изобретения характеризуется не реальный, а идеальный (нематериальный) объект: патент выдается на техническую реализацию идеи, описанную в формуле обобщенно, а не на ее конкретные воплощения. При установлении факта использования изобретения признаки реального объекта (устройства, вещества или способа) сопоставляются с признаками идеального объекта, описанного в формуле. Такое сопоставление, требующее проецирования признаков идеального объекта на признаки конкретного устройства, вещества или способа, составляет практическое содержание применения доктрины эквивалентов[3].

Несмотря на преимущества данной доктрины, ее применение сопряжено со значительными проблемами теоретического и практического характера: «критерии эквивалентности в патентном праве, расширяя сферу действия патентной защиты, устанавливают собственные и часто излишне широкие оценочные мерила, которые наполняются индивидуальным содержанием в правовых системах современности»[4].

Анализ современного правового регулирования отношений, связанных с применением доктрины эквивалентов, а также доктринальных источников, посвященных ее исследованию, позволяет сформулировать гипотезу о том, что доктрина эквивалентов в патентном праве нуждается в переосмыслении и

---

[1] См.: *Pumfrey, N. [et al.]* The Doctrine of Equivalents in Various Patent Regimes–Does Anybody Have It Right? // Yale Journal of Law and Technology, Vol. 11. Iss. 1. Article 9. 2009. P. 261–308; *Meurer M. J, Nard C. A.* Invention, Refinement and Patent Claim Scope: A New Perspective on the Doctrine of Equivalents // Boston Univ. School of Law Working Paper № 04-03. 2004. P. 1947–2012.

[2] См.: *Landes W, Posner R,* The economic structure of intellectual property law. Harvard, 2003. P. 302.; Meurer M. J., Nard C. A. Op. cit.

3 См.: *Ревинский О. В.* К вопросу об эквивалентности признаков // Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества. 2013. № 1. С. 35–42.

4 *Синицын С. А.* Сравнительное патентное право: актуальные проблемы : монография. М. : Инфотропик Медиа, 2022. С. 209.

методологической систематизации ее основных положений: требуется определить природу и назначение доктрины эквивалентов как механизма, с одной стороны, расширения объектных границ исключительного права патентообладателя, а с другой — сужения указанных границ посредством обратной доктрины эквивалентов, а также сформулировать порядок и пределы применения данной доктрины, коррелирующие с ее природой и назначением.

Актуальность исследования в контексте государственной политики и экономики обусловлена приоритетами государственной политики в сфере научно-технологического развития. Стимулирование научно-технических разработок, поощрение авторов и привлечение инвесторов возможно обеспечить только тогда, когда государство гарантирует признание и защиту субъективных прав авторов и правообладателей в отношении патентоспособных объектов, а также правовую охрану и защиту патентных прав в случае их нарушения[5]. Как следует из Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, одним из ключевых принципов государственной политики в области научно-технологического развития является обеспечение технологического суверенитета Российской Федерации[6].

В доктринальном аспекте актуальность исследования обусловлена необходимостью преодоления неопределенности и внутренней противоречивости существующих теоретических подходов к определению понятия доктрины эквивалентов и пониманию ее природы, критериев установления эквивалентности; к порядку применения доктрины эквивалентов и кругу субъектов, применяющих данную доктрину; к пределам применения доктрины. Патентное право требует переосмысления ряда фундаментальных категорий в условиях цифровой трансформации и усложнения технологических процессов. Систематизация научных представлений о доктрине эквивалентов, выработка непротиворечивой теоретической базы позволят заполнить существующие пробелы в науке

---

[5] См.: Продление патентов на лекарственные средства: регулирование и практика применения: монография / под общ. ред. Л. А. Новоселовой. Москва: Проспект, 2024. С. 6 (автор параграфа – Е. В. Гюльбасарова).

[6] Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 10. Ст. 1373.

патентного права и создать предпосылки для совершенствования законодательства.

Для правоприменительной практики актуальность диссертационного исследования определяется отсутствием единой методологии сопоставления признаков формулы изобретения с признаками объекта материального мира, предположительно нарушающего исключительное право. Существующая практика применения доктрины эквивалентов имеет казуистический характер, часто опирается только на мнение конкретного эксперта (специалиста), что ведет к проблемам в правоприменении, увеличению судебных издержек и снижению инвестиционной привлекательности патентования. Разработка универсальных методологических рекомендаций по установлению эквивалентности признаков изобретения с признаками иных объектов имеет исключительно важное значение.

Степень научной разработанности темы исследования. Доктрина эквивалентов не являлась предметом самостоятельного комплексного исследования в российской правовой науке. Диссертационные работы, затрагивающие данную проблематику, немногочисленны. В диссертационном исследовании О.М. Кузьминой «Критерии и объем патентной охраны по законодательству Германии и России» (Москва, 2002) доктрина эквивалентов анализировалась преимущественно на материалах германских правоведов; указанная работа описывает правовое регулирование, существовавшее до принятия части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации[7] (далее — ГК РФ) и его последующих изменений. В диссертации А.С. Ворожевич «Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты» (Москва, 2021) доктрина эквивалентов рассматривается в контексте более широкой темы объектных границ исключительных прав и выступает одним из частных вопросов соответствующего учения, не составляя самостоятельного предмета исследования.

Отдельные аспекты доктрины эквивалентов разрабатываются в трудах современных отечественных правоведов, в том числе И.Н. Балишиной,

[7] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

Э.П. Гаврилова, В.Ю. Джермакяна, А.В. Залесова, В.Е. Китайского, В.А. Мещерякова, С.В. Михайлова, М.В. Пантелеева, В.А. Питова, Д.Л. Плаксиенко, Б.Е. Семенюты, М.А. Серова, С.А. Синицына, Е.А. Устиновой и ряда иных авторов. Исследования советского периода, посвященные исследуемой доктрине (И.Э. Мамиофа, П.П. Гурьянов, Л.О. Сольц, Э.И. Фурман и др.), сохраняют значение как источник исторической традиции понимания доктрины в отечественной правовой мысли. Классическое основание российской патентно-правовой теории составляют труды А.А. Пиленко.

Анализ состояния научной разработанности темы позволяет выделить несколько ключевых проблем теоретического характера, препятствующих формированию единого подхода к пониманию доктрины эквивалентов и методологии ее применения: отсутствие унифицированного понятийного аппарата и общепризнанного определения эквивалентного признака; недостаточность исследований, посвященных содержанию доктрины эквивалентов, допускающему как расширение, так и сужение объектных границ исключительного права на изобретение за счет обратной доктрины эквивалентов; противоречивость и фрагментарность критериев установления эквивалентности; неопределенность институционального порядка применения доктрины эквивалентов и круга субъектов, которым могут быть предоставлены полномочия по применению данной доктрины; отсутствие системно разработанного учения о пределах применения доктрины.

В иностранных правопорядках, прежде всего, в правовых системах Соединенных Штатов Америки, Федеративной Республики Германия и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, доктрина эквивалентов разработана существенно глубже. Вместе с тем концептуальные и методологические решения, выработанные в зарубежных государствах, также не лишены недостатков и не могут быть механически перенесены в российское патентное право без учета особенностей отечественного нормативного регулирования и процессуальных форм применения доктрины эквивалентов. Указанные обстоятельства обусловливают необходимость проведения настоящего

исследования, направленного на разработку целостного научного представления о доктрине эквивалентов в патентном праве.

Целью диссертационного исследования является формирование целостного научного представления о доктрине эквивалентов в патентном праве как самостоятельном правовом механизме согласования объема правовой охраны изобретения с его действительным техническим содержанием.

Цель исследования определяет необходимость решения следующих **задач**:

1) раскрытие понятия, сущности и назначения доктрины эквивалентов как самостоятельного правового механизма согласования объема правовой охраны изобретения с его действительным техническим содержанием и обоснование ее двунаправленного характера;

2) раскрытие сущности обратной доктрины эквивалентов, сложившейся в зарубежной судебной практике, как механизма сужения объектных границ исключительного права патентообладателя, образующего второе направление действия доктрины эквивалентов, определение ее соотношения с инструментами зависимого изобретения и принудительного лицензирования, а также установление пределов возможной рецепции зарубежного опыта применения данного механизма в российское патентное право;

3) выявление существенных характеристик эквивалентного признака и формулирование его доктринального определения через критерии установления эквивалентности (результата, влияния на результат и способа) при соблюдении условия известности;

4) определение оснований, субъектов и процессуальных форм применения доктрины эквивалентов и обоснование двухуровневой модели ее применения судами и патентными ведомствами;

5) исследование эстоппеля, основанного на истории патентной заявки, определение его самостоятельного состава, распределения бремени доказывания и конструкции опровержимой презумпции отказа от эквивалентов;

6) систематизация иных пределов применения доктрины эквивалентов;

7) разработка базовых методологических рекомендаций по применению доктрины эквивалентов и формулирование общих предложений по совершенствованию патентного законодательства.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения в сфере, регулируемой патентным правом, в частности, при определении пределов правовой охраны изобретения.

Предметом настоящего исследования выступают правовые нормы, регулирующие отношения в сфере предоставления правовой охраны изобретениям и их защиты, определения объема правовой охраны изобретений, в частности, путем применения доктрины эквивалентов.

Методология и методы исследования. Методологическую основу диссертационного исследования составляет совокупность общенаучных и частнонаучных методов, применение которых обусловлено спецификой объекта и задачами исследования.

Диалектический метод позволил рассмотреть доктрину эквивалентов как динамичное правовое явление, эволюционирующее под влиянием технологического прогресса и изменения правоприменительной практики, а также выявить внутренние противоречия между формальным и сущностным подходами к толкованию формулы изобретения, между частными интересами патентообладателя и публичными интересами общества.

Формально-юридический метод применялся при анализе правовой природы доктрины эквивалентов, исследовании существующего нормативного порядка применения данной доктрины и оценке его эффективности.

Методы анализа и синтеза использовались при определении существенных характеристик понятия «эквивалентный признак», а также при выявлении и систематизации критериев эквивалентности.

С помощью системно-структурного метода доктрина эквивалентов исследовалась как единая система взаимосвязанных правил установления эквивалентности вещных признаков одного объекта признакам формулы изобретения.

Функциональный метод применялся при исследовании назначения и направленности действия доктрины эквивалентов в системе патентно-правовой охраны.

Историко-правовой метод применен в исследовании развития регулирования патентных отношений в различных государствах на разных этапах их формирования и развития.

Сравнительно-правовой метод использовался в целях выявления отдельных особенностей и успешных практик правового регулирования патентно-правовых отношений в различных государствах и на разных этапах развития доктрины эквивалентов в пределах одного государства.

Метод правового моделирования применялся для разработки теоретических моделей определения эквивалентности вещных признаков одного объекта признакам формулы изобретения, а также для построения алгоритма (правового механизма) применения доктрины эквивалентов в судебной практике.

Теоретическую основу исследования составляют труды отечественных и зарубежных правоведов в области права интеллектуальной собственности и, в особенности, в области патентного права.

Основными источниками для разработки положений настоящего исследования выступили труды российских правоведов, посвященные общим вопросам учения об исключительном праве и его объектных границах, а также частным вопросам применения доктрины эквивалентов и принципа эстоппеля в патентном праве. Особое место среди них занимают работы А.С. Ворожевич, Э.П. Гаврилова, В.Ю. Джермакяна, А.В. Залесова, В.А. Мещерякова, А.А. Пиленко, О.В. Ревинского, С.А. Синицына, Е.А. Устиновой и других авторов, разрабатывающих вопросы содержания эквивалентного признака, пределов применения данной доктрины и соотношения доктрины эквивалентов с иными институтами патентного права.

Существенное значение для настоящего исследования имели также труды Н.Н. Аверченко, О.Л. Алексеевой, А.И. Балашовой, И.Н. Балишиной, В.В. Гусаровой, Е.В. Гюльбасаровой, В.Е. Китайского, О.М. Кузьминой, С.В.

Михайлова, Д.В. Мурзина, Л.А. Новоселовой, М.В. Пантелеева, В.А. Питова, Д.Л. Плаксиенко, Б.Е. Семенюты, М.А. Серова. Из работ советского периода привлекались исследования П.П. Гурьянова, И.Э. Мамиофы, Н.А. Райгородского, Л.О. Сольц, Э.И. Фурмана. Общетеоретические основания работы опираются на труды Е.В. Вавилина и А.А. Малиновского.

Сравнительно-правовая составляющая исследования опирается на труды зарубежных правоведов, представляющих различные национальные модели патентного права. Германская доктрина представлена работами Г. Изаи (H. Isay), Е. Питцкер (E. Pietzcker), Л. Фишер (L. Fischer), Э. Раймер (E. Reimer), Ф. Линденмайер (F. Lindenmaier) и Э. Гартиг (E. Hartig). Доктрина Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии — трудами Хью Лэдди (Hugh Laddie) и К. Джеймисон (C. Jamieson). Доктрина Соединенных Штатов Америки и экономический анализ патентного права — работами М.Дж. Мюрер (M.J. Meurer) и К.А. Нард (C.A. Nard), Д.Л. Берк (D.L. Burk) и М.А. Лимли (M.A. Lemley), Р.А. Познер (R.A. Posner) и В.М. Ланд (W.M. Landes), Т.М. Зикельман (T.M. Sichelman), В.М. Коэн (W.M. Cohen), Р.Р. Нельсон (R.R. Nelson) и Дж.П. Уолш (J.P. Walsh). Сравнительно-правовые исследования доктрины эквивалентов в различных правовых системах представлены, в частности, работой Н. Памфри (N. Pumfrey), М. Адельман (M. Adelman) и др.

Нормативную основу исследования составляют международные соглашения в области патентного права, в частности, Европейская патентная конвенция; российские нормативные правовые акты, нормами которых регулируются общественные отношения в области патентного права: Гражданский кодекс Российской Федерации и иные федеральные законы, подзаконные нормативные правовые акты, регулирующие отношения в сфере патентного права; зарубежное законодательство в указанной сфере.

Эмпирическую основу диссертационного исследования составляет правоприменительная практика, отраженная в судебных актах Верховного Суда Российской Федерации, Суда по интеллектуальным правам, органов

исполнительной власти Российской Федерации, а также судов и патентных ведомств зарубежных стран.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем сформировано целостное научное представление о доктрине эквивалентов как самостоятельном правовом механизме согласования объема правовой охраны изобретения с его действительным техническим содержанием. В рамках этого представления обоснован двунаправленный характер доктрины эквивалентов (расширение и сужение объектных границ исключительного права); предложено двухэлементное определение эквивалентного признака (сохранение сущности изобретения по критериям результата, влияния на результат и способа при соблюдении условия известности); обоснована двухуровневая модель применения исследуемой доктрины судами и патентным ведомством; разработан специальный состав эстоппеля, основанного на истории патентной заявки; систематизированы пределы применения доктрины эквивалентов и предложен процессуальный механизм теста гипотетической формулы изобретения. На этой основе разработаны базовые методологические рекомендации по применению доктрины эквивалентов.

Содержательное наполнение исследования раскрывается в **следующих выносимых на защиту положениях**.

1. Доказано, что доктрина эквивалентов представляет собой не технический прием преодоления буквального значения признаков формулы изобретения, а самостоятельный правовой механизм согласования объема правовой охраны изобретения с его действительным техническим содержанием. По своей природе этот механизм имеет двунаправленное действие: он обеспечивает как расширение объектных границ исключительного права на воплощения изобретательского замысла, формально не охватываемые формулой, так и их сужение в случаях, когда буквальное значение признаков формулы влечет распространение правовой охраны на то, что не является воплощением сущности изобретения. Данное второе направление действия доктрины эквивалентов именуется в зарубежной судебной практике как обратная доктрина эквивалентов. Обоснование двунаправленного характера доктрины позволяет преодолеть

традиционный односторонний (исключительно расширительный) подход и квалифицировать обратную доктрину эквивалентов не как самостоятельный механизм в рамках патентного права, а как второе направление действия (вторую функцию) единого механизма доктрины эквивалентов.

2. Установлено, что в своем узком понимании, сложившемся в судебной практике США, сущность обратной доктрины эквивалентов состоит в том, что реальный объект, несмотря на буквальное совпадение его признаков с признаками формулы изобретения, признается не являющимся воплощением того же изобретения в силу иного принципа его действия. Прямое заимствование данного подхода в российское право не имеет под собой достаточных оснований: значительная часть фактических ситуаций, разрешаемых в зарубежной практике посредством обратной доктрины эквивалентов, в российском праве охватывается инструментарием зависимого изобретения и принудительного лицензирования. Вместе с тем выработанные зарубежной практикой подходы могут быть использованы для установления наличия оснований для принудительного лицензирования, прежде всего за счет содержательного наполнения оценочных категорий «важное техническое достижение» и «существенные экономические преимущества», применяемых в настоящее время в российском праве без устойчивой методологической основы.

3. Под эквивалентным признаком предложено понимать такой признак объекта, созданного или используемого предполагаемым нарушителем, который при соотнесении с соответствующим признаком формулы изобретения сохраняет сущность изобретения и в отношении которого соблюдено условие известности.

Предложенная двухэлементная структура критериев установления эквивалентности признаков реального объекта и признаков формулы изобретения исключает применяемую в настоящее время четырехэлементную структуру (при замене признака не изменяется сущность изобретения (1), достигается тот же технический результат (2), заменяющие признаки должны быть равноценными (взаимозаменяемыми) (3) и известными в области техники до даты приоритета (4)),

основанную на советских нормативных актах, устраняя дублирование и тавтологичность.

4. Обосновано, что сохранение сущности изобретения при изменении признаков формулы изобретения на признаки реального объекта не является самостоятельным критерием установления эквивалентности признаков, а выступает функциональным итогом одновременного соответствия трем содержательным критериям:

1) критерий результата: признак спорного объекта в совокупности с иными его признаками обеспечивает достижение по существу того же технического результата, что и признаки формулы изобретения в их совокупности;

2) критерий влияния на результат: замена признака формулы изобретения на другой признак, содержащийся в спорном объекте, не изменяет существенно механизм достижения технического результата;

3) критерий способа: совокупность признаков спорного объекта соответствует совокупности признаков формулы изобретения по функциональному назначению каждого признака и по характеру взаимодействия признаков между собой.

Условие известности определяет, что среднему специалисту в данной области техники до даты приоритета изобретения могло быть известно, что применение признака, использованного в этом объекте материального мира, в совокупности с иными признаками формулы изобретения способно обеспечить достижение по существу того же технического результата.

5. Обосновано, что применение доктрины эквивалентов не может быть сведено ни исключительно к вопросу права, решаемому судом при рассмотрении споров о нарушении исключительного права патентообладателя, ни исключительно к вопросу факта, решаемому экспертом или специалистом при проведении экспертизы. Данное противопоставление имеет условный характер, поскольку оценка эквивалентности и оценка изобретательского уровня методологически совпадают, а информационный поиск по уровню техники для установления известности по существу идентичен поиску, осуществляемому

патентным ведомством при экспертизе заявок. На этом основании предлагается двухуровневая модель применения доктрины эквивалентов, опирающаяся на единую методологию установления эквивалентности: судебный уровень (в спорах о нарушении исключительного права) и административный уровень (патентное ведомство при экспертизе заявок по существу и при разрешении вопросов выдачи и действительности патента).

6. Доказано, что для эстоппеля, основанного на истории патентной заявки, характерен самостоятельный состав оснований применения, отличный от общего состава, необходимого для запрета противоречивого поведения, выработанного в российской судебной практике. Применение данного вида эстоппеля обеспечивает правовую определенность для третьих лиц относительно объектных границ исключительного права, сформированных по результатам экспертизы заявки, и направлено на защиту публичного интереса. Из этого следует необходимость упрощенного доказывания оснований применения эстоппеля, основанного на истории патентной заявки: достаточно установить факт противоречивого поведения патентообладателя на этапе получения патента (внесение изменений в формулу либо дача ограничивающих пояснений) при последующей попытке расширить охрану посредством доктрины эквивалентов. Наличие ущерба на стороне ответчика, добросовестность его действий и причинно-следственная связь между противоречивым поведением и наступившими последствиями в предмет доказывания не входят.

7. Объем ограничения доктрины эквивалентов при установлении эстоппеля, основанного на истории патентной заявки, определяется на основе опровержимой презумпции отказа от эквивалентов: патентообладатель, отказавшийся в ходе регистрационной процедуры от признака изобретения либо от определенной формы его воплощения, лишается возможности впоследствии распространить на соответствующий признак исключительное право посредством доктрины эквивалентов, если не докажет, что отказ касался лишь одной из форм воплощения признака, а не признака как такового. Обязательность обращения к истории патентной заявки при установлении объема правовой охраны

определяется тем, что она выполняет три самостоятельные методологические функции: выявления волеизъявления заявителя об объеме испрашиваемой охраны, реконструкции смысла отдельных признаков формулы изобретения и формирования фактической основы для применения эстоппеля.

8. Применение доктрины эквивалентов имеет пределы, оставляющие за объектными границами исключительного права признаки: образующие самостоятельное потенциально патентоспособное техническое решение; измененные либо прямо исключенные патентообладателем; входившие в уровень техники до даты приоритета; используемые в рамках реализации права преждепользования. Вхождение в уровень техники до даты приоритета (то есть разграничение сферы исключительного права и сферы общественного достояния) устанавливается посредством теста гипотетической формулы изобретения.

Теоретическая значимость исследования заключается в формировании целостного научного представления о доктрине эквивалентов в патентном праве, в рамках которого обоснован двунаправленный характер доктрины эквивалентов, раскрыт ее понятийный аппарат, систематизированы критерии установления эквивалентности, определены основания, субъекты и пределы ее применения, включая механизм эстоппеля, основанного на истории патентной заявки. Полученные результаты восполняют существующие пробелы в науке патентного права и создают концептуальную основу для дальнейших исследований, а также могут быть использованы в общей теории права интеллектуальной собственности при исследовании вопросов определения пределов правовой охраны и защиты субъективных прав правообладателей.

Практическая значимость результатов исследования заключается в разработке базовых методологических рекомендаций, направленных на унификацию правоприменительной практики и совершенствование правового регулирования в сфере применения доктрины эквивалентов.

В правоприменительном аспекте результаты исследования могут быть использованы судами и патентными ведомствами в рамках предложенной двухуровневой модели применения доктрины эквивалентов. В частности,

предложены критерии установления эквивалентности признаков (результата, влияния на результат и способа) и условие известности, образующие методологическую основу оценки эквивалентности; обоснована необходимость обращения к истории патентной заявки при рассмотрении споров о нарушении исключительного права; проработан процессуальный механизм теста гипотетической формулы изобретения, реализуемый в действующем режиме арбитражного судопроизводства посредством судебного запроса без необходимости изменения процессуального законодательства; предложена опровержимая презумпция отказа от эквивалентов, позволяющая единообразно разрешать вопрос об объеме ограничения применения доктрины эквивалентов при изменении формулы изобретения в процессе делопроизводства.

В нормотворческом аспекте сформулированы предложения по совершенствованию патентного законодательства: о закреплении общей нормы о применении доктрины эквивалентов, определяющей ее понятийный аппарат, субъектов применения и принципы их взаимодействия, а также правила постановки вопросов перед экспертами через указание предмета доказывания и распределение бремени доказывания; о закреплении в главе 72 ГК РФ механизма эстоппеля, основанного на истории патентной заявки, с его специальным составом, упрощенным предметом доказывания оснований для его применения и конструкцией опровержимой презумпции отказа от эквивалентов; о разработке подзаконного акта, содержащего методику применения доктрины эквивалентов (раскрытие условий и критериев, алгоритм применения критерия способа, методические указания по оценке числовых диапазонов и количественных параметров) с последующей детализацией применительно к отдельным областям техники.

Материалы исследования могут быть востребованы в образовательной деятельности в рамках изучения дисциплин «Право интеллектуальной собственности» и «Патентное право», а также при разработке учебной и методической литературы.

Степень достоверности и апробация результатов исследования, сформулированных в диссертации, обеспечивается совокупностью методологических, теоретических и эмпирических факторов, соответствующих современным требованиям, предъявляемым к диссертационным исследованиям по юридическим наукам. Теоретическую базу исследования составили доктринальные источники, включающие фундаментальные труды отечественных и зарубежных правоведов в области патентного права. Автором изучены и критически осмыслены научные работы на русском и иностранных языках. Нормативную основу исследования образует широкий круг источников: международные договоры и официальные документы международных организаций, российское законодательство в ретроспективе (начиная с XIX века по настоящее время). Обращение к нормативному материалу позволило выявить исторические закономерности развития и современные тенденции правового регулирования отношений, связанных с применением доктрины эквивалентов. Эмпирическую основу исследования составляет массив правоприменительной практики, включая акты российских судов, а также решения зарубежных судебных органов, что обеспечило репрезентативность результатов и возможность их верификации.

Результаты диссертационного исследования рекомендованы к защите на кафедре интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Основные теоретические положения и практические выводы диссертационного исследования нашли отражение в 7 научных публикациях автора, изданных в период с 2023 по 2026 год. В их числе: монография, научные статьи в рецензируемых изданиях, а также тезисы докладов в сборниках материалов научно-практических конференций. 3 публикации размещены в научных журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Результаты исследования прошли апробацию в результате выступлений на международных научно-практических форумах: XI Международный юридический форум «Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и

практики» (IP Форум), 18 февраля 2023 г., Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва; XII Международный юридический форум «Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики» (IP Форум), 18 февраля 2024 г., Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва; XXVI Международная научно-практическая конференция Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и XXVII Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения» Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) на тему «Сила права и право силы: современный контекст», 26 ноября 2025 г., Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, 28 ноября 2025 г., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ), г. Москва; XIV Международный юридический форум «Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики» (IP Форум), 13 февраля 2026 г., Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва.

Отдельные положения диссертационного исследования были использованы в образовательном процессе при подготовке и проведении семинарских занятий в рамках педагогической практики. Практическая значимость работы подтверждается участием в подготовке издания монографии «Продление патентов на лекарственные средства: регулирование и практика применения» (под общ. ред. Л.А. Новоселовой. М.: Проспект, 2024). Указанные работы выполнены в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Структура работы отвечает цели и задачам исследования и включает в себя введение, три главы, состоящие из шести параграфов, заключение, список использованных источников.

ГЛАВА 1. ДОКТРИНА ЭКВИВАЛЕНТОВ: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И НАЗНАЧЕНИЕ

§ 1.1. Понятие и сущность доктрины эквивалентов как механизма расширения объектных границ исключительного права патентообладателя

В современной правовой литературе отмечается, что «интерес человека, вложившего свой труд и талант в создание нового полезного объекта, получить адекватное вознаграждение за свои заслуги справедлив и обоснован»[8]. Но патентное законодательство несовершенно и не всегда способно обеспечить надлежащий уровень правовой охраны новым техническим решениям, исключив риски злоупотреблений со стороны патентообладателей. Например, в 2001 г. австралийский адвокат Джон Кео (John Keogh) получил патент № 2001100012 на изобретение под названием «круглое приспособление для облегчения транспортировки»[9], формально соответствовавший установленной процедуре, но по существу представлявший собой патент на колесо, известное с глубокой древности. Приведенный пример дополнительно подтверждает, что патентное право нуждается в постоянном совершенствовании, выявлении достоинств и недостатков существующих подходов, принципов и концепций.

С целью недопущения возможных злоупотреблений любое субъективное право должно иметь свои пределы. А.А. Малиновский отметил следующее: «Пределы субъективного права представляют собой установленные действующим законодательством абсолютно-определенные (императивные) предписания, четко регламентирующие меру свободы управомоченного лица»[10]. Объем правовой охраны имеет свои пределы, заключенные в границах исключительного права. Для настоящего исследования интерес представляют только границы исключительного

---

[8] *Балашова А. И.* Сроки в патентном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.3. М., 2024. С. 48.

[9] 159. Circular transportation facilitation device : Pat. 2001100012 AU, Int. Cl. B60B 001/00 / John Michael Keogh. — Ser. № 2001100012 ; Application filed May 24, 2001 ; Patent dated Aug. 2, 2001 [Электронный ресурс] // Australian Government. IP Australia. URL: https://ipsearch.ipaustralia.gov.au/patents/2001100012 (дата обращения: 07.03.2026).

[10] *Малиновский А. А.* Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: Автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 10.

права на патентоохраняемые объекты, которые можно разделить на следующие виды:

– временны́е, которые определяют срок предоставления правовой охраны;

– территориальные, которые определяют географические границы, в пределах которых предоставляется правовая охрана патентоохраняемым объектам;

– содержательные, которые устанавливают комплекс способов, которыми патентообладатель может использовать свой патентоохраняемый объект, а также способов, которыми могут использовать патентоохраняемый объект третьи лица без согласия патентообладателя;

– объектные, которые включают в себя характеристики или признаки, которыми должен обладать охраняемый объект.

Объектные границы исключительного права на изобретение определяются формулой изобретения. Согласно пункту 2 статьи 1354 и пункту 3 статьи 1358 ГК РФ объем правовой охраны изобретения определяется содержащейся в патенте формулой; аналогичное положение ранее закреплялось пунктом 4 статьи 3 Патентного закона Российской Федерации[11] (далее — Патентный закон).

В юридической литературе сформирован подход, согласно которому объем правовой охраны изобретения и полезной модели, а следовательно, и границы исключительных прав на такие объекты определяются содержащейся в патенте формулой[12].

Формула изобретения как ключевой элемент правовой охраны выполняет несколько функций:

---

[11] Патентный закон Российской Федерации от 23 сентября 1992 г. № 3517-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 42. Ст. 2319.

[12] См., например: Защита исключительных прав на изобретения, используемые в лекарственных препаратах: проблемы правового регулирования и направления совершенствования законодательства: монография / А. А. Аюрова, О. В. Гутников, С. А. Синицын и др.; отв. ред. О. В. Гутников, С. А. Синицын. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019; *Городов О. А.* О признаках злоупотребления патентными правами // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 1. С. 46–51.; *Джермакян В. Ю.* Объем прав определяется всей формулой изобретения, а не только ее независимым пунктом // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2016. № 12. С. 58–63; *Ворожевич А. С.* Границы исключительных прав на патентоохраняемые объекты // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2018. № 21. С. 29–45.

– демаркационная: первичное установление границ исключительного права на изобретение, что обеспечивает некоторую правовую определенность для патентообладателя и третьих лиц;

– информационная: предоставление всем третьим лицам информации о техническом решении;

– охранная: использование как отправной точки при квалификации действий третьих лиц в качестве нарушения исключительного права.

При этом возможности формулы как источника, позволяющего определить объем охраны, объективно ограничены. Как отмечает А.В. Залесов, «проблема словесного выражения технической сути достаточно сложна, поэтому сформулировать признак технического решения однозначно и во всей полноте не всегда возможно. Поэтому в патентном праве общепризнанным считается подход, согласно которому формально ограничивающее (буквальное) прочтение формулы не в полной мере отвечает принципам справедливого установления пределов патентной монополии. Ведь возможна ситуация, когда действительное значение признака выходит за рамки его буквального прочтения»[13].

Язык оперирует конкретными формулировками, имеющими определенное значение, а техническое решение потенциально допускает неограниченное число конкретных реализаций, в том числе таких, которые не могли быть предусмотрены на дату составления заявки.

На уровне теоретического осмысления в зарубежной доктрине сформировались два принципиально различных подхода к пониманию природы формулы изобретения: теории «ограждения» (fence posts) и «указателя» (sign posts)[14]. Согласно первому подходу, формула рассматривается как «забор», очерчивающий внешние границы патентной монополии: все, что находится внутри, охраняется; все, что снаружи, является общественным достоянием. Такой подход тяготеет к буквальному толкованию формулы и обеспечивает высокую

---

[13] *Залесов А. В.* Проблемы применения доктрины эквивалентов в России // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2023. № 2. С. 37–44.

[14] См.: *Burk D. L., Lemley M. A.* Fence Posts or Sign Posts: Rethinking Patent Claim Construction // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 157. 2009. P. 1743–1799.

степень правовой определенности для третьих лиц, однако позволяет потенциальным нарушителям «обойти» патент путем несущественного изменения буквального значения признаков. В рамках второго подхода формула рассматривается как «указатель» на центральную идею или принцип изобретения, определяющий механизм его функционирования; объем охраны может распространяться на эквивалентные варианты реализации этой идеи, даже если они не охватываются буквальным значением признаков формулы. Этот подход обеспечивает более полную охрану сущности изобретения, но создает элемент неопределенности для третьих лиц. Судья Высокого суда Англии и Уэльса сэр Хью Лэдди проводил сопоставимое различие, сравнивая формулу с «картой», точно определяющей границы объекта, и со «схемой», содержащей лишь общие признаки как отражение лежащего в основе изобретения принципа[15].

Современное патентное право большинства государств, включая Российскую Федерацию, отказалось от «чистых» форм указанных теорий и использует смешанный подход: формула выступает основой для определения границ правовой охраны (функция «ограждения»), однако ее толкование не сводится к абсолютному буквализму и допускает применение доктрины эквивалентов как инструмента учета сущности изобретения (элемент теории «указателя»). Таким образом, обоснованность обращения к доктрине эквивалентов вытекает не из произвольного выбора правовой системы, а из объективной ограниченности буквального толкования формулы как источника определения объема правовой охраны.

Основанием для выхода за пределы буквального толкования признаков формулы изобретения выступает следующая особенность объекта патентной охраны: несовпадение того, что характеризуется формулой изобретения, и того, что вводится в гражданский оборот в качестве продукта или способа. В формуле изобретения охарактеризован не реальный, а идеальный объект. Как отмечает О.В. Ревинский, слово «идеальный» употребляется здесь «в значении «нематериальный», а не в смысле «безупречный»[16]. Термин «идеальный объект»

---

[15] См.: *Laddie H.* Kirin Amgen — the End of Equivalents in England? // IIC – International Review of Intellectual Property and Competition Law. Vol. 10. Iss. 1. 2009. P. 3–38.

[16] *Ревинский О. В.* Указ. соч.

используется не в оценочном, а в онтологическом смысле. Он указывает на нематериальную природу того, что описано в формуле.

В соответствии с пунктом 1 статьи 1350 ГК РФ в качестве изобретения охраняется техническое решение в любой области, относящееся к продукту или способу. Патент не может быть выдан на идею как таковую, однако не может быть выдан и на конкретное физическое воплощение этой идеи: патентной охране подлежит именно техническое решение, которое в формуле изобретения характеризуется обобщенно через совокупность признаков, абстрагированных от частных особенностей конкретных реализаций. Таким образом, формула описывает техническое решение на уровне, промежуточном между абстрактной идеей и ее материальным воплощением: это нематериальный (идеальный) объект, обладающий определенными признаками, но способный быть воплощенным в различных материальных формах.

Квалификация продукта или способа в качестве изобретения возможна, если структура таких продукта или способа состоит из следующих трех элементов: техническая проблема, техническое решение и технический результат. Их взаимосвязь образует сущность патентоспособного объекта. Данный подход отражается в пункте 42 действующего приказа Минэкономразвития России от 21 февраля 2023 г. № 107 «О государственной регистрации изобретений»[17] (далее — Приказ № 107). Техническая проблема представляет собой препятствие, объективно существующее в уровне техники, которое не позволяет достичь определенного технического эффекта; она выступает как causa finalis (целевая причина) создания изобретения. Техническое решение — это комплекс средств, методов и приемов, с помощью которых изобретатель предлагает разрешить определенную им техническую проблему. Указание на технический характер решения отражает его принадлежность к определенной технической области и уровню техники на момент создания.

[17] Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 21 февраля 2023 г. № 107 «О государственной регистрации изобретений» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.04.2026).

А.А. Пиленко отмечал следующее: «Под постановкой технической проблемы нужно понимать указание на существование неудовлетворенной материальной потребности; а под решением — ее сопоставление с определенными средствами, могущими ее удовлетворить. Понятие проблемы, поэтому, совпадает с понятием результата, достигнутого изобретением: идя сверху вниз, мы говорим о проблеме, решенной изобретателями, а идя снизу вверх, — о результате, достигнутом посредством изобретения»[18].

Сущность изобретения не сводится к простой совокупности его признаков. Как отмечает Ю.И. Буч, «сущность изобретения следует рассматривать как причинно-следственную связь этих признаков с достигаемым техническим результатом, определяемым, в свою очередь, функциями тех или иных признаков, или групп признаков. Если под сущностью понимать просто совокупность признаков, то любая замена признаков автоматически должна приводить к изменению сущности изобретения. Тогда бессмысленной становится доктрина эквивалентов»[19]. Доктрина эквивалентов предполагает понимание сущности изобретения как функционального единства признаков и связей между ними и достигаемым результатом, а не как их буквального перечня. Именно такое понимание сущности изобретения делает доктрину эквивалентов концептуально возможной и необходимой.

Реальный же объект — это продукт или способ, который обладает множеством конкретных характеристик и особенностей реализации. Именно между этими двумя уровнями (идеальным описанием в формуле и реальным воплощением в обороте) возникает пространство, в котором должен действовать специальный правовой механизм учета сущности изобретения. При установлении факта использования изобретения признаки реального объекта сопоставляются с признаками идеального объекта, описанного в формуле.

---

[18] *Пиленко А. А.* Право изобретателя : (Привилегии на изобретения и их защита в рус. и междунар. праве) : Историко-догмат. исслед. Т. 1-2 / Ал. Пиленко, прив.-доц. Спб. ун-та. - Санкт-Петербург : тип. М. М. Стасюлевича, 1902-1903, 2 т.; 24 см, Т. 1, 1902, XIV, [2]. С. 311.

[19] *Буч Ю. И.* Патентное право: учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2022. С. 115–116.

Таким образом, базовый принцип состоит в том, что патентное право охраняет содержание (сущность) технического решения, а не словесную форму его описания. Эта установка, в сочетании с охарактеризованной выше объективной ограниченностью буквального прочтения формулы, и определяет необходимость правового механизма, позволяющего устанавливать объем охраны с учетом возможных воплощений изобретательского замысла, не охватываемых формулой буквально. Таким механизмом выступает доктрина эквивалентов.

Российское законодательство не содержит нормативного определения доктрины эквивалентов. Пункт 3 статьи 1358 ГК РФ закрепляет понятие эквивалентного признака в контексте установления факта использования изобретения, однако ни в ГК РФ, ни в действовавшем ранее Патентном законе определение доктрины эквивалентов не приводится. Отсутствие легальной дефиниции обусловливает необходимость обращения к доктринальным источникам.

В научной литературе сложилось несколько подходов к пониманию доктрины эквивалентов. Как указывал И.Э. Мамиофа, доктрина эквивалентов представляет собой «комплекс представлений и взглядов»[20], сформировавшийся в правовой науке и практике. Такая характеристика подчеркивает динамичную природу исследуемой доктрины, ее способность «своевременно реагировать на социально-экономические изменения и научно-технический прогресс»[21]. Е.А. Устинова толкует доктрину эквивалентов как «систему воззрений, руководящих принципов и правил, которые выработала судебная практика при рассмотрении дел о нарушении патентов с применением эквивалентной замены признаков в патентной формуле»[22].

Обобщая приведенные подходы и основываясь на функциональном назначении доктрины эквивалентов в системе патентного права, представляется

---

[20] *Мамиофа И. Э.* Эквиваленты в патентной практике. Л.: ЛДНТП, 1979. С. 6.

[21] См.: *Плаксиенко Д. Л.* Доктрина эквивалентов в патентном праве России и проблемы системного толкования двусмысленных категорий // Сборник научных статей учеников и коллег к 90-летию профессора Э. П. Гаврилова / под ред. С. В. Бутенко, В. С. Витко, А. А. Рукавишниковой. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2023. С. 158–165.

[22] *Устинова Е. А.* Доктрина эквивалентов и ее российские варианты // Изобретательство. 2014. Т. 14, № 6. С. 9–24.

возможным сформулировать следующее определение: доктрина эквивалентов — это система сформировавшихся в правовой науке и правоприменительной практике принципов и правил соотнесения признаков формулы изобретения (характеризующей идеальный (нематериальный) объект) с признаками реального объекта, в целях установления факта того, распространяется ли правовая охрана, предоставляемая патентом, на возможные воплощения изобретательского замысла, не охватываемые буквальным содержанием формулы. Ее основы были разработаны в судебной практике США и были восприняты в дальнейшем многими государствами.

Назначение доктрины эквивалентов в юридической литературе формулируется следующим образом: «Ключевым в анализируемой доктрине является представление об эквивалентности воплощения изобретения вследствие адекватной замены отдельных существенных признаков, т.е. реализации на практике сущности изобретения в несколько иной форме. Именно это и отражает существо и предназначение доктрины эквивалентов — распространение правовой защиты на все возможные практические воплощения изобретательского замысла создателя изобретения»[23]. В.А. Мещеряков отмечает, что доктрина эквивалентов «расширяет объем правовой охраны, удостоверяемой патентом, и в определенной мере компенсирует недостатки формулы изобретения»[24]. Но ранее он также отметил позицию некоторых специалистов, что данная доктрина предназначена для компенсации неумения лиц, составляющих заявки, грамотно составить формулу[25]. Однако подобное понимание не учитывает, что даже при надлежащей квалификации составителя исчерпывающее описание всех возможных воплощений технического решения остается недостижимым. Источником потребности в доктрине эквивалентов выступает не квалификация ее составителя, а сама природа соотношения между идеальным описанием и реальным воплощением изобретения.

---

[23] См.: *Плаксиенко Д. Л.* Указ. соч.

[24] *Мещеряков В. А.* Доктрина эквивалентов: в поисках методологии. Часть I // Патентный поверенный. 2019. № 3. С. 27.

[25] См.: *Мещеряков В. А.* Применение доктрины эквивалентов при рассмотрении патентных споров // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2012. № 5. С. 8а–16.

Механизм применения доктрины эквивалентов основан на сопоставлении признаков. Согласно пункту 3 статьи 1358 ГК РФ изобретение признается использованным в продукте или способе, если продукт содержит, а в способе использован каждый признак изобретения, приведенный в независимом пункте формулы изобретения, либо признак, эквивалентный ему и ставший известным в качестве такового в данной области техники до даты приоритета изобретения. В традиционном понимании нарушением исключительного права признается использование такого технического решения, которое буквально не воспроизводит все признаки формулы, но содержит полностью или в части эквивалентные им признаки.

Общий принцип установления эквивалентности состоит в том, что признаки запатентованного изобретения соотносятся с признаками технического решения потенциального нарушителя: если при замене признака сохраняется достигаемый технический результат, принцип работы не меняется, а средства достижения результата равноценны, признак признается эквивалентным, а использование изобретения — состоявшимся.

В рамках современного подхода, свойственного большинству правовых систем, применение доктрины эквивалентов рассматривается преимущественно как вопрос права, разрешаемый судом при рассмотрении конкретного спора о нарушении исключительного права путем сопоставления признаков изобретения истца и реального объекта ответчика.

Применение доктрины эквивалентов можно проиллюстрировать на примере дела, которое было рассмотрено в ноябре 2024 г. Единым патентным судом ЕС (The Unified Patent Court)[26]. Предметом спора являлись два способа преобразования световой энергии в электрическую и/или водород. Запатентованное техническое решение, признанное пионерским, характеризовалось широкой формулой; реальный объект ответчика отличался от него лишь тем, что запатентованный

[26] Plant-e Knowledge B.V., Plant-e B.V. v. Arkyne Technologies S.L. [Электронный ресурс] // Decision on the Merits of the Court of First Instance of the Unified Patent Court, Local Division The Hague, 22 November 2024, EP2137782. URL: https://www.unifiedpatentcourt.org/sites/default/files/files/api_order/24FDA62A30C8A8D7838D5739CE610873_en.pdf (дата обращения: 07.04.2026).

процесс осуществлялся в одном отсеке, а в реальном объекте ответчика — в двух. В обоих случаях достигался один и тот же технический результат: создание энергии, не зависящей от внешнего источника топлива, за счет одного и того же средства (внедрения в систему живого растения как постоянного поставщика органического материала в реактор); количество отсеков на достижение результата не влияло. Ответчик, по существу, использовал пионерское изобретение, заменив лишь несущественный признак и сохранив принцип работы и результат; суд установил, что подобная замена входит в объектные границы исключительного права патентообладателя (истца).

Распространение правовой охраны, предоставляемой патентом, на воплощения изобретательского замысла, не охватываемые формулой буквально, в теоретическом плане означает расширение объектных границ исключительного права за пределы, задаваемые буквальным прочтением формулы. А.С. Ворожевич отмечает, что «объектные границы исключительных прав на изобретения на первом уровне определяются совокупностью продуктов и способов, в которых нашли воплощение все признаки формулы изобретения. При этом объектные границы исключительного права на изобретения (прежде всего, с высокой степенью инновационности) могут быть расширены посредством доктрины эквивалентов»[27]. В таком понимании доктрина эквивалентов выступает инструментом, обеспечивающим охрану сущности изобретения в условиях объективной ограниченности словесного описания, и именно эта расширительная функция доктрины эквивалентов традиционно признается в литературе основной.

Традиционный подход к доктрине эквивалентов, рассматривающий ее исключительно как инструмент расширения объектных границ исключительного права, несмотря на его обоснованность с точки зрения охраны сущности изобретения, имеет существенное ограничение. Расширение объектных границ посредством исследуемой доктрины опирается преимущественно на оценочную категорию эквивалентности, лишенную нормативно закрепленных критериев. В

[27] *Ворожевич А. С.* Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. М., 2021. С. 19.

результате доктрина эквивалентов в ее традиционном одностороннем понимании не столько устанавливает объектные границы, сколько размывает их: формула изобретения утрачивает свою демаркационную и информационную функции, а разграничение между признаками, охватываемыми формулой изобретения, и признаками, находящимися за ее пределами, становится неопределенным.

Это ограничение, однако, связано не с доктриной эквивалентов как таковой, а именно с ее односторонним, исключительно расширительным применением. Если доктрина эквивалентов понимается как инструмент, действующий только в сторону расширения правовой охраны, то ее применение действительно способно приводить к размыванию объектных границ. Однако такая односторонность не вытекает с необходимостью из природы исследуемой доктрины. Соотнесение признаков формулы изобретения с признаками реального объекта, составляющее содержание доктрины эквивалентов, по своей логической структуре может приводить не только к выводу о распространении правовой охраны на воплощения, формально не охватываемые формулой. Некоторые признаки, внешне формально входящие в объектные границы, с точки зрения исследования сущности изобретения не должны охватываться правовой охраной.

Доктрина эквивалентов по своей природе представляет собой правовой механизм двунаправленного действия: ее применение обеспечивает не только расширение пределов правовой охраны на воплощения изобретательского замысла, буквально не охваченные формулой, но и сужение этих пределов в случаях, когда буквальное прочтение формулы приводит к охране того, что по сущности изобретения охраняться не должно. Признание такого двунаправленного характера доктрины эквивалентов позволяет преодолеть методологическую ограниченность традиционного подхода и рассматривать доктрину эквивалентов как полноценный инструмент установления объектных границ исключительного права, а не их размывания.

§ 1.2. Понятие и сущность доктрины эквивалентов как механизма сужения объектных границ исключительного права патентообладателя

Доктрина эквивалентов может применяться как инструмент сужения объектных границ исключительного права. Указанное назначение доктрины эквивалентов получило в зарубежной судебной и патентной практике наименование обратной доктрины эквивалентов (reverse doctrine of equivalents). Этот термин, несмотря на терминологические неудобства, используется в настоящей работе для обозначения соответствующего механизма.

В данном случае понятие доктрины эквивалентов и ее природа остаются такими же: меняется только назначение. Основываясь на понятии и природе доктрины эквивалентов, обратная доктрина эквивалентов может быть определена как совокупность правил соотнесения признаков формулы изобретения (характеризующей идеальный, нематериальный объект) с признаками реального объекта таким образом, что в случаях, когда реальный объект, формально подпадающий под буквальное содержание формулы, по принципу функционирования принципиально отличается от запатентованного технического решения, объектные границы исключительного права сужаются до буквального значения признаков формулы изобретения.

Доктрина эквивалентов и обратная доктрина эквивалентов не образуют двух различных институтов патентного права — они представляют собой две функции одного правового механизма, направленные в противоположные стороны от буквального прочтения формулы.

Указание в определении на то, что реальный объект формально подпадает под буквальное содержание формулы, описывает исходную правовую ситуацию, в которой применяется обратная доктрина эквивалентов. В отличие от доктрины эквивалентов, применяемой в случаях отсутствия буквального совпадения признаков, обратная доктрина эквивалентов применяется именно тогда, когда буквальное совпадение есть, но сущностное — нет. Критерием такого сущностного различия выступает принцип функционирования: если реальный объект работает

принципиально иным образом, он не является воплощением того же изобретения, несмотря на формальное совпадение признаков. В результате происходит сужение объектных границ исключительного права до буквального значения признаков формулы.

Содержание обратной доктрины эквивалентов вытекает из функционального понимания сущности изобретения. Как было описано ранее, сущность изобретения представляет собой не простую совокупность признаков формулы, а функциональное единство признаков и связей между ними и достигаемым техническим результатом через принцип их функционирования. Если сущность определяется функциональным единством признаков с результатом через принцип работы, то существенное различие в принципе работы (функционирования) означает различие самой сущности даже при буквальном совпадении признаков формулы. Объект, формально подпадающий под формулу, но работающий по иному принципу, не является воплощением той же сущности, а потому не является воплощением того же изобретения.

Обратная доктрина эквивалентов в российской правовой доктрине практически не исследована. Количество работ, посвященных данному вопросу, невелико; большинство исследований доктрины эквивалентов сосредоточено на ее расширительной функции, а возможность обратного применения либо упоминается вскользь, либо не упоминается вовсе. Одной из немногих работ, в которых обратная доктрина эквивалентов получает некоторое освещение, является исследование А.В. Михайлова и Т.В. Сергуниной, в котором авторы предлагают развернутую формулу определения объема правовой охраны изобретения с учетом всех факторов, суживающих его по сравнению с буквальным толкованием формулы и с расширительным толкованием через доктрину эквивалентов[28].

Обратная доктрина эквивалентов также сформировалась и получила развитие в судебной практике США. Однако широкого применения в иных государствах она не получила. Изучение совокупности судебных актов американских судов,

[28] См.: *Михайлов А. В., Сергунина Т. В.* Иск о ненарушении исключительных прав для устранения неясности границ исключительных прав патентообладателя и исключения злоупотребления правом // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2016. № 13. С. 38–76.

сформировавших содержательные критерии обратной доктрины эквивалентов и выявивших ее пределы и ограничения, таким образом, имеет для целей настоящего исследования значение эмпирической и доктринальной базы.

Концепция обратной доктрины эквивалентов была сформулирована Верховным судом США в 1898 году при рассмотрении дела *Westinghouse v. Boyden Power Brake Co.*[29]. Предметом спора выступали две системы торможения поезда: запатентованная Джорджем Вестингаузом и производимая компанией Boyden Power Brake. Формальный анализ признаков показал, что устройство ответчика содержит все признаки независимого пункта формулы патента истца. Однако суд пришел к выводу, что устройство ответчика, несмотря на буквальное соответствие формуле, работает по иному принципу: за счет дифференциального давления, создаваемого перегородкой, обеспечивающего мгновенное и одновременное срабатывание тормозов каждого из вагонов, тогда как запатентованное устройство действовало через последовательное контролируемое использование давления из различных источников, что не позволяло осуществлять торможение всех вагонов одновременно. Существенное различие в принципе работы было охарактеризовано судом как «радикальное отклонение» и «проявление иной теории», исключающее признание факта использования изобретения.

Верховный суд США пришел к следующему выводу: если ответчик изменил принцип использования изобретения настолько, что признаки его устройства, буквально соответствующие пунктам формулы изобретения, перестали представлять собой само изобретение, ответчик так же мало подлежит признанию нарушителем, как и тот, кто нарушил букву закона, когда он не сделал ничего, что противоречило бы духу закона. Данный вывод представляет собой содержание обратной доктрины эквивалентов. Критерием ее применения, выработанным в данном деле, выступает идентичность либо различие принципа действия — установление того, основаны ли запатентованное изобретение и реальный объект

[29] Westinghouse v. Boyden Power Brake Co., 170 U.S. 537 (1898). [Электронный ресурс] // Justia US Supreme Court Center. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/170/537/ (дата обращения: 07.04.2026).

на одной и той же фундаментальной научной или инженерной концепции[30]. Оценка по данному критерию имеет качественный, а не количественный характер: речь идет не о процентном соотношении совпадающих признаков, а о содержательной идентичности либо различии того механизма, за счет которого достигается технический результат.

Дополнительные критерии применения обратной доктрины эквивалентов были выработаны в последующей практике. В деле *Severy Process Co. v. Harper & Bros.* 1902 года[31] Верховный суд США при разрешении спора о патенте на специальное основание для валиков печатных машин учел соотношение промышленной применимости и коммерческого успеха сравниваемых объектов. Изобретение истца, несмотря на шестилетний срок действия патента, не было реализовано в промышленных условиях и не получило коммерческого успеха, тогда как реальный объект, появившийся позднее, эффективно решал техническую проблему, которую изобретение истца решить не смогло, и получил признание на рынке. Указанные обстоятельства выступают в обратной доктрине эквивалентов как обстоятельства, подтверждающие принципиальное различие сущностей сравниваемых технических решений, но не заменяющие критерия принципа работы[32].

Признание Верховным судом США двунаправленности действия доктрины эквивалентов получило выражение в деле *Graver Tank & Mfg. Co. v. Linde Air Products* 1950 года[33]. В судебном акте отмечено, что доктрина эквивалентов не всегда применяется в пользу патентообладателя, но иногда используется против него. Когда устройство настолько принципиально отличается от запатентованного изобретения, что оно выполняет ту же или аналогичную функцию существенно иным образом, но подпадает под буквальные значения признаков формулы изобретения, доктрина эквивалентов может быть использована для ограничения

---

[30] См.: *Андреев А. В.* Обратная доктрина эквивалентов в патентном праве // Юридическая наука. 2025. № 11. С. 119–120.

[31] Severy Process Co. v. Harper & Bros., 113 F. 581 (1902). [Электронный ресурс] // Free Law Project. URL: https://www.courtlistener.com/opinion/8763066/severy-process-co-v-harper-bros/pdf/ (дата обращения: 07.04.2026).

[32] См.: *Андреев А. В.* Обратная доктрина эквивалентов в патентном праве. С. 120.

[33] Graver Tank & Mfg. Co. v. Linde Air Products Co., 339 U.S. 605 (1950). [Электронный ресурс] // Justia US Supreme Court Center. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/339/605/ (дата обращения: 07.04.2026).

формулы изобретения и отказа патентообладателю в иске о нарушении его исключительного права. Приведенная позиция определяет, что обратная доктрина эквивалентов понимается в американской судебной практике именно как одна из функций доктрины эквивалентов в целом, а не как самостоятельный институт, что также подтверждает описанное ранее содержание данного механизма[34].

Дальнейшее развитие обратной доктрины эквивалентов связано с решением вопроса о процедурных основаниях ее применения. В деле *SRI Int'l v. Matsushita Elec. Corp. of Am.* 1985 года[35] Апелляционный суд США по федеральному округу (United States Court of Appeals for the Federal Circuit) установил распределение бремени доказывания: патентообладатель-истец вправе ограничиться ссылкой на буквальное соответствие реального объекта ответчика пунктам формулы изобретения, тогда как обязанность доказать существенное различие в принципе работы и, следовательно, обоснованность применения обратной доктрины эквивалентов возлагается на ответчика[36]. Указанное процедурное правило не позволяет применять обратную доктрину эквивалентов судом по собственному усмотрению и обеспечивает ее применение лишь в случаях, когда ответчик активно заявляет о принципиальном различии и представляет соответствующие доказательства.

В последующем обратная доктрина эквивалентов применялась реже. В деле *Tate Access Floors, Inc. v. Interface Architectural Res.* 2002 года[37] Апелляционный суд США по федеральному округу охарактеризовал обратную доктрину эквивалентов как «анахроничное исключение, давно упомянутое, но редко применяемое». Указанная квалификация обратной доктрины эквивалентов и отказ от ее применения продолжается до настоящего времени[38].

---

[34] См.: *Андреев А. В.* Обратная доктрина эквивалентов в патентном праве С. 120.

[35] SRI Int'l v. Matsushita Elec. Corp. of Am., 775 F.2d 1107 (Fed. Cir. 1985). [Электронный ресурс] // Justia US Law. URL: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/775/1107/329637/ (дата обращения: 07.04.2026).

[36] См.: *Андреев А. В.* Обратная доктрина эквивалентов в патентном праве С. 120.

[37] Tate Access Floors, Inc. v. Interface Architectural Res., Inc., 279 F.3d 1357 (Fed. Cir. 2002). [Электронный ресурс] // Free Law Project. URL: https://www.courtlistener.com/opinion/776511/tate-access-floors-inc-and-tate-access-floors-leasing-inc-v-interface/pdf/ (дата обращения: 07.04.2026).

[38] См., например, Steuben Foods, Inc. v. Shibuya Hoppmann Corp., № 2023-1790 (Fed. Cir. Jan. 24, 2025). [Электронный ресурс] // U.S. Court of Appeals for the Federal Circuit. Opinions & Orders. URL: https://www.cafc.uscourts.gov/opinions-orders/23-1790.OPINION.1-24-2025_2456160.pdf (дата обращения: 07.04.2026).

Подобная квалификация отражает сложность практического применения данной доктрины: критерий различия принципа работы остается оценочным, бремя доказывания на ответчике является существенным, а суды, склонные к формально-буквалистскому толкованию патентной формулы, проявляют осторожность при обращении к обратной доктрине эквивалентов. С принятием Патентного закона 1952 года (Patent Act of 1952)[39] к формуле изобретения стали предъявляться более серьезные требования, затруднившие получение патента на изобретение, описываемое слишком широкими признаками в формуле.

Тем не менее формальная отмена обратной доктрины эквивалентов в судебной практике США не произошла, и она продолжает оставаться частью инструментария патентного права США.

Обобщая американский опыт, следует отметить, что обратная доктрина эквивалентов сформировалась на основе определенных ценностных установок, характерных для американского понимания патентного права. Доктрина США в значительной мере ориентирована на утилитарную теорию интеллектуальной собственности, согласно которой защита патентных прав обосновывается социальной полезностью инвестиций, необходимых для доведения изобретения до рыночной реализации: разработки рабочего прототипа, тестирования, маркетинга, распространения коммерческого продукта и последующих улучшений[40]. С этой точки зрения патент предоставляет охрану не самому техническому решению, а социально полезному результату его практической реализации; соответственно, изобретатель, не обеспечивший практическую реализуемость своего патента, не должен получать возможность препятствовать деятельности тех, кто достиг реальных результатов в соответствующей технической области. Именно эта установка объясняет необходимость обратной доктрины эквивалентов в описанный исторический период времени. В настоящее же время данный подход неприменим, что подчеркивается судебной практикой США. Это обусловлено тем, что изменился подход к проверке объектов, в отношении которых выдается патент.

---

[39] Patent Act, 35 U.S.C. § 1 et seq [Электронный ресурс] // WIPO Lex. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/22357 (дата обращения: 07.04.2026).

[40] См.: *Sichelman T.* Commercializing Patents // Stanford Law Review. Vol. 62, Iss. 2. 2010. P. 341–413.

Российская правовая доктрина и судебная практика не сталкивались с необходимостью применения обратной доктрины эквивалентов. Указанное обстоятельство не означает, что ситуации, для разрешения которых в праве США применяется обратная доктрина эквивалентов, не возникают в российской практике. Напротив, ситуации, связанные с использованием всех признаков изобретения в каком-либо объекте, но принципиально иным образом, можно найти в российском законодательстве, например, в нормах, посвященных регулированию зависимых изобретений.

Легальное определение зависимого объекта патентных прав закреплено в пункте 1 статьи 1358[1] ГК РФ. Согласно указанной норме зависимыми признаются изобретения, полезные модели и промышленные образцы, использование которых в продукте или способе невозможно без использования других изобретений, полезных моделей или промышленных образцов, охраняемых патентами и имеющих более ранний приоритет. Норма также указывает два частных случая зависимости: зависимым признается изобретение, охраняемое в виде применения по определенному назначению продукта, в котором используется охраняемое патентом с более ранним приоритетом другое изобретение; а также изобретение или полезная модель, формула которых отличается от формулы другого запатентованного технического решения с более ранним приоритетом только назначением продукта или способа.

Как отмечает С.А. Синицын, «зависимый патент охраняет новое техническое решение, заслуживающее самостоятельной охраны, но включающее в себя другое решение, уже пользующееся патентной охраной»[41].

Использование зависимого изобретения требует согласия обладателя первоначального патента. При отказе от заключения лицензионного договора обладатель зависимого патента вправе требовать выдачи принудительной лицензии в порядке, установленном статьей 1362 ГК РФ.

Анализ приведенной нормы позволяет выделить несколько ключевых критериев, при наличии которых изобретение признается зависимым. Первый

[41] *Синицын С. А.* Указ. соч. С. 408–409.

критерий: объективная невозможность использования. Зависимость возникает не вследствие субъективной оценки или соображений удобства, а в силу объективных технических причин, состоящих в том, что новое решение функционально и конструктивно включает в себя все признаки первоначального изобретения, содержащиеся в независимом пункте его формулы.

Второй критерий: наличие действующего патента на первоначальное изобретение. Режим объекта как зависимого напрямую обусловлен действием патента на первоначальное изобретение и представляет собой не постоянное свойство объекта, а юридическое состояние, которое может изменяться во времени. При досрочном прекращении или истечении срока действия первоначального патента, а равно при признании такого патента недействительным, зависимый объект утрачивает указанный режим и может использоваться свободно.

Третий критерий: более ранний приоритет первоначального патента.

Институт зависимых изобретений представляет собой правовое выражение диалектического противоречия, лежащего в основе патентного права: с одной стороны, соблюдение монополии первоначального патентообладателя; с другой — предотвращение создания непреодолимых барьеров для последующих инноваций.

Квалифицирующий признак зависимого изобретения может быть определен по-разному. В.Е. Китайский ограничивает перечень зависимых объектов исключительно усовершенствованиями охраняемых решений либо их применением по новому назначению[42]. Такой подход представляется узким, поскольку значительный круг зависимых объектов не может быть сведен исключительно к усовершенствованию или применению по новому назначению. Показательным примером может выступать устройство, конструктивные элементы которого выполнены из материала, охраняемого патентом с более ранним приоритетом. Такое устройство не является ни усовершенствованием, ни применением по иному назначению запатентованного материала, но оно объективно не может быть использовано без использования материала, на который

[42] См.: *Китайский В. Е.* Зависимые изобретения, зависимые полезные модели и зависимые промышленные образцы и дополнительные патенты на изобретения // Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества. 2014. № 4. С. 55–62.

получен патент. Следовательно, такое устройство является зависимым объектом. Более взвешенной в данном аспекте представляется позиция Д.В. Мурзина, согласно которой квалифицирующим признаком зависимого изобретения выступает наличие дополнительных отличительных признаков, отсутствующих в охраняемом патентом основном объекте, но обеспечивающих новизну производного решения, при условии соблюдения критериев патентоспособности последнего[43]. Такая позиция охватывает весь диапазон случаев зависимости от простого усовершенствования до использования запатентованного решения в составе принципиально нового объекта.

Отдельного внимания заслуживает ситуация, прямо не описанная в статье 1358[1] ГК РФ, но имеющая существенное значение для соотношения института зависимых изобретений и обратной доктрины эквивалентов: ситуация, при которой в объекте используются все признаки формулы первоначального изобретения, но совершенно иным способом. Такая ситуация подпадает под общее определение зависимости, если реализация нового принципа действия технически невозможна без использования каждого признака запатентованного решения[44].

Соотношение обратной доктрины эквивалентов и института зависимых изобретений требует содержательного анализа. Оба механизма применяются в одних и тех же случаях, когда в объекте одного лица используются все признаки запатентованного другим лицом технического решения, но объект обладает дополнительными характеристиками, отличающими его от запатентованного изобретения. Однако правовые последствия, предусмотренные этими институтами, существенно различаются.

Механизм зависимых изобретений исходит из признания факта использования первоначального изобретения в зависимом объекте. Он не исключает объект из пределов правовой охраны первоначального патента, а, напротив, констатирует, что такой объект охватывается этими пределами и может

---

[43] Гражданский кодекс Российской Федерации: Патентное право. Право на селекционные достижения. Постатейный комментарий к главам 72 и 73 / К. В. Всеволожский, О. В. Добрынин, В. Н. Кастальский и др.; под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2015. 444 с. (автор параграфа – Д. В. Мурзин).

[44] См.: *Андреев А. В.* Обратная доктрина эквивалентов в патентном праве. С. 119–120.

быть использован только с согласия обладателя первоначального патента. Инструментом согласования интересов выступает лицензионный договор, а при отказе от его заключения — принудительная лицензия на условиях, определяемых судом. Указанный механизм обеспечивает сохранение имущественного интереса обладателя первоначального патента и одновременно создает условия для использования зависимого изобретения в гражданском обороте.

Обратная доктрина эквивалентов, в ее узком понимании, предусматривает принципиально иное правовое последствие. В случае ее применения реальный объект, несмотря на буквальное соответствие признаков реального объекта признакам формулы изобретения истца, признается не являющимся воплощением того же изобретения, и, соответственно, выводится за пределы объектных границ исключительного права[45]. При этом никаких обязательств в отношении обладателя первоначального патента у лица, использующего такой объект, не возникает: оно не обязано ни получать согласие, ни заключать лицензионный договор, ни уплачивать какое-либо вознаграждение. Имущественные интересы обладателя первоначального патента при применении обратной доктрины эквивалентов во внимание не принимаются; единственным основанием правовой оценки выступает установление принципиального различия сущностей сравниваемых технических решений.

Существенное значение имеет анализ того, в каком соотношении находятся фактические ситуации, к которым применяются оба института. Случаи, в которых в объекте используются все признаки первоначального патента с добавлением новых элементов, не затрагивающих принципиального изменения принципа работы, охватываются институтом зависимых изобретений. Это классическая ситуация последующего усовершенствования: объект содержит признаки первоначального изобретения и одновременно содержит дополнительные признаки, образующие новое техническое решение. В такой ситуации применение обратной доктрины эквивалентов с выводом объекта за пределы охраны

[45] См.: *Андреев А. В.* Обратная доктрина эквивалентов в патентном праве. С. 119–120.

первоначального патента без каких-либо обязательств перед патентообладателем вступало бы в прямое противоречие с положениями статьи 1358[1] ГК РФ.

Случай, когда объект содержит все признаки формулы первоначального изобретения, но функционирует принципиально иным образом, в российской правовой системе потенциально может быть квалифицирован через второй вид зависимых изобретений, указанный в пункте 1 статьи 1358[1] ГК РФ, как изобретения, отличающиеся от запатентованного технического решения с более ранним приоритетом только назначением продукта или способа[46]. Однако подобная квалификация не является единственно верной. Как справедливо отмечает В.А. Мещеряков, в ситуациях, когда признаки, характеризующие назначение сравниваемых объектов, не совпадают, «в действительности нет зависимости между двумя патентами. Несовпадение признаков, характеризующих назначение сравниваемых объектов, означает, что использование одного из этих объектов не должно признаваться использованием другого»[47]. Правило пункта 1 статьи 1358[1] ГК РФ о зависимости по признаку назначения применимо к ограниченному кругу ситуаций — тех, в которых в формуле первоначального изобретения назначение не указано, а в формуле зависимого изобретения назначение прописано детально[48]. За пределами этого круга применение правила о зависимости по основанию различия назначения оказывается спорным: если объекты принципиально различаются по назначению и принципу работы, их фактическое взаимоотношение описывается не категорией зависимости, а категорией самостоятельности, при которой реальный объект не является ни воплощением первоначального изобретения, ни его усовершенствованием.

Из сказанного следует, что институт зависимых изобретений в российском праве функционально перекрывает значительную, но не всю область, в которой в американской практике применяется обратная доктрина эквивалентов. Основная масса случаев разрешается в российском праве через квалификацию объекта как

---

[46] См.: *Андреев А. В.* Обратная доктрина эквивалентов в патентном праве. С. 119–120.

[47] *Мещеряков В. А.* Развитие российского патентного законодательства на современном этапе // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2012. № 4. С. 33–34.

[48] См.: *Андреев А. В.* Обратная доктрина эквивалентов в патентном праве. С. 123.

зависимого изобретения с последующим требованием о согласии патентообладателя или выдачей принудительной лицензии. Отношения, связанные с ситуациями различия в принципе работы при буквальном совпадении признаков формулы, составляющие ядро обратной доктрины эквивалентов в ее узком понимании, в российском праве системного правового регулирования не получили. Это создает следующий пробел: данная категория случаев либо вовсе не разрешается специальным правовым инструментарием и оценивается по общим нормам о нарушении исключительного права, при которых буквального совпадения признаков достаточно для признания нарушения, либо квалифицируется как разновидность зависимости по признаку назначения, что не всегда оправданно. Выявленный пробел образует пространство, в котором может быть востребован инструментарий обратной доктрины эквивалентов не как самостоятельный институт, подлежащий прямой имплементации в российское право, а как совокупность критериев, способных обогатить существующие российские институты.

Однако, как представляется, требования, которые предъявляются к формуле изобретения, в нормативных актах изложены (в Российской Федерации требования изложены в Приказе № 107) таким образом, чтобы не допустить возможность зарегистрировать в качестве изобретения чрезмерно широкую формулу. В связи с этим оснований для прямого применения механизма обратной доктрины эквивалентов в настоящее время не усматривается.

С другой стороны, инструментарий, выработанный американской практикой в рамках обратной доктрины эквивалентов, может оказаться полезным для решения смежных задач, возникающих в российском праве, в частности, задачи определения оснований выдачи принудительной лицензии в отношении зависимых изобретений.

Ценностные основания российского патентного права существенно отличаются от утилитарной установки, характерной для американской модели. Исключительное право представляет собой абсолютное право, предоставляемое патентообладателю в силу факта выдачи патента и охраняющего сам объект

патентных прав. Объем охраны определяется признаками формулы изобретения; иные обстоятельства (например, практическая реализуемость, коммерческий успех, степень инновационности) принципиального значения для установления факта нарушения исключительного права по общему правилу не имеют.

Из указанного различия следует, что прямое перенесение обратной доктрины эквивалентов с ее характерной опорой на практическую реализуемость и коммерческий успех в российское законодательство потребовало бы изменения фундаментальных установок российской патентной системы.

Механизм принудительного лицензирования выступает одним из основных инструментов обеспечения баланса интересов обладателя первоначального патента и обладателя зависимого патента в российском праве. В.И. Еременко рассматривает принудительную лицензию в качестве санкции за злоупотребление патентной монополией: «Злоупотребление выражается в форме отказа патентообладателя, патент которого препятствует использованию важного для общества технического достижения, от заключения лицензионного соглашения с обладателем патента на зависимое изобретение, что, в принципе, является тормозом для развития научно-технического прогресса в стране»[49]. Приведенная позиция отражает, что принудительная лицензия не ограничивает исключительное право произвольно, а служит инструментом преодоления ситуаций, в которых формальное сохранение монополии оборачивается препятствием для развития техники. Принудительная лицензия в российском праве не лишает патентообладателя исключительного права и не выводит объект за пределы охраны: она обеспечивает возможность использования зависимого изобретения на возмездной основе, сохраняя при этом имущественные интересы обладателя первоначального патента.

Согласно пункту 2 статьи 1362 ГК РФ принудительная лицензия в отношении зависимого изобретения может быть выдана лишь при условии, что такое изобретение представляет собой важное техническое достижение и имеет

[49] *Гаврилов Э. П., Еременко В. И.* Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). М.: Экзамен, 2009. С. 456–457 (автор главы – В. И. Еременко).

существенные экономические преимущества перед изобретением обладателя первоначального патента. Указанные критерии (важное техническое достижение и существенные экономические преимущества) имеют принципиальное значение для функционирования института, однако на уровне законодательства они не раскрываются. Соответствующие категории являются оценочными и предполагают содержательное наполнение в процессе правоприменения. Методология их применения не разработана ни на уровне нормативных разъяснений, ни на уровне судебной практики; соответствующие оценки в каждом конкретном деле осуществляются судом исходя из обстоятельств дела и представленных доказательств.

Оценочный характер указанных критериев порождает ряд практических проблем. Первая состоит в отсутствии единообразия правоприменительной практики: при отсутствии общепринятых критериев применения однотипные фактические ситуации могут получать различную правовую квалификацию в разных делах. Вторая проблема заключается в неопределенности предмета доказывания, так как стороны не могут с достаточной точностью определить, какие обстоятельства должны быть установлены, какими доказательствами должно подтверждаться наличие «важного технического достижения» или «существенных экономических преимуществ», какой уровень доказанности признается достаточным. Третья проблема заключается в повышенной зависимости правовой оценки от состава привлекаемых специалистов. При отсутствии установленных методологических оснований оценка оказывается преимущественно экспертной, а не правовой, что снижает предсказуемость исхода соответствующих споров и увеличивает риски для участников гражданского оборота.

Отсутствие разработанной методологии применения критериев пункта 2 статьи 1362 ГК РФ находит подтверждение в правоприменительной практике. Например, в деле *№ А40-166505/2017*[50] Арбитражный суд города Москвы рассматривал вопрос о предоставлении принудительной простой

[50] Решение Арбитражного суда города Москвы от 17 июня 2022 г. по делу № А40-166505/2017 [Электронный ресурс] // Информационная система «Картотека арбитражных дел». URL: https://kad.arbitr.ru/Card/3a0440d1-5ba5-4049-ac4c-7be5b9edc09c (дата обращения: 07.04.2026).

(неисключительной) лицензии в отношении изобретения, охраняющего лекарственное средство сунитиниб. Обладатели первоначального патента (компании «Сьюджен ЛЛС» и «Фармасиа энд Апджон Кампэни ЛЛС») обратились с требованием о прекращении нарушения исключительного права; ответчик (ООО «Натива»), обладатель патента на кристаллическую полиморфную модификацию того же вещества, предъявил встречное требование о выдаче принудительной лицензии. В обоснование встречного требования ответчик ссылался на то, что его модификация представляет собой важное техническое достижение: в отличие от изобретения по первоначальному патенту кристаллическая полиморфная модификация способна проявлять полиморфизм, то есть существовать в различных кристаллических формах с сохранением химического состава, что имеет значение для фармацевтических свойств лекарственного средства и его промышленного применения. В обоснование существенных экономических преимуществ ответчик представил доказательства того, что разница предельной отпускной цены составляла около 20%, а при проведении торгов — до 60%. На основании представленных доказательств суд удовлетворил встречное требование и вынес решение о выдаче принудительной лицензии.

Однако в 2021 году патент ООО «Натива» на кристаллическую полиморфную модификацию был признан недействительным по причине несоответствия условиям патентоспособности (новизне и промышленной применимости), а также по причине недостаточного раскрытия сущности изобретения в документах заявки[51]. На этом основании решение по делу *№ А40-166505/2017* было пересмотрено: то, что ранее было признано важным техническим достижением, имеющим существенные экономические преимущества, по итогам пересмотра не получило такой квалификации. Подобный исход показателен, так как оценка наличия критериев пункта 2 статьи 1362 ГК РФ оказалась зависимой не столько от содержательного анализа технических и экономических характеристик объекта, сколько от последующей процессуальной

[51] Решение Суда по интеллектуальным правам от 9 декабря 2021 г. по делу № СИП-923/2021 [Электронный ресурс] // Информационная система «Картотека арбитражных дел». URL: https://kad.arbitr.ru/Card/f1716ae5-6749-46b8-9cda-105d12d9d67c (дата обращения: 07.04.2026).

судьбы самого патента, обладателем которого являлось лицо, испрашивающее принудительную лицензию. При устойчивой методологии применения критериев различная процессуальная судьба патента не должна приводить к диаметрально противоположной оценке одних и тех же фактических обстоятельств в отношении технической и экономической значимости изобретения; однако в отсутствие такой методологии подобный результат оказывается возможным[52].

В данном случае, как представляется, может быть востребован инструментарий обратной доктрины эквивалентов. Критерии, выработанные американской практикой применительно к обратной доктрине эквивалентов (различие в принципе функционирования, промышленная реализуемость технического решения, его коммерческий успех) по своему содержанию во многом соответствуют тому, что имеется в виду под «важным техническим достижением» и «существенными экономическими преимуществами» в пункте 2 статьи 1362 ГК РФ.

Использование указанных критериев для наполнения категорий пункта 2 статьи 1362 ГК РФ способно обеспечить несколько практических результатов. При наличии содержательных критериев стороны могут заранее оценивать перспективы дела и готовить соответствующую доказательственную базу, а суд получает опору для содержательного анализа, выходящего за пределы субъективного усмотрения. Кроме того, содержательные критерии, будучи примененными к конкретным фактическим обстоятельствам, сохраняют свою силу независимо от последующей процессуальной судьбы патентов, что снижает риск ситуаций, наблюдавшихся в деле *№ А40-166505/2017*. При наличии разделяемых судами критериев однотипные ситуации получают одинаковую правовую оценку, что укрепляет доверие к правовой системе и повышает инвестиционную привлекательность патентования.

Такое использование инструментария обратной доктрины эквивалентов отличается от ее прямой имплементации в российское право в качестве

---

[52] См. подробнее: *Балашова А. И.* Вторичные и дополнительные патенты, зависимые изобретения: соотношение понятий и правовых режимов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Декабрь. № 4 (50). С. 129–149.

самостоятельного правового механизма. Критерии, выработанные в рамках обратной доктрины эквивалентов, применяются не для исключения объекта из пределов правовой охраны первоначального патента, а для содержательного наполнения категорий, уже существующих в российском законодательстве. Тем самым обеспечивается совместимость с институтом зависимых изобретений и принципами российского патентного права. Более того, использование критериев обратной доктрины эквивалентов в этой форме не затрагивает ценностных оснований российского патентного права: оно не подчиняет исключительное право категориям полезности и коммерческого успеха, а лишь дает содержательное наполнение уже существующим в законодательстве категориям, применяемым в строго определенной правовой ситуации при рассмотрении вопроса о выдаче принудительной лицензии.

Подводя итог рассмотрению обратной доктрины эквивалентов, возможно сформулировать следующие выводы. Доктрина эквивалентов по своей природе допускает не только расширение, но и сужение объектных границ исключительного права. Сужение осуществляется посредством обратной доктрины эквивалентов, которая в настоящем исследовании понимается как совокупность правил соотнесения признаков формулы изобретения с признаками реального объекта в случаях, когда реальный объект, формально подпадая под буквальное содержание формулы, функционирует по принципиально иному принципу. Природа обратной доктрины эквивалентов обусловливается функциональным пониманием сущности изобретения: существенное различие в принципе работы означает различие самой сущности, при котором буквальное совпадение признаков не образует основания для признания факта использования изобретения.

В российском праве обратная доктрина эквивалентов в ее американском виде не применялась и не получила правового закрепления. Значительная часть случаев, разрешаемых в американской практике через обратную доктрину эквивалентов, в российском праве охватывается институтом зависимых изобретений, предусматривающим иные правовые последствия: не исключение объекта из пределов охраны, а необходимость получения согласия обладателя

первоначального патента либо выдачи принудительной лицензии. Прямая имплементация обратной доктрины эквивалентов в российское право сопряжена с рядом проблем: прежде всего, с несовместимостью ее утилитарных оснований с ценностными установками российской патентной системы — и не представляется необходимой.

Вместе с тем инструментарий обратной доктрины эквивалентов может быть использован для содержательного наполнения критериев пункта 2 статьи 1362 ГК РФ («важное техническое достижение» и «существенные экономические преимущества»), применение которых в настоящее время сопряжено с методологической неопределенностью. Такое использование не требует перенесения обратной доктрины эквивалентов как самостоятельного механизма в российское право, сохраняет совместимость с институтом зависимых изобретений и одновременно обогащает методологию принудительного лицензирования. В этом ограниченном, но оправданном виде обратная доктрина эквивалентов способна найти свое место в российском патентном праве.

Проведенное в настоящей главе исследование позволяет сформулировать ряд выводов, раскрывающих понятие, сущность и назначение доктрины эквивалентов как самостоятельного правового механизма согласования объема правовой охраны изобретения с его действительным техническим содержанием.

Доктрина эквивалентов в патентном праве представляет собой систему сформировавшихся в правовой науке и правоприменительной практике принципов и правил соотнесения признаков формулы изобретения (характеризующей идеальный (нематериальный) объект) с признаками реального объекта, в целях установления факта того, распространяется ли правовая охрана, предоставляемая патентом, на возможные воплощения изобретательского замысла, не охватываемые буквальным содержанием формулы. Доктрина эквивалентов — это правовой механизм, обеспечивающий согласование объема правовой охраны изобретения с его действительным техническим содержанием.

Базовым является функциональное понимание изобретения как единства технической проблемы, технического решения и технического результата,

связанных определенным принципом функционирования. Функциональное единство этих элементов, а не словесная форма формулы изобретения, образует содержание правовой охраны. Из такого понимания сущности изобретения проистекает необходимость доктрины эквивалентов.

Доктрина эквивалентов имеет два назначения. Первое назначение состоит в расширении объектных границ исключительного права за пределы буквального прочтения формулы на воплощения изобретательского замысла, формально не охватываемые формулой, но сохраняющие сущность изобретения. Второе назначение, реализуемое посредством обратной доктрины эквивалентов, состоит в сужении объектных границ исключительного права до буквального значения признаков формулы изобретения в случаях, когда объект, формально подпадающий под буквальное содержание формулы, функционирует по иному принципу и не является воплощением запатентованного технического решения. Эти назначения различаются как по исходной правовой ситуации (отсутствие или наличие буквального совпадения признаков), так и по правовым последствиям (распространение охраны на эквивалентные воплощения или ограничение охраны буквальным значением признаков).

Несмотря на различие в назначении, они не образуют двух самостоятельных правовых инструментов, а представляют собой две функции одного правового механизма двунаправленного действия, общая методологическая основа которого состоит в соотнесении признаков идеального объекта (формулы изобретения) с признаками реального объекта на предмет сохранения функционального единства, образующего сущность изобретения. Признание такого характера доктрины эквивалентов позволяет преодолеть ограниченность традиционного одностороннего подхода и рассматривать доктрину эквивалентов как полноценный инструмент установления объектных границ исключительного права на изобретение.

Сопоставление обратной доктрины эквивалентов с другими инструментами российского патентного права позволяет сделать вывод, что прямое заимствование положений об обратной доктрине эквивалентов, сложившихся в судебной практике

США, не имеет под собой достаточных оснований: значительная часть фактических ситуаций, разрешаемых в зарубежной практике посредством обратной доктрины эквивалентов, в российском праве охватывается инструментарием зависимого изобретения и принудительного лицензирования. Вместе с тем выработанный зарубежной практикой инструментарий может быть использован для установления оснований принудительного лицензирования, прежде всего, за счет содержательного наполнения оценочных категорий «важное техническое достижение» и «существенные экономические преимущества», применяемых в настоящее время в российском праве без устойчивой методологической основы.

Сформулированные выводы образуют теоретическую основу для последующего анализа применения доктрины эквивалентов и порядка установления эквивалентности признаков.

ГЛАВА 2. ПРИМЕНЕНИЕ ДОКТРИНЫ ЭКВИВАЛЕНТОВ И ПОРЯДОК УСТАНОВЛЕНИЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПРИЗНАКОВ

§ 2.1. Формирование национальных моделей применения доктрины эквивалентов

Как было обосновано ранее, доктрина эквивалентов по своей природе представляет собой правовой механизм двунаправленного действия. Описанное содержание общей теории доктрины эквивалентов требует сопоставления с эмпирическим материалом: с тем, как доктрина эквивалентов фактически сформировалась и применяется в различных правовых системах.

Формирование моделей применения доктрины эквивалентов в разных правовых системах не было ни синхронным, ни единообразным. Национальные модели складывались под воздействием особенностей, свойственных правовым системам государств, их принадлежности к романо-германской или англо-американской правовой семье, роли судебной практики в формировании норм, степени доктринальной активности, а также конкретных ценностных установок, лежащих в основе национального понимания патентной охраны. В результате в современном мире сложилось несколько относительно самостоятельных моделей применения доктрины эквивалентов, каждая из которых решает общую задачу, направленную на установление правил и принципов соотношения признаков формулы изобретения с признаками реального объекта, но в рамках собственного методологического подхода.

Анализ национальных моделей проводится по единой структурной схеме: для каждой модели последовательно рассматриваются правовая характеристика (принадлежность к правовой семье и особенности источников регулирования), историческое формирование (ключевые этапы становления), современное содержание (действующие общие правила и процедуры применения) и особенности в сравнительном плане (отличия от иных моделей и специфические

черты). Такой подход позволяет сохранить сопоставимость анализа и одновременно отразить национальную специфику каждой модели.

Основное внимание уделяется четырем моделям, оказавшим, как представляется, наибольшее влияние на развитие доктрины эквивалентов в мировой практике:

– модель, сформировавшаяся в СССР и перешедшая в современную российскую правовую систему (далее — Российская модель);

– модель, сформировавшаяся в рамках правовой системы Соединенных Штатов Америки (далее — Американская модель);

– модель, сформировавшаяся в рамках правовой системы Федеративной Республики Германия (далее — Германская модель);

– модель, сформировавшаяся в рамках правовой системы Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (далее — Британская модель).

Примеры применения доктрины эквивалентов в ряде иных государств (Италии, Канады, Индии, Китайской Народной Республики, Японии) рассматриваются как иллюстрации применения рассмотренных моделей.

Российская модель

Правовая характеристика. Российская модель применения доктрины эквивалентов сформировалась в рамках романо-германской правовой системы. Она отражает характерную для континентальной правовой системы установку на нормативное закрепление правил применения исследуемой доктрины. В отличие от моделей, формировавшихся преимущественно в рамках судебной практики, в российской правовой системе ключевые положения об установлении эквивалентности признаков закреплялись на уровне нормативных и подзаконных актов, а судебная практика играла производную роль: применяла установленные нормы к конкретным делам, а не вырабатывала новые критерии самостоятельно. Такая модель соответствует общему подходу к источникам права в романо-германской традиции и одновременно отражает исторически сложившееся распределение ролей между законодательной и судебной властью в российском патентном праве.

Историческое формирование. История формирования Российской модели применения доктрины эквивалентов охватывает три содержательно различных периода: дореволюционный, советский и постсоветский, каждый из которых внес собственный вклад в формирование современного регулирования.

В дореволюционный период нормативные правовые акты, регулировавшие отношения в сфере патентного права, не содержали прямых указаний на возможность применения доктрины эквивалентов. Тем не менее общая идея, лежащая в основе доктрины эквивалентов (охрана сущности изобретения, а не словесной формы его описания) находила отражение в нормативном материале того времени. Положение о привилегиях 1833 г.[53] содержало норму, согласно которой нарушением признавалась любая подделка открытия, изобретения или усовершенствования; под подделкой понималось точное и во всех существенных частях сходное производство запатентованного объекта, в том числе в случаях, когда были сделаны несущественные изменения или было добавлено улучшение, включающее в себя существенную часть запатентованного изобретения.

Аналогичное положение содержалось и в Положении о привилегиях на изобретения и усовершенствования 1896 г.[54], где оно было отнесено к признаку новизны.

Указанные нормы отражают скорее общий принцип охраны содержания технического решения, нежели доктрину эквивалентов. Ни в нормативных актах того периода, ни в судебной практике не встречалось случаев применения исследуемой доктрины эквивалентов, формулирования принципов ее применения. Российская научная мысль дореволюционного периода, однако, уже была знакома с доктриной эквивалентов на уровне зарубежной практики. А.А. Пиленко, критикуя подход отечественного законодательства, отмечал: «Наши суды не умели или не хотели возвыситься до широкого понимания сущности патентной защиты. Вместо того, чтобы помогать изобретателям в их нелегкой борьбе с

---

[53] Положение о привилегиях от 22 ноября 1833 г. [Электронный ресурс] // Библиотека Руниверс. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 8. Отд. 1. Ст. 6588. С. 692. URL: https://runivers.ru/library/9873.html?sphrase_id=36459 (дата обращения: 07.04.2026).

[54] Положение о привилегиях на изобретения и усовершенствования от 20 мая 1896 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. СПб., 1899. Т. 16. Отд. 1. № 12965. С. 453–458.

контрафакторами, суды наши узко формальным отношением к делу всячески затрудняли эту борьбу. Малейшие изменения в форме или внешнем виде патентованных приспособлений часто вели к оправданию подсудимых; учение об эквивалентах было совершенно неизвестно нашим судам»[55]. А.А. Пиленко также обращал внимание на сложности, связанные с определением понятия эквивалента, указывая, что объем эквивалентов в каждом конкретном случае различен и зависит как от количественных характеристик (число признаков, подлежащих замене, и число их возможных эквивалентов), так и от качественных (существенность изменения, с которой начинается новый изобретательский уровень)[56].

В советский период была предпринята попытка системного нормативного закрепления правил применения эквивалентности. На протяжении декабря 1973 — января 1974 гг. последовательно были приняты три нормативных акта, каждый из которых регулировал применение эквивалентности в соответствующей процедурной плоскости.

Первым по времени принятия выступает Инструкция по государственной научно-технической экспертизе изобретений (ЭЗ-2-74), утвержденная Государственным комитетом Совета Министров СССР по делам изобретений и открытий 13 декабря 1973 г.[57] (далее — Инструкция по государственной экспертизе). Данный акт регулировал применение эквивалентности на этапе экспертизы заявки: при проверке условия патентоспособности «новизна», при определении прототипа изобретения путем сравнительного анализа признаков, а также при составлении формулы изобретения с возможным выражением существенного признака через совокупность технических эквивалентов.

Вторым актом выступает Инструкция о порядке выплаты вознаграждения за изобретения и рационализаторские предложения, утвержденная Государственным комитетом Совета Министров СССР по делам изобретений и открытий 15 января

---

[55] *Пиленко А. А.* Право изобретателя : (Привилегии на изобретения и их защита в рус. и междунар. праве) : Историко-догмат. исслед. Т. 1-2 / Ал. Пиленко, прив.-доц. Спб. ун-та. - Санкт-Петербург : тип. М. М. Стасюлевича, 1902-1903, 2 т.; 24 см, Т. 2, 1903. XII. С. 113.

[56] См. *Пиленко А. А.* Право изобретателя. Т.2. 1903. С. 176–177.

[57] ЭЗ-2-74. Инструкция по государственной научно-технической экспертизе изобретений, утверждена Госкомизобретений СССР 13 декабря 1973 г. // М : ВНИИПИ. 1982.

1974 г.[58] (далее — Инструкция о порядке выплаты вознаграждения). Она регулирует в том числе отношения, связанные с применением доктрины эквивалентов при установлении факта использования изобретения для целей выплаты вознаграждения автору, закрепляя правило всех элементов (изобретение считается использованным при условии использования всех признаков, перечисленных в пункте формулы изобретения) и определение эквивалентной замены признака (замены, при которой не меняется сущность изобретения, достигается такой же результат, а средства выполнения заменены на равноценные, известные в данной области).

Третьим актом стала Инструкция по экспертизе объектов техники на патентную чистоту, утвержденная Постановлением Государственного комитета Совета Министров СССР по делам изобретений и открытий от 29 января 1974 г.[59] (далее — Инструкция по экспертизе на патентную чистоту). Указанный акт регулировал применение эквивалентности при проверке объектов на патентную чистоту, однако его значение выходило за пределы специальной экспертизы — он прямо связывал применение «теории эквивалентов» (альтернативное название доктрины эквивалентов) с судебной практикой по спорам о нарушении патентов и устанавливал критерий очевидности возможности эквивалентной замены для специалиста средней квалификации на основе данных, определяющих уровень техники до даты приоритета.

Совокупность трех указанных актов образовала последовательную систему, в которой применение эквивалентности было распределено между тремя процедурными плоскостями: экспертной (Инструкция по государственной экспертизе); связанной с установлением факта использования для вознаграждения (Инструкция о порядке выплаты вознаграждения); установления факта возможности использования изобретения на территории государства (Инструкция по экспертизе на патентную чистоту). Каждый из актов давал собственное

---

[58] Инструкция о порядке выплаты вознаграждения за изобретения и рационализаторские предложения, утверждена Госкомизобретений СССР 15 января 1974 г. // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. 1974. № 5.

[59] Инструкция по экспертизе объектов техники на патентную чистоту (утв. Постановлением Госкомизобретений СССР 29 января 1974 г.) // Законодательство СССР по изобретательству. Том 2. М. 1982.

определение эквивалентности и собственные критерии ее установления, приспособленные к задачам соответствующей процедурной плоскости. Уже на уровне этой нормативной базы советское право фактически разводило применение эквивалентности в процессуально различных ситуациях.

Методика сравнительного анализа признаков, установленная Инструкцией по государственной экспертизе, предполагала сопоставление признаков заявленного объекта и аналогов для установления их идентичности либо эквивалентности.

Методология установления эквивалентности признаков реального объекта и признаков формулы изобретения, установленная в советских актах, при формальном признании Инструкции по государственной экспертизе недействующей приказом Роспатента от 14 февраля 2002 г. № 25[60] фактически сохранила действие в экспертной и судебной практике. Эксперты при проведении патентно-технической экспертизы в судебных спорах о нарушении исключительных прав продолжают обращаться к установленным советской системой правилам, поскольку современное российское регулирование не содержит сопоставимого по полноте методологического инструментария.

В постсоветский период нормативное регулирование применения доктрины эквивалентов претерпело несколько изменений. Патентный закон Российской Федерации в первоначальной редакции (1992 г.) в пункте 2 статьи 10 лишь упоминал понятие «эквивалент», не раскрывая его содержания. Кроме того, доктрина эквивалентов применялась как к изобретениям, так и к полезным моделям.

Федеральным законом от 7 февраля 2003 г. № 22-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Патентный закон Российской Федерации»[61] правило было уточнено: для квалификации признака в качестве эквивалентного устанавливалось

---

[60] Приказ Роспатента от 14 февраля 2002 г. № 25 «О признании недействующими ведомственных нормативных правовых актов» (Документ опубликован не был) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: http://cons-001:20101/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=304585&cacheid=F56EF88E8901AEED8A2D17D8F903C86D&mode=splus&rnd=zoW4qLVU8JSfos11#Azc7qLVCGioOOF7S1 (дата обращения: 07.04.2026).

[61] Федеральный закон от 07 февраля 2003 г. № 22-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Патентный закон Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 6. Ст. 505.

требование о необходимости установления известности эквивалентности в данной области техники до момента совершения действий, связанных с использованием изобретения. Указанное уточнение перенесло момент установления известности с даты приоритета, зафиксированной советской системой, на момент совершения нарушения.

С принятием части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации норма, посвященная регулированию отношений, связанных с применением доктрины эквивалентов, была закреплена в пункте 3 статьи 1358, сохранившей подход последней редакции Патентного закона.

Существенные изменения в данную норму были внесены Федеральным законом от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ[62]. Во-первых, применение доктрины эквивалентов было ограничено изобретениями, хотя ранее оно допускалось и в отношении полезных моделей. Во-вторых, момент установления известности эквивалентности, как и в советский период, определялся до даты приоритета изобретения.

Внесение указанных изменений, как представляется, является обоснованным. Наличие или отсутствие эквивалентности между признаками реального объекта и признаками формулы изобретения относится в первую очередь к такому условию патентоспособности, как «изобретательский уровень» (условие патентоспособности, не применяемое к полезным моделям).

В силу части 2 пункта 2 статьи 1350 ГК РФ изобретение имеет изобретательский уровень, если для специалиста оно явным образом не следует из уровня техники. Аналогичное определение указано в пункте 79 Приказа № 107.

Для определения наличия указанного условия в процессе экспертизы заявки на изобретение используется метод отличительных признаков, суть которого заключается в оценке известности для среднего специалиста в соответствующей технической области влияния признаков предшествующего уровня техники,

[62] Федеральный закон от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 11. Ст. 1100.

совпадающих с отличительными признаками изобретения, на достижение последним технического результата[63].

Согласно пункту 80 Приказа № 107 изобретение явным образом следует из уровня техники, если выявлены решения, имеющие признаки, совпадающие с отличительными признаками заявленного изобретения, и подтверждена известность влияния этих признаков на указанный заявителем технический результат.

Поэтому применительно к изобретению устанавливается наличие или отсутствие известности того, что заявленный в формуле признак может быть заменен конкретным эквивалентным признаком, содержащимся в реальном объекте. Полезная модель, для которой изобретательский уровень не является условием патентоспособности, не может подпадать под действие правил об эквивалентности: законодательство допускает ее регистрацию в том числе в случаях, когда для среднего специалиста соответствующее устройство явным образом следует из уровня техники.

Условие патентоспособности «изобретательский уровень» (как и наличие иных условий патентоспособности) устанавливается на основании сведений, имевшихся до даты приоритета, то есть сущность изобретения, описанная в формуле, устанавливается на эту дату. Следовательно, факт нарушения (то есть незаконного использования данной сущности изобретения) также должен устанавливаться до даты приоритета.

Современное содержание (обзорно). Современное содержание Российской модели применения доктрины эквивалентов определяется пунктом 3 статьи 1358 ГК РФ в действующей редакции. Норма устанавливает, что изобретение признается использованным в продукте или способе, если продукт содержит, а в способе использован каждый признак изобретения, приведенный в независимом пункте содержащейся в патенте формулы изобретения, либо признак, эквивалентный ему и ставший известным в качестве такового в данной области техники до даты

[63] См.: *Михайлов С. В.* Что не так с методами оценки изобретательского уровня? // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2025. № 1. С. 4–10; № 2. С. 24–30.

приоритета изобретения. Установление эквивалентности признаков осуществляется с опорой на критерии и методики, сохраняющие преемственность по отношению к советским актам: тройное соответствие по функции, результату и равноценности средств; правило всех признаков формулы изобретения; требование известности эквивалентности для среднего специалиста.

При этом действующее законодательство не раскрывает ни понятия эквивалентности, ни содержания критериев ее установления. Как справедливо отмечает Э.П. Гаврилов, «сегодня доктрина эквивалентов упоминается в ст. 1358 ГК РФ. Однако эта статья не содержит цели, значения и предназначения доктрины эквивалентов, что следовало бы отразить в ГК РФ»[64].

Позиция о недостаточности современного нормативного регулирования эквивалентности составляет консолидированную позицию российской патентно-правовой доктрины. А.В. Залесов указывает на проблемы практического применения действующей нормы и необходимость ее содержательного уточнения[65]. В.Ю. Джермакян обосновывает необходимость нового подхода к правилу об эквивалентных признаках[66]. В.А. Мещеряков в серии работ последовательно развивает критику существующей методологии применения исследуемой доктрины и обосновывает необходимость ее целостного переосмысления с учетом соотношения правовых и технических аспектов[67]. Е.А. Устинова в развернутых исследованиях анализирует российские варианты применения доктрины эквивалентов и обращает внимание на терминологическую и методологическую неточность действующего регулирования[68]. Дополнительную

---

[64] *Гаврилов Э. П.* О доктрине эквивалентов // Патентный поверенный. 2022. № 6. С. 40–42.

[65] См.: *Залесов А. В.* Указ. соч.

[66] См.: *Джермакян В. Ю.* О новом подходе к правилу об эквивалентных признаках // Патентный поверенный. 2016. № 6. С. 40–48.

[67] См.: *Мещеряков В. А.* Доктрина эквивалентов: в поисках методологии. Часть I // Патентный поверенный. 2019. № 3. С. 27–36; Доктрина эквивалентов: в поисках методологии. Часть II // Патентный поверенный. 2019. № 4. С. 14–22; Доктрина эквивалентов в патентном праве: право и техника // Патентный поверенный. 2023. № 2. С. 18–26.

[68] См.: *Устинова Е. А.* Доктрина эквивалентов и ее российские варианты // Изобретательство. 2014. Т. 14. № 6. С. 9–24; Доктрина эквивалентов и ее российские варианты // Изобретательство. 2014. Т. 14. № 7. С. 11–24; Доктрина эквивалентов и ее российские варианты // Изобретательство. 2014. Т. 14. № 8. С. 15–28; Оценка эквивалентности: вопросы терминологии и методологии // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2016. № 6. С. 43–52; Оценка эквивалентности: вопросы терминологии и методологии // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2016. № 7. С. 25–32.

систематизацию обсуждаемых в литературе проблем дает С.А. Синицын, акцентируя внимание на том обстоятельстве, что при отсутствии ясных критериев применения и детализированной регламентации доктрины эквивалентов в законодательстве возрастают риски нарушения и обхода патентов[69]. В качестве дополнительного аспекта проблемы в литературе выделяется и сложность правовой квалификации признака как эквивалентного в связи с отсутствием достаточных нормативных ориентиров[70].

Перечисленные позиции представляют собой лишь некоторые из аспектов критики современного регулирования доктрины эквивалентов в Российской Федерации. В доктринальных источниках обсуждается и ряд иных проблем, связанных как с содержанием действующей нормы пункта 3 статьи 1358 ГК РФ, так и с практикой ее применения.

Особенности в сравнительном плане. Российская модель применения доктрины эквивалентов обладает рядом особенностей, отличающих ее от иных рассматриваемых в настоящем параграфе моделей.

Первая особенность: нормативный тип формирования.

Ключевые правила применения доктрины эквивалентов закреплялись в законодательстве и подзаконных актах, а не вырабатывались через судебную практику. Это соответствует общему подходу романо-германской правовой семьи и отражает исторически сложившееся распределение ролей между источниками права.

Вторая особенность: многоуровневый характер советского регулирования.

Советская система применения доктрины эквивалентов была распределена между тремя актами, каждый из которых регулировал свою процедурную плоскость, что создавало достаточно детализированный методологический инструментарий применения исследуемой доктрины в различных правовых ситуациях.

---

[69] *Синицын С. А.* Указ соч. С. 216.

[70] См.: *Санникова Л. В., Харитонова Ю. С.* Защита прав патентообладателей при коллизии патентов на лекарственные препараты // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 43. С. 121–145.

Третья особенность: частичная регрессия современного регулирования по сравнению с советским.

Действующая редакция пункта 3 статьи 1358 ГК РФ фактически аккумулирует лишь отдельные элементы советского подхода, не сохраняя его полноту. Как следствие, практическое применение доктрины эквивалентов в современном российском праве опирается не только на действующее законодательство, но и на фактически сохраняющую действие методологию, выработанную советскими инструкциями.

С.А. Синицын отмечает, что современный российский закон не определяет, какие признаки изобретения будут считаться эквивалентными, хотя советское законодательство на подзаконном уровне закрепляло понятие эквивалентной замены признаков формулы изобретения[71].

Данная особенность действия современного регулирования, опирающегося на методологию советского периода 70-х годов XX века, составляет характерную черту Российской модели и одновременно образует проблемы, связанные с применением данной методологии.

Американская модель

Правовая характеристика. Американская модель применения доктрины эквивалентов сформировалась в рамках англо-американской правовой семьи и представляет собой классический пример правового механизма, сформировавшегося преимущественно за счет судебного правотворчества. В отличие от Российской модели, основные правила применения эквивалентности в американском праве не закреплялись на нормативном уровне, а вырабатывались в судебных актах на протяжении более чем полутора столетий. Нормативное регулирование вопроса в патентном законодательстве США ограничивается общим требованием к заявителю «указать и точно охарактеризовать часть, усовершенствование или комбинацию, которые он заявляет как свое собственное изобретение»; содержательное наполнение этого общего требования

[71] *Синицын С. А.* Указ соч. С. 216.

применительно к установлению факта нарушения относится именно к компетенции судов.

Американская модель послужила исторической основой для большинства национальных моделей применения доктрины эквивалентов в мире.

Историческое формирование. Первые решения, содержавшие тезис, отражающий сущность доктрины эквивалентов, были приняты в США в первой половине XIX века. В деле *Odiorne v. Winkley* 1814 г. Окружной суд округа Массачусетс указал, что ключевой вопрос при установлении нарушения состоит не в использовании одних и тех же элементов или составных частей, а в том, достигается ли данный эффект по существу одним и тем же механизмом работы и одной и той же комбинацией мощностей; простые различия в деталях или незначительные улучшения не могут поколебать права изобретателя[72].

В данном решении, однако, доктрина эквивалентов еще не выступала самостоятельным правовым механизмом: речь шла о более общем принципе охраны сущности технического решения.

Годом рождения доктрины эквивалентов в ее современном понимании традиционно считается 1853 г., год принятия Верховным судом США решения по делу *Winans v. Denmead*[73]. Истец являлся патентообладателем изобретения: железнодорожных вагонов-цистерн для перевозки угля, выполненных в форме усеченного конуса, что обеспечивало равномерное распределение веса и эффективную разгрузку. Ответчик использовал вагоны с пирамидальным кузовом, дно которого было выполнено в форме восьмиугольника. Формально признаки вагонов ответчика не соответствовали буквальному содержанию формулы изобретения истца. Однако Верховный суд США признал факт нарушения, сформулировав следующий тезис: «Необходимо смотреть сквозь форму на содержание изобретения: на то, что дало право изобретателю на его патент и что

[72] Odiorne v. Winkley, 2 Gall. 51; 1 Robb, Pat. Cas. 52. (1814) [Электронный ресурс] // Public.Resource.Org. URL: https://law.resource.org/pub/us/case/reporter/F.Cas/0018.f.cas/0018.f.cas.0581.pdf (дата обращения: 07.04.2026).
[73] Winans v. Denmead, 56 U.S. (15 Howard) 330 (1853). [Электронный ресурс] // Justia US Supreme Court Center. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/56/330/ (дата обращения: 07.04.2026).

патент обеспечивает охраной». Приведенная позиция закрепила базовый принцип доктрины эквивалентов и стала отправной точкой для последующего ее развития.

Современное содержание. Содержательные критерии применения доктрины эквивалентов в американском праве были сформулированы Верховным судом США в деле *Graver Tank & Mfg. Co. v. Linde Air Products* в 1950 г.[74] в виде трехступенчатого теста «функция — способ — результат».

Согласно данному тесту, установление эквивалентности признаков предполагает последовательный ответ на три вопроса: выполняют ли данные признаки преимущественно одну и ту же функцию; выполняется ли эта функция преимущественно одним и тем же способом; достигается ли при этом одинаковый результат. Утвердительный ответ на все три вопроса служит основанием для признания признаков эквивалентными, а использования изобретения — состоявшимся даже при отсутствии буквального совпадения признаков формулы.

Существенное развитие доктрина эквивалентов получила в 1997 г. в деле *Warner-Jenkinson Co., Inc. v. Hilton Davis Chemical Co.*[75] В указанном деле рассматривался спор о признаке формулы изобретения, описывающем диапазон pH «от приблизительно 6,0 до 9,0», тогда как реальный объект работал при pH 5,0.

Помимо применения трехступенчатого теста, Верховный суд США обратился к дополнительному критерию (критерию известности взаимозаменяемости признаков для среднего специалиста в соответствующей области техники).

В данном деле также было закреплено ранее описанное правило всех признаков (all elements rule). Отсутствие хотя бы одного признака или его эквивалента исключает признание факта использования изобретения.

Указанное правило задает первичный стандарт определения объектных границ исключительного права патентообладателя.

В результате указанной эволюции был сформирован общий принцип применения доктрины эквивалентов, который может быть представлен как

---

[74] Graver Tank & Mfg. Co. v. Linde Air Products Co., 339 U.S. 605 (1950).
[75] Warner-Jenkinson Co., Inc. v. Hilton Davis Chemical Co., 520 U.S. 17 (1997) [Электронный ресурс] // Justia US Supreme Court Center. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/520/17/ (дата обращения: 07.04.2026).

последовательность операций: определение значения каждого признака формулы изобретения; анализ реального объекта и выделение его признаков; сопоставление признаков.

При отсутствии буквального совпадения какого-либо признака проводится проверка эквивалентности по трехступенчатому тесту: выполняет ли признак реального объекта ту же функцию, что и признак формулы; выполняется ли функция практически тем же способом; достигается ли тот же результат.

При установлении эквивалентности учитывается еще одно обстоятельство: момент оценки известности взаимозаменяемости для среднего специалиста.

В американской практике этот момент соотносится с моментом совершения нарушения, а не с датой приоритета изобретения: эквивалентность оценивается применительно к состоянию уровня техники на момент, когда совершаются действия, предположительно нарушающие исключительное право патентообладателя. Такой подход расширяет применение доктрины эквивалентов с учетом информации, которая появилась в уровне техники после даты приоритета, но до момента потенциального нарушения.

Особенности в сравнительном плане. Американская модель обладает следующими особенностями.

Первая особенность: судебный способ формирования.

Ключевые правила применения доктрины эквивалентов вырабатывались в судебных актах, а не на уровне нормативного регулирования. Такой подход обусловлен особенностями англо-американской правовой системы.

Вторая особенность: четкая формализация критериев.

Был сформирован трехступенчатый тест «функция — способ — результат» и правило всех признаков, которые представляют собой сравнительно ясные процедурные ориентиры, применимые к конкретным техническим ситуациям.

Третья особенность: привязка момента оценки известности к совершению нарушения, а не к дате приоритета.

Данная особенность отличает Американскую модель от большинства рассматриваемых далее моделей и отражает ценностную установку на защиту

патентообладателя от воспроизводимых позднее, но функционально эквивалентных технических решений.

Американская модель послужила основой, которую восприняли другие государства при формировании своих моделей и методик применения доктрины эквивалентов — либо в виде прямого заимствования, либо через содержательную переработку применительно к особенностям соответствующей правовой системы.

Германская модель

Правовая характеристика. Германская модель применения доктрины эквивалентов формировалась в рамках континентальной правовой традиции, но с существенной ролью судебной практики.

Федеративная Республика Германия (далее — Германия), будучи государством-участником Европейской патентной конвенции[76] (далее — ЕПК), применяет доктрину эквивалентов в рамках, заданных статьей 69 ЕПК и Протоколом о ее толковании[77].

Ключевые правила применения доктрины эквивалентов формируются в практике Федерального Верховного Суда Германии (Bundesgerichtshof), который в серии решений последних десятилетий выработал самостоятельный подход к установлению эквивалентности признаков.

Историческое формирование. Германская модель применения доктрины эквивалентов в судебной практике сложилась сравнительно поздно. На протяжении длительного времени вопросы, связанные с применением доктрины эквивалентов, рассматривались германскими судами в рамках буквального толкования формулы изобретения, тогда как собственно доктрина эквивалентов оставалась преимущественно предметом научной разработки.

Среди исследований германских правоведов следует отметить работы Э. Гартига, разработавшего основы составления патентной формулы, Г. Изаи,

---

[76] Convention on the Grant of European Patents (European Patent Convention) of 5 October 1973 as revised by the Act revising Article 63 EPC of 17 December 1991 and the Act revising the EPC of 29 November 2000 [Электронный ресурс] // European Patent Office. URL: https://www.epo.org/en/legal/epc/2020/convention.html#conv.f1-note (дата обращения: 07.04.2026).

[77] Protocol on the Interpretation of Article 69 EPC of 5 October 1973 as revised by the Act revising the EPC of 29 November 2000 [Электронный ресурс] // European Patent Office. URL: https://www.epo.org/en/legal/epc/2020/protinta69.html (дата обращения: 07.04.2026).

предложившего учение о разграничении предмета патента и объема охраны, и Ф. Линденмайера, сформировавшего трехуровневую структуру толкования формулы. Содержательный разбор этих учений и их роли в формировании современного понимания эквивалентных признаков будет проведен далее.

Переход доктрины эквивалентов из доктринального поля в судебную практику произошел значительно позднее, чем в США, и был связан с формированием общеевропейской правовой рамки, заданной ЕПК и Протоколом о толковании статьи 69.

Основополагающим в формировании судебной практики Германии по вопросам применения доктрины эквивалентов выступает постановление Федерального Верховного Суда Германии 1986 г. по делу *Formstein*[78]. Предметом спора являлся национальный патент на литой камень с продольным углублением для отвода воды и поперечным каналом, обеспечивающим удаление грязи, смываемой дождевой водой. Ответчик (город Брауншвейг в лице его администрации) при строительстве мощеных дорог использовал ряд бордюрных камней с зазорами между ними для дренажа воды, не содержавший поперечных каналов в том виде, в каком они были описаны в формуле изобретения.

Федеральный Верховный Суд Германии, рассматривая вопрос о нарушении, руководствовался статьей 69 ЕПК и Протоколом о ее толковании и сформулировал следующее положение: «патентные формулы теперь являются не просто отправной точкой, а существенной основой для определения объема правовой охраны». При отсутствии буквального совпадения признаков реального объекта и формулы изобретения суд признал необходимым применение доктрины эквивалентов, исходя из подхода, в значительной мере совпадающего с Американской моделью.

В данном деле нарушение не было установлено, однако методологическая рамка для применения доктрины эквивалентов в германском праве оказалась заложена.

---

[78] BGH, 29.04.1986, X ZR 28/85; GRUR 1986, 803–806 Formstein. [Электронный ресурс] // WIPO Lex. URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/judgments/details/3023 (дата обращения: 07.04.2026).

Существенный шаг к формированию Германской модели был сделан в 2002 г. Федеральный Верховный Суд Германии в рамках рассмотрения спора по делу *Schneidmesser*[79] установил, что проверка эквивалентности должна осуществляться в определенной методологической последовательности: толкование формулы изобретения и сопутствующих документов специалистом в данной области техники; установление буквального значения формулы; определение объема охраны, выходящего за пределы буквального значения; установление сущности изобретения.

Факт нарушения не может быть установлен, если существенный признак формулы заменен на такой, который не соответствует сущности изобретения; если существенный признак достигает определенного эффекта без дополнительных средств или усилий, тогда как в реальном объекте такие средства используются для решения технической проблемы; или если в реальном объекте используется признак, способствующий достижению того же результата, но не использующий преимущества, содержащегося в формуле изобретения и послужившего основанием для выдачи патента. Сформулированные в деле *Schneidmesser* критерии стали ядром современной Германской модели применения доктрины эквивалентов.

Дальнейшее развитие Германской модели связано с формированием принципа выбора, получившего закрепление в серии актов Федерального Верховного Суда Германии начиная с 2011 г.[80] Суть принципа состоит в следующем: в случае расхождения между формулой изобретения и описанием или чертежами приоритет отдается формуле; признаки, раскрытые в описании или

---

[79] BGH, 12.03.2002, X ZR 168/00 – Schneidmesser I. [Электронный ресурс] // WIPO Lex. URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/judgments/details/3024 (дата обращения: 07.04.2026).

[80] См.: Okklusionsvorrichtung. Bundesgerichtshof, 10.05.2011, X ZR 16/09, GRUR 2011, 701 [Электронный ресурс] // Bundesgerichtshof. Entscheidungsdatenbank des Bundesgerichtshofs ab dem Jahr 2000 URL: https://www.bundesgerichtshof.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/Zivilsenate/X_ZS/2009/X_ZR_16-09.pdf?__blob=publicationFile&v=1 (дата обращения: 07.04.2026); Diglycidverbindung. Bundesgerichtshof, 13.09.2011, X ZR 69/10, GRUR 2012, 45 [Электронный ресурс] // Bundesgerichtshof. Entscheidungsdatenbank des Bundesgerichtshofs ab dem Jahr 2000 URL: https://www.bundesgerichtshof.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/Zivilsenate/X_ZS/2010/X_ZR_69-10.pdf?__blob=publicationFile&v=1 (дата обращения: 07.04.2026); Pemetrexed. Bundesgerichtshof, 14.06.2016, X ZR 29/15, GRUR 2016, 921 [Электронный ресурс] // WIPO Lex. URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/judgments/details/3083 (дата обращения: 07.04.2026).

чертежах, но не отраженные в формуле, по общему правилу не включаются в объем правовой охраны за счет доктрины эквивалентов.

Формула выступает преимущественным источником определения пределов правовой охраны и не может быть расширена за счет признаков, содержащихся лишь в сопутствующих документах.

Применение принципа выбора получило содержательное уточнение в последующей практике применительно к случаям, когда в описании раскрыто несколько вариантов воплощения технического решения, а в формуле охвачен лишь один из них, а также применительно к случаям, когда формула описывает общую группу химических соединений, но конкретно раскрывает лишь одно из них. Во всех указанных ситуациях принцип выбора ограничивает применение доктрины эквивалентов пределами, заданными формулой: признаки, не отраженные в формуле, как правило, остаются за пределами охраны, даже если они раскрыты в описании.

Современное содержание. Современное содержание Германской модели определяется методологической последовательностью, выработанной в деле *Schneidmesser* и уточненной в практике, связанной с применением принципа выбора.

Для установления факта нарушения исключительного права суд последовательно осуществляет толкование формулы изобретения с учетом описания и чертежей. Далее происходит установление буквального значения формулы и проверка буквального совпадения признаков. При отсутствии буквального совпадения суд осуществляет проверку признаков в соответствии с доктриной эквивалентов по критериям, близким к американскому трехступенчатому тесту. В завершение суд на основании принципа выбора исключает из объема охраны признаки, раскрытые в описании, но не отраженные в формуле.

Особенности в сравнительном плане. Германская модель обладает следующими особенностями.

Первая особенность: позднее формирование в судебной практике при длительном исследовании доктрины эквивалентов исключительно в поле научной разработки.

В отличие от Американской модели, формировавшейся через последовательное накопление судебных актов начиная с середины XIX века, Германская модель перешла из доктринального поля в судебную практику только во второй половине XX века, причем ее становление происходило под существенным влиянием общеевропейской правовой рамки.

Вторая особенность: ориентация на статью 69 ЕПК и Протокол о ее толковании как на общую методологическую рамку, задающую позицию между буквальным толкованием формулы и свободным толкованием ее как указания на замысел.

Третья особенность: принцип выбора как инструмент, ограничивающий применение доктрины эквивалентов пределами, заданными формулой, и препятствующий расширению охраны за счет признаков, раскрытых лишь в описании.

Германская модель представляет собой пример самостоятельного развития доктрины эквивалентов в рамках европейского правового пространства. Она сохраняет преемственность с Американской моделью в части трехступенчатой оценки эквивалентности, но устанавливает дополнительные ограничители, направленные на обеспечение правовой определенности и на сохранение информационной и демаркационной функций формулы изобретения.

Британская модель

Правовая характеристика. Британская модель применения доктрины эквивалентов сформировалась в рамках англо-американской правовой системы. Она представляет собой результат длительной эволюции судебной практики, растянувшейся более чем на сто сорок лет и завершившейся восприятием собственно доктрины эквивалентов во второй половине 2010-х годов.

На протяжении большей части этого периода суды использовали различные способы толкования формулы изобретения: переход к доктрине эквивалентов в ее современном понимании был сделан только в 2017 г.

Британская модель так же, как и Германская, формировалась под влиянием общеевропейской правовой рамки, заданной ЕПК и Протоколом о толковании статьи 69; при этом она сохранила черты собственного подхода, отличающего ее и от Американской, и от Германской моделей.

Ключевой особенностью Британской модели выступает двухэтапная структура анализа: телеологическое толкование формулы изобретения на первом этапе и проверка эквивалентности признаков на втором.

Историческое формирование. На ранних этапах применения доктрин небуквального нарушения судами использовалась так называемая доктрина формы и сущности (pith and marrow), описанная в 1877 г. в судебном акте по делу *Clark v. Adie*[81].

Согласно данному подходу нарушение исключительного права могло быть установлено, если реальный объект содержал все существенные признаки формулы изобретения, несмотря на изменение, добавление или исключение несущественных признаков.

Доктрина формы и сущности предполагала деление признаков формулы изобретения на существенные и несущественные: первые образовывали «форму и сущность» изобретения и были необходимы для установления нарушения; вторые могли быть заменены эквивалентными без правового значения. Если в реальном объекте ответчика отсутствовал хотя бы один существенный признак, доктрина формы и сущности не применялась, и нарушение не устанавливалось. Таким образом, уже в практике судов Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии XIX века действовал прообраз правила всех признаков.

[81] Clark v. Adie 01 Mar 1877 2 App Cas 315, HL. [Электронный ресурс] // Incorporated Council of Law Reporting for England and Wales (ICLR) URL: https://www.iclr.co.uk/document/1865227686/casereport_45303/html#id__CaseReport__Facts (дата обращения: 07.04.2026).

В теоретическом плане доктрина формы и сущности применялась как способ преодоления излишнего буквализма при толковании формулы; как отмечал судья Высокого суда Англии и Уэльса сэр Хью Лэдди (Hugh Ian Lang Laddie), эта доктрина использовалась как крайняя мера, когда «контекстуальный буквализм оказывался несправедливым по отношению к патентообладателю»[82].

В литературе существуют различные подходы к определению места доктрины формы и сущности в эволюции правовой мысли Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии: одни авторы рассматривают ее как одну из форм доктрины эквивалентов[83], другие — как самостоятельный механизм, послуживший основой для последующего формирования доктрины эквивалентов в ее современном виде[84].

Переход к новому подходу был осуществлен Палатой лордов в 1981 г. в судебном акте по делу *Catnic Components Ltd v. Hill & Smith Ltd*[85]. В результате рассмотрения спора по данному делу был сформулирован принцип телеологического (целевого) толкования формулы изобретения (purposive construction), заменивший собой доктрину формы и сущности.

Фабула дела заключается в следующем: истец-патентообладатель перемычки, второй жесткий опорный элемент которой был расположен вертикально (под углом 90° к горизонтальной пластине); ответчик использовал аналогичную конструкцию, в которой второй жесткий опорный элемент был расположен под углом от шести до восьми градусов к вертикали.

Применяя телеологическое толкование, Палата лордов установила, что слово «вертикальный» в формуле патента должно толковаться не в его узком, буквальном значении, а с учетом цели его включения в формулу (обеспечения достаточной жесткости в качестве опорного признака). При таком толковании признак

---

[82] *Laddie H.* Op. cit.

[83] См.: *Jamieson C.* In defence of a UK doctrine of equivalents // European Intellectual Property Review. 2019. 41(3). P. 147–154.

[84] См.: *Laddie H.* Op. cit.

[85] Catnic Components Ltd v. Hill & Smith Ltd [1981] F.S.R. 60 [Электронный ресурс] // Westlaw : справочно-правовая система : для зарегистрированных пользователей, 1981 (дата обращения: 07.04.2026); Catnic Components Ltd v. Hill & Smith Ltd [1982] R.P.C. 183 HL [Электронный ресурс] // Westlaw : справочно-правовая система : для зарегистрированных пользователей, 1982 (дата обращения: 07.04.2026).

«расположен вертикально» охватывал и случаи отклонения опорного элемента от строгой вертикали в пределах, позволяющих сохранить его опорную функцию. Соответственно, конструкция реального объекта признавалась подпадающей под пределы охраны, установленные формулой, и было установлено нарушение.

Следующим значимым этапом эволюции Британской модели стал судебный акт 1989 г. по делу *Improver Corp v. Remington Consumer Products Ltd.*[86] Указанное дело выявило ограниченность телеологического толкования: оно было неприменимо к случаям существенного различия между признаком формулы изобретения и признаком реального объекта ответчика (в данном деле: замена «спиральной пружины» на «зубчатый резиновый стержень»). В связи с этим посредством данного метода дело не могло быть разрешено исключительно путем более гибкого прочтения формулы. Для преодоления этого ограничения суд сформулировал три последовательных вопроса, получивших впоследствии наименование «Протокольных вопросов» — поскольку они опирались на положения Протокола о толковании статьи 69 ЕПК:

Вопрос 1: оказывает ли отличающийся признак существенное влияние на то, как функционирует устройство?

Вопрос 2: было бы это (то есть отсутствие существенного влияния отличающегося признака) очевидно среднему специалисту в соответствующей области техники до даты публикации заявки?

Вопрос 3: было бы специалисту в соответствующей области техники понятно из формулы, что патентообладатель подразумевал, что строгое соответствие первичному значению является существенным признаком изобретения?

Логика применения Протокольных вопросов предполагала последовательную оценку: утвердительный ответ на первый вопрос исключал нарушение; при отрицательном ответе на первый вопрос и положительном ответе на второй и третий также исключалось нарушение. Факт нарушения

[86] Improver Corp v. Remington Consumer Products Ltd [1989] 5 WLUK 162[Электронный ресурс] // Westlaw : справочно-правовая система : для зарегистрированных пользователей, 1989 (дата обращения: 07.04.2026); Improver Corp v. Remington Consumer Products Ltd [1990] F.S.R. 181 [Электронный ресурс] // Westlaw : справочно-правовая система : для зарегистрированных пользователей, 1990 (дата обращения: 07.04.2026).

устанавливался только при отрицательном ответе на первый вопрос, утвердительном на второй и отрицательном на третий. Первые два вопроса представляли собой установление факта, третий вопрос уже был связан с толкованием формулы изобретения. Указанный подход соответствовал общей методологической рамке статьи 69 ЕПК и Протокола о ее толковании, предписывающих поиск баланса между строгим буквальным значением формулы и ее свободным толкованием как указания на замысел.

В 2004 г. в решении по делу *Kirin-Amgen v. Hoechst Marion Roussel Ltd.*[87] Палата лордов несколько отошла от жесткой схемы Протокольных вопросов, установив, что определение объема охраны, предоставляемой патентом, представляет собой исследование, в котором существует лишь один обязательный вопрос, который задан статьей 69 ЕПК и Протоколом о ее толковании: как бы средний специалист в соответствующей области техники оценил существенность буквального значения формулы изобретения в контексте цели патентообладателя? Протокольные вопросы, с этой точки зрения, выступали лишь рекомендацией для судьи, но не обязательной процедурой. Палата лордов также подчеркнула, что статья 69 ЕПК препятствует применению любой доктрины, расширяющей охрану за пределы признаков формулы изобретения.

Переломный момент в развитии Британской модели произошел в 2017 г. в решении Верховного Суда Соединенного Королевства по делу *Actavis UK Limited and others v. Eli Lilly and Company*[88] (далее — дело Actavis). Предметом спора выступал патент компании Eli Lilly на применение солевой формы химического вещества пеметрексед динатрий вместе с витамином B12, технического решения, позволявшего обойти серьезные побочные эффекты применения свободной кислоты пеметрекседа.

---

[87] Kirin-Amgen Inc. v. Hoechst Marion Roussel Ltd. [2004] UK HL 46 [Электронный ресурс] // Westlaw : справочно-правовая система : для зарегистрированных пользователей, 2004 (дата обращения: 07.04.2026).

[88] Actavis UK Limited and others v. Eli Lilly and Company [2017] R.P.C. 21 [Электронный ресурс] // Westlaw : справочно-правовая система : для зарегистрированных пользователей, 2017 (дата обращения: 07.04.2026).

Компания Actavis планировала выпуск дженерикового препарата, в котором использовалась не пеметрексед динатриевая соль, а свободная кислотная форма пеметрекседа или иная солевая форма (пеметрексед дикалий).

Верховный Суд установил, что предшествующий подход, сводивший установление факта нарушения к единому вопросу толкования формулы, является методологически неверным. Вместо этого был сформулирован двухэтапный подход:

на первом этапе ставится вопрос: нарушает ли объект ответчика исключительное право патентообладателя в соответствии с обычным, телеологическим толкованием формулы? При положительном ответе нарушение установлено; при отрицательном — исследование переходит на второй этап;

на втором этапе ставится вопрос: нарушает ли объект ответчика исключительное право патентообладателя в соответствии с доктриной эквивалентов, то есть отличается ли от признаков формулы изобретения несущественно?

На данном этапе применяются Протокольные вопросы, но в измененной редакции, учитывающей критику предшествующей практики (Таблица 1).

Таблица 1 — Сопоставление Протокольных вопросов в редакции и вопросов Actavis UK Limited and others v. Eli Lilly and Company

Протокольные вопросы по делу Improver Corp v. Remington Consumer Products Ltd	Измененные вопросы по делу Actavis UK Limited and others v. Eli Lilly and Company
оказывает ли отличающийся признак существенное влияние на то, как функционирует устройство?	несмотря на то, что признак не подпадает под буквальное значение соответствующего пункта(ов) формулы изобретения, достигает ли такая вариация воплощения признака по существу того же результата по существу тем же способом, что и изобретение, т.е. реализуется сущность изобретения?
было бы это (т.е. то, что отличающийся признак не оказывает существенного влияния) очевидно среднему специалисту в данной области техники до даты публикации заявки?	было бы специалисту в данной области техники, изучающему формулу изобретения до даты приоритета, но знающему, что вариация признака формулы изобретения достигает по

Продолжение таблицы 1

	существу того же результата, что и изобретение, очевидно, что такой результат достигается по существу тем же способом, что и в изобретении?
было бы специалисту в данной области техники (независимо от известности того, что отличающийся признак не оказывает существенного влияния на принцип работы устройства) понятно из формулы, что патентообладатель подразумевал, что строгое соответствие первичному значению является существенным признаком изобретения?	пришел бы такой специалист к выводу, что для патентообладателя имело существенное значение строгое соответствие буквальному значению соответствующего пункта(ов) формулы изобретения?

Сформулированные в деле Actavis изменения Протокольных вопросов имеют существенное значение. Первый вопрос был переформулирован через критерий сущности изобретения: вопрос о том, оказывает ли отличающийся признак существенное влияние на функционирование устройства, заменен на более точный: достигает ли такая вариация признака формулы изобретения, воплощенная в реальном объекте ответчика, того же результата по существу тем же способом, что и изобретение, то есть реализуется ли сущность изобретения.

Такая формулировка сближает первый вопрос с американским трехступенчатым тестом «функция — способ — результат», но встраивает его в более широкую методологическую рамку. Третий вопрос был переформулирован на прямой вопрос о том, пришел бы средний специалист к выводу, что для патентообладателя имело существенное значение строгое соответствие буквальному значению признаков формулы.

Современное содержание. Современное содержание Британской модели определяется двухэтапным подходом, сформулированным в Actavis. На первом этапе проводится телеологическое толкование формулы изобретения с точки зрения среднего специалиста в соответствующей области техники: устанавливается, охватываются ли признаки реального объекта пределами правовой охраны изобретения. При положительном ответе нарушение исключительного права считается установленным. При отрицательном ответе

исследование переходит на второй этап, на котором применяются измененные Протокольные вопросы: оценивается, реализуется ли сущность изобретения в реальном объекте; очевидно ли это среднему специалисту до даты приоритета; не имело ли для патентообладателя существенного значения строгое соответствие буквальному значению признаков формулы. При такой последовательности и при соответствующих ответах факт нарушения по доктрине эквивалентов может быть установлен даже при отсутствии буквального совпадения признаков.

Особенности в сравнительном плане. Британская модель обладает несколькими характерными чертами, существенно отличающими ее от иных моделей.

Первая особенность: наиболее позднее восприятие доктрины эквивалентов.

До 2017 г. судебная практика Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии обходилась инструментарием буквального и телеологического толкования, не обращаясь к доктрине эквивалентов в ее собственном понимании.

Вторая особенность: двухэтапная структура анализа.

Телеологическое толкование на первом этапе и проверка эквивалентности на втором. Такая структура позволяет четко разделить вопрос толкования формулы изобретения и вопрос применения доктрины эквивалентов. Данная особенность отличает Британскую модель от Американской, где оба аспекта оцениваются в рамках единой процедуры.

Третья особенность: ориентация на дату приоритета при оценке известности эквивалентности, что сближает Британскую модель с Германской и Российской.

Четвертая особенность: сохранение структуры Протокольных вопросов при их содержательной модификации.

Британская модель формально сохраняет историческую преемственность с практикой 1980-х — 2000-х годов, но наполняет ее новым содержанием, соответствующим современному пониманию доктрины эквивалентов.

Великобритания представляет собой пример одного из наиболее поздних государств, ставших применять доктрину эквивалентов. Но одновременно Британская модель правового регулирования отношений, связанных с

применением данной доктрины, представляется методологически наиболее упорядоченной. Ее двухэтапный подход обеспечивает достаточно высокий уровень правовой определенности для третьих лиц.

Регулирование доктрины эквивалентов в отдельных государствах

Рассмотренные четыре модели (Российская, Американская, Германская и Британская) образуют основные ориентиры в современном применении доктрины эквивалентов. Национальные практики большинства иных государств формировались в значительной мере под воздействием указанных моделей, сохраняя при этом особенности, обусловленные национальной правовой традицией.

Италия

Итальянская правовая система воспринимает доктрину эквивалентов в рамках, близких к Американской модели, применяя трехступенчатый тест «функция — способ — результат». При этом нормативной основой применения выступают положения национального законодательства — статьи 52 и 66 Кодекса промышленной собственности[89]. Практика применения доктрины эквивалентов итальянскими судами в значительной мере воспроизводит общие подходы, выработанные в американской практике, и не содержит национальных особенностей, отличающих ее от базовой Американской модели[90].

Канада

Канадская судебная практика также основывается на американской модели применения доктрины эквивалентов, следуя общим подходам, выработанным Верховным судом США[91].

Индия

Применение доктрины эквивалентов в Индии имеет комбинированный характер, сочетая элементы Британской и Американской моделей, что объясняется

---

[89] Industrial Property Code (Legislative Decree № 30 of February 10, 2005, as amended up to Law № 102 of July 24, 2023), Italy [Электронный ресурс] // WIPO Lex. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/22357 (дата обращения: 07.04.2026).

[90] См., например, Garbuio S.p.A. v. Comas, Costruzione Macchine Speciali S.p.A. Industrial Property Code (IPC), Arts. 52, 66. «Garbuio v. Comas» // International Review of Intellectual Property and Competition Law (IIC) 53. 2022. P. 952–957.

[91] См., например: Mémoire de l'Appelante, 2000 IPFactum 14946 [Электронный ресурс] // Westlaw : справочно-правовая система : для зарегистрированных пользователей, 2017 (дата обращения: 07.04.2026).

историческим влиянием обеих правовых систем на формирование индийского права. В индийской судебной практике одновременно применяются доктрина формы и сущности, характерная для Британской модели XIX — начала XX века, и трехступенчатый тест «функция — способ — результат», выработанный в практике США[92].

Китайская Народная Республика (КНР)

Основу регулирования применения доктрины эквивалентов в Китайской Народной Республике составляют следующие разъяснения Верховного народного суда КНР: Положения Верховного Народного Суда о применении законов при рассмотрении патентных споров 2001 г. (с поправками 2020 г.)[93] (Provisions of the Supreme People's Court on the Application of Laws in the Trial of Patent Disputes) и Толкование Верховного Народного Суда по ряду вопросов, касающихся применения законов при рассмотрении дел о нарушении патентных прав в спорах 2009 г.[94] (Interpretation of the Supreme People's Court on Several Issues concerning the Application of Law in the Trial of Patent Infringement Dispute Cases)

КНР воспринимает американский трехступенчатый тест «функция — способ — результат», но дополняет его национально-специфическим критерием — «стандартом изобретательской работы». В рамках данного критерия суд после применения трехступенчатого теста оценивает, мог ли средний специалист в соответствующей области техники прийти к замене признака без творческих усилий (то есть, не представляет ли соответствующая замена самостоятельный изобретательский вклад).

При положительном ответе на указанный вопрос реальный объект признается не охватываемым пределами охраны первоначального патента,

---

[92] См., например: SNPC Machines Private Limited & Ors. v. Mr. Vishal Choudhary, CS(COMM) 431/2023, Delhi High Court, 5 March 2024 [Электронный ресурс] // Delhi High Court. URL: https://delhihighcourt.nic.in/app/showFileJudgment/59705032024SC4312023_130647.pdf (дата обращения: 07.04.2026).

[93] Provisions of the Supreme People's Court on the Application of Laws in the Trial of Patent Disputes, China (Interpretation № 21 of 2001, amended up to 23 December 2020). [Электронный ресурс] // WIPO Lex. URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22141 (дата обращения: 07.04.2026).

[94] Interpretation of the Supreme People's Court on Several Issues concerning the Application of Law in the Trial of Patent Infringement Dispute Cases № 21 [2009]. 2009. [Электронный ресурс] // Chinalawinfo Co., Ltd. URL: https://ipkey.eu/sites/default/files/legacy-ipkey-docs/interpretation-of-the-supreme-peoples-court-on-several-issues-concerning-the-application-of-law-in-the-trial-of-patent-infringement-dispute-cases-effective.pdf (дата обращения: 07.04.2026).

поскольку он по существу образует самостоятельное изобретение. Функция «стандарта изобретательской работы» состоит в исключении из применения доктрины эквивалентов тех случаев, когда реальный объект, хотя и подпадает под формальные критерии эквивалентности, по существу представляет собой самостоятельное техническое решение, заслуживающее отдельной охраны.

Япония

Японское правовое регулирование отношений, связанных с применением доктрины эквивалентов, сочетает элементы Американской модели с национальными особенностями, сопоставимыми с подходом КНР в части учета изобретательского вклада. В решении по делу *Tsubakimoto Seiko Co. Ltd. v. THK K.K.*[95]. Верховный суд Японии сформулировал пять условий, при одновременном наличии которых реальный объект признается идентичным конструкции, указанной в формуле изобретения, и входящим в объектные границы исключительного права патентообладателя: признак реального объекта не является буквальным воплощением признака изобретения; цель изобретения достигается путем замены признака таким образом, что сохраняется идентичность выполняемой функции и достигаемого эффекта; средний специалист в соответствующей области техники мог бы легко прийти к идее такой замены в момент производства потенциально нарушающих объектов; объект не совпадает с технологией, находящейся в общественном достоянии на дату подачи заявки, и не мог быть легко создан средним специалистом к моменту подачи заявки; отсутствуют особые обстоятельства (в частности, намеренное исключение соответствующих признаков из формулы в процессе ее составления).

Отличительная особенность правового регулирования отношений, связанных с применением доктрины эквивалентов в Японии, заключается в оценке известности на момент производства нарушающего объекта, а не до даты приоритета изобретения, что сближает ее с Американской моделью в части темпоральной привязки.

---

[95] Tsubakimoto Seiko Co. Ltd. v. THK K.K. Supreme Court of Japan. Case № 1994 (o) 1083. 1998.02.24. [Электронный ресурс] // Supreme Court of Japan. Judgments of the Supreme Court. URL: https://www.courts.go.jp/english/Judgments/search/374/index.html (дата обращения: 07.04.2026).

Рассмотрение пяти национальных практик позволяет сформулировать несколько закономерностей. Во-первых, Американская модель выступает наиболее распространенной основой: ее прямо или в существенных чертах воспринимают Италия, Канада, КНР и Япония. Во-вторых, Британская модель находит частичное отражение только в индийской правовой системе, что связано с колониальным прошлым Индии. В-третьих, Германская модель в форме принципа выбора не получила самостоятельного восприятия в иных правовых системах, однако ее элементы находят отражение в правоприменении других европейских государств, на которые также распространяют свое действие нормы ЕПК. В-четвертых, национальная специфика проявляется прежде всего в двух направлениях: установление момента оценки эквивалентности (дата приоритета или момент нарушения) и введение дополнительных критериев, ограничивающих применение доктрины эквивалентов (принцип выбора в Германии, «стандарт изобретательской работы» в КНР, пять условий в Японии). Указанные особенности демонстрируют, что даже при общности основы применение доктрины эквивалентов в различных государствах подвергается существенной национальной модификации, направленной на обеспечение баланса интересов патентообладателя и третьих лиц применительно к особенностям соответствующей правовой системы.

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет сформулировать несколько обобщающих положений, характеризующих современное состояние применения доктрины эквивалентов.

Формирование национальных моделей применения доктрины эквивалентов шло различными путями, существенно зависящими от принадлежности национальной правовой системы к соответствующей правовой семье и от роли судебной практики в выработке правил патентного права.

В США доктрина эквивалентов сформировалась через последовательную судебную практику начиная с середины XIX века, воплотившись в конечном итоге в трехступенчатом тесте «функция — способ — результат» и правиле всех признаков формулы изобретения.

В Германии доктрина эквивалентов длительное время оставалась предметом научной разработки, не находя отражения в судебной практике, и лишь во второй половине XX века была воспринята Федеральным Верховным Судом Германии, который в серии судебных актов выработал собственную модель с характерным для нее принципом выбора.

В Великобритании переход к доктрине эквивалентов в ее современном понимании произошел существенно позже, в 2017 году, когда Верховный Суд Соединенного Королевства в деле Actavis сформулировал двухэтапный подход, сочетающий телеологическое толкование формулы с проверкой эквивалентности признаков.

Национальные практики иных правовых систем (например, Италии, Канады, Индии, Китайской Народной Республики, Японии) формировались преимущественно на основе Американской модели, дополняемой национально-специфическими критериями или процедурными особенностями.

Российская модель применения доктрины эквивалентов выделяется в представленном аспекте рядом особенностей.

Ее формирование имело преимущественно нормативный характер: ключевые правила применения доктрины эквивалентов закреплялись на уровне подзаконных актов, а не вырабатывались через судебную практику.

Советская система применения доктрины эквивалентов образовывала многоуровневую конструкцию из трех актов 1973—1974 годов, каждый из которых регулировал собственную процедурную плоскость применения исследуемой доктрины.

Современное регулирование применения доктрины эквивалентов в российском патентном праве содержательно уступает советскому по полноте нормативной проработки: действующая редакция пункта 3 статьи 1358 ГК РФ фактически аккумулирует лишь отдельные элементы советского подхода, не сохраняя его полноту и не раскрывая ни понятия эквивалентности, ни содержания критериев ее установления.

Пробелы в современном нормативном регулировании консолидированно фиксируются в российской патентно-правовой науке. На различные аспекты указанного пробела обращают внимание Э.П. Гаврилов, В.Ю. Джермакян, А.В. Залесов, В.А. Мещеряков, С.А. Синицын, Е.А. Устинова.

Указанные пробелы имеют содержательный (отсутствие в законе раскрытия цели, значения и предназначения доктрины эквивалентов) и методологический (отсутствие ясных критериев установления эквивалентности, зависимость применения доктрины эквивалентов от позиции привлекаемых экспертов, профессиональная непредсказуемость правоприменительных решений) характер. Практическое применение доктрины эквивалентов в современной российской судебной и экспертной практике опирается не столько на действующее законодательство, сколько на методологию, выработанную советскими инструкциями 1973—1974 годов, которая, будучи на свое время передовой, нуждается в содержательном обновлении с учетом современных реалий.

§ 2.2. Эквивалентные признаки. Порядок установления эквивалентности признаков

Отсутствие современной методологии применения доктрины эквивалентов (как именно должны быть сформулированы критерии эквивалентности в современном российском праве, каковы условия их применения и какова правовая природа устанавливаемого с их помощью соотношения признаков формулы изобретения и признаков реального объекта), требует детальной доктринальной проработки поставленных вопросов.

Норма пункта 3 статьи 1358 ГК РФ упоминает эквивалентный признак в качестве правовой категории, но не раскрывает ни ее понятия, ни критериев установления эквивалентности. Указанный пробел порождает системные проблемы правоприменения, отмечаемые в российской доктрине и обусловливающие необходимость содержательной разработки понятийного и методологического инструментария.

Подходы к пониманию природы эквивалентного признака в доктринальных источниках не являются едиными.

Д.Л. Плаксиенко ставит под сомнение саму необходимость понятия «эквивалентный признак», указывая, что данное понятие не относится к числу ключевых элементов доктрины эквивалентов и не представляется научно необходимым для раскрытия ее содержания, поскольку сама теория эквивалентов вполне может быть сформулирована без его привлечения[96]. Он же отмечает, что простого упоминания эквивалентного признака в норме пункта 3 статьи 1358 ГК РФ недостаточно для вывода о необходимости или возможности обращения к доктрине эквивалентов как необходимому юридическому инструменту, поскольку указанная норма не отражает ни ее сути, ни назначения[97].

С одной стороны, нельзя не признать рационального зерна изложенной позиции: доктрина эквивалентов как правовой механизм действительно не сводится только к определению понятия «эквивалентный признак». Сама доктрина эквивалентов представляет собой более широкую концептуальную и процедурную конструкцию, включающую методологию соотнесения идеального (описанного в формуле изобретения) и реального (воплощенного в конкретном объекте) признаков, правила установления факта использования изобретения, принципы разграничения расширения и сужения объема охраны, алгоритмы учета уровня техники до даты приоритета или на дату совершения предполагаемого нарушения. В этом смысле понятие эквивалентного признака действительно не является всеобъемлющим элементом доктрины эквивалентов.

С другой стороны, из констатации неисчерпывающего характера понятия не следует вывод о его необязательности или нежелательности. Напротив, понятие эквивалентного признака представляется необходимым для правильной квалификации и корректного применения доктрины эквивалентов. На уровне российского законодательства используется понятие «эквивалентный признак» в пункте 3 статьи 1358 ГК РФ, делая его обязательной категорией правоприменения.

---

[96] *Плаксиенко Д. Л.* Указ. соч. С. 160.
[97] *Плаксиенко Д. Л.* Указ. соч. С. 161.

На уровне правоприменительной практики оценка эквивалентности проводится именно применительно к признакам, а не к воплощениям в целом: такова формулировка вопросов судебным экспертам, такова логика сопоставления объектов в судебных актах.

На уровне доктрины отсутствие четкого определения понятия порождает именно те проблемы, на которые обращают внимание ведущие специалисты российского патентного права. Констатация этих проблем — не частная позиция отдельного автора, а консолидированная позиция российской доктрины. На отсутствие официального определения эквивалентного признака и на трудности применения пункта 3 статьи 1358 ГК РФ указывают, среди прочих, И.Н. Балишина[98], Э.П. Гаврилов[99], В.Ю. Джермакян[100], А.В. Залесов[101], В.А. Мещеряков[102], С.А. Синицын[103], Е.А. Устинова[104] и др.

Работа над конкретным определением понятия эквивалентного признака и над методологией его установления составляет самостоятельную научную задачу. Решение данной задачи проводится последовательно: от этимологии понятия эквивалентности и ее содержательного раскрытия в смежных нормативных сферах к рассмотрению германской доктринальной разработки, заложившей основы современного понимания, затем к содержательному анализу советских нормативных актов, критериев эквивалентности, закрепленных в современной российской доктрине, и авторскому определению эквивалентного признака через критерии установления эквивалентности.

Прежде чем перейти к содержательному анализу, необходимо зафиксировать общее понимание эквивалентности и эквивалента как категории.

---

[98] См.: *Балишина И. Н.* Доктрина эквивалентов в патентном праве Российской Федерации: теория и практика применения // Вестник Нижегородской правовой академии. 2016. № 8 (8). С. 35–37.
[99] См.: *Гаврилов Э. П.* Указ. соч.
[100] См.: *Джермакян В. Ю*. Указ. соч.
[101] См.: *Залесов А. В.* Указ. соч.
[102] См.: *Мещеряков В. А.* Указ. соч.
[103] См.: *Синицын С. А.* Указ. соч.
[104] См.: *Устинова Е. А.* Указ. соч.

Словарь русского языка С.И. Ожегова определяет эквивалент как нечто равноценное другому, вполне заменяющее его[105].

В англоязычной справочной литературе эквивалент определяется как равный по количеству, ценности, важности или значению; нечто, имеющее ту же ценность, важность, размер или значение, как и нечто другое[106].

Категория эквивалентности, используемая в иных нормативных сферах, подтверждает это общее понимание[107]. Эквивалентность документов об образовании раскрывается как официально признаваемая равноценность степеней, дипломов и иных документов, подтверждающих окончание однотипных образовательных учреждений в различных странах[108].

Биоэквивалентность фармацевтических препаратов определяется через отсутствие значимых различий по скорости и степени, с которыми действующее вещество становится доступным в месте своего действия при введении в одинаковых условиях[109].

Терапевтическая эквивалентность лекарственных препаратов подразумевает достижение клинически сопоставимых терапевтического эффекта и показателей эффективности и безопасности при применении лекарственных препаратов в эквивалентных дозировках[110].

Фармацевтическая эквивалентность предполагает идентичное количество идентичного действующего вещества в идентичных лекарственных формах при соответствии фармакопейным стандартам[111].

---

[105] Словарь русского языка: Ок. 60 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 25-е изд., испр. и доп. М.: ООО «Издательство Оникс: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2008. С. 1209.

[106] Cambridge Learner`s Dictionary : English-Russian : with CD-ROM / ed. St. O`Shea. – Cambridge : Cambridge University Press, 2012. p. 293.

[107] См.: *Андреев А. В.* Подходы к оценке эквивалентности в доктрине немецкого патентного права // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 9А. С. 203–211.

[108] Постановление № 51-20 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ «О Согласованном словаре терминов в области образования» (принято в г. Санкт-Петербурге 27 ноября 2020 г.) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2021. № 73 (часть 3).

[109] Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2015 г. № 178 «О проекте решения Совета Евразийской экономической комиссии «Об утверждении Правил проведения исследований биоэквивалентности лекарственных препаратов в рамках Евразийского экономического союза» [Электронный ресурс] // Евразийский экономический союз. URL: http://eaeunion.org/ (дата обращения: 07.04.2026).

[110] Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 16. Ст. 1815.

[111] Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2015 г. № 178.

Обобщающая характеристика, следующая из приведенных определений, состоит в том, что эквивалентность представляет собой сопоставимость по качественным и количественным характеристикам с изначальным объектом, которая позволяет заменить сравниваемый объект без утраты эффекта, который существовал при наличии изначального объекта. Такое общее понимание понятия «эквивалентность» является основой для анализа эквивалентности в патентном праве, где оно приобретает особое правовое содержание[112].

Из сформулированного определения с учетом выработанных особенностей понятия «эквивалентный признак» можно сформулировать авторское понятие.

Основы современного понимания эквивалентного признака были заложены в германской патентно-правовой доктрине конца XIX — первой половины XX века. Германская доктрина разрабатывала вопросы эквивалентности задолго до того, как они были восприняты судебной практикой.

А.А. Пиленко, оценивая состояние патентного права начала XX века, указывал, что «немецкой формуле принадлежит будущее: необходимо лишь дать ей выработаться»[113]. Труды германских правоведов послужили основой для последующего формирования моделей применения доктрины эквивалентов в различных правовых системах. В связи с этим разработки германских ученых могут считаться необходимой основой для настоящего исследования. Разработка осуществлялась на протяжении нескольких десятилетий последовательной работой ведущих германских правоведов, каждый из которых внес собственный вклад в формирование современного понимания доктрины эквивалентов.

Основы составления формулы изобретения. Фундамент методологического подхода к составлению формулы изобретения и ее толкованию был заложен в опубликованных в 1890 году работах профессора Э. Гартига[114]. Разработанные им правила сохранили практическое значение как в Германии, так

---

[112] См.: *Андреев А. В.* Подходы к оценке эквивалентности в доктрине немецкого патентного права.
[113] *Пиленко А. А.* Право изобретателя. Т.2. 1903. С. 70.
[114] *Hartig E.* Studien in der Praxis des Kaiserlichen Patentamtes. Verlag von Artur Felix, Leipzig. 1890. 280 S.

и в других правовых системах[115]. Система этих правил может быть представлена следующим образом.

Первое правило относится к новизне используемых в формуле понятий. Для раскрытия сущности изобретения в формуле могут использоваться как глаголы, так и существительные, но такие слова должны представлять собой неологизмы, обладающие конкретными признаками и позволяющие создать для нового технического решения отличительную индивидуальность, в отличие от известных аналогов[116].

Второе правило касается единства изобретения. Изобретение представляет собой технологическое понятийное единство, и патент удостоверяет охрану не отдельных признаков, а совокупности родового понятия с его признаками. Соответственно, оценке на соответствие условию новизны также подлежит родовое понятие во взаимосвязи с признаками, а не отдельно взятые признаки в отрыве от целого[117].

Третье правило относится к ясности и определенности формулировок. Не допускается использование формулировок, которые могут быть истолкованы многозначно или неопределенно. Не подлежат также использованию в формуле изобретения некоторые категории понятий: «комбинация», поскольку данное понятие имеет вспомогательный характер, не обладает самостоятельной технической сущностью и не гарантирует наличия изобретательского уровня; «система», «принцип», «идея», поскольку они как таковые не подлежат охране в качестве изобретения, охраняется не абстрактная идея, а ее конкретное техническое воплощение[118].

Четвертое правило определяет объем правовой охраны в зависимости от использованных понятий. Если изобретение представляет собой устройство, выраженное существительным, то объем охраны распространяется на все объекты, подпадающие под соответствующее родовое понятие, включая будущие, при

---

[115] См.: *Кузьмина О. М.* Критерии и объем патентной охраны по законодательству Германии и России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2002. 169 с.
[116] См.: *Андреев А. В.* Подходы к оценке эквивалентности в доктрине немецкого патентного права. С. 212.
[117] См.: *Андреев А. В.* Подходы к оценке эквивалентности в доктрине немецкого патентного права. С. 212.
[118] См.: *Андреев А. В.* Подходы к оценке эквивалентности в доктрине немецкого патентного права. С. 212.

условии их соответствия существенным признакам, раскрытым в формуле в рамках ее буквального толкования. Если изобретение представляет собой способ, выраженный глаголом, то объем охраны распространяется не только на сам процесс, но и на все материальные объекты, специально приспособленные для его технической реализации и находящиеся с ним в прямой технической связи[119].

Сформулированные Э. Гартигом правила создали фундамент для последующего разграничения вопросов составления формулы и вопросов установления ее толкования, что существенно для понимания современной конструкции доктрины эквивалентов.

Учение Г. Изаи о «двух частях». Следующий шаг в развитии германской доктрины был сделан Г. Изаи[120], который разграничивал понятия «предмет патента» и «объем охраны», показав их нетождественность. Согласно его концепции патентная формула не может одновременно решать две задачи: и точно формулировать предмет изобретения, и определять объем правовой охраны.

Предмет патента Изаи характеризовал как статическую, формально-юридическую категорию, фиксируемую патентным ведомством в процессе административных процедур: экспертизы заявки, выдачи патента и рассмотрения возражений против его действительности. Это то, что автор формально заявил как свое изобретение, выраженное в пунктах формулы[121].

Объем охраны, напротив, представлял собой динамическую, функциональную категорию, устанавливаемую судами в контексте конкретных споров о нарушении патентных прав. Данный объем не является раз и навсегда установленным. Он определяется судом в каждой конкретной ситуации исходя из потребности в эффективной защите прав патентообладателя и сущности вклада изобретения в уровень техники[122].

Цель патентной формулы в подходе Изаи состояла в максимально точном и четком описании предмета изобретения, а ее дескриптивная и демаркационная

---

[119] См.: *Андреев А. В.* Подходы к оценке эквивалентности в доктрине немецкого патентного права. С. 212.
[120] См.: *Isay H.* Wesen und Auslegung des Patentanspruchs // Mitteilungen der Deutschen Patentanwälte, 1909. S. 138.
[121] См.: *Андреев А. В.* Подходы к оценке эквивалентности в доктрине немецкого патентного права. С. 212.
[122] См.: *Андреев А. В.* Подходы к оценке эквивалентности в доктрине немецкого патентного права. С. 212.

функции определялись через восприятие формулы средним специалистом в данной области техники[123].

Изаи, таким образом, постулировал, что патентное ведомство и суд выполняют различные функции: первое формально фиксирует объект, прошедший проверку на патентоспособность, второй защищает реальную творческую ценность этого объекта от действий, направленных на обход патента. При этом существовал самостоятельный вопрос об объеме правовой охраны: предмет изобретения определялся буквальным текстом формулы, а его подлинное содержание, и, соответственно, объем охраны, в случае спора устанавливались судом. Философско-правовым обоснованием данного подхода служила убежденность Изаи в том, что предоставление изобретателю максимально широкого объема прав соответствует интересам промышленного развития Германии[124].

Понимание эквивалентов у Изаи было связано с разработанным им разграничением функций патентного ведомства и суда. Под эквивалентами он понимал средства, решающие ту же задачу, что и запатентованное изобретение, имеющие одинаковое с ним функциональное назначение, и чья взаимозаменяемость была известна среднему специалисту без приложения изобретательских усилий[125].

Такие эквиваленты, согласно Изаи, подпадали под сферу действия патента без необходимости их отдельного упоминания в формуле. При этом эквиваленты он разделял на те, которые ухудшали техническое решение, и эквиваленты одинакового действия.

Критика позиции Изаи. Теория Изаи подверглась существенной критике со стороны ряда ведущих правоведов того времени — Е. Питцкера[126], Л. Фишера[127] и других. Критика развивалась в трех направлениях.

---

[123] См.: *Андреев А. В.* Подходы к оценке эквивалентности в доктрине немецкого патентного права. С. 212.
[124] См.: *Андреев А. В.* Подходы к оценке эквивалентности в доктрине немецкого патентного права. С. 212.
[125] См.: *Isay H.* Die einschränkende Auslegung von Patenten // Gewerblicher Rechtsschutz und Urheberrecht. 1912. № 8. S. 241–245.
[126] *Pietzcker E.* Erfindungsgedanke und Äquivalente rechtsvergleichend // Abhandlungen zum Arbeitsgebiet des Reichspatentamts. Berlin, 1927. S. 53–81.
[127] *Fischer L.* Der «nicht-sitzende» Patentanspruch // Gewerblicher Rechtsschutz und Urheberrecht. 1924. S. 109 ff.

Первое направление: нарушение принципа правовой определенности. Для устойчивого промышленного развития патентообладатели и третьи лица должны иметь четкое представление об объеме правовой охраны. Подход Изаи приводил к тому, что определение объема охраны в любом случае осуществлялось судом в каждом конкретном случае, а потому средний специалист не мог полагаться на доступные ему сведения. При любых обстоятельствах он нес риск того, что его действия могут быть признаны нарушением.

Второе направление: нарушение интересов добросовестного изобретателя. По теории Изаи патентообладатели на практике несли риск длительных и затратных судебных процессов. Этот риск подрывал инвестиционную привлекательность изобретательской деятельности и препятствовал коммерциализации изобретений.

Третье направление: дублирование функций и нивелирование роли патентного ведомства. Суды присваивали себе функции, относящиеся к исключительной компетенции патентного ведомства, поскольку установление объема правовой охраны без обращения к судебной практике становилось практически невозможным.

Несмотря на различие оценок, критики Изаи сходились во мнении о том, что объем правовой охраны все же выходит за пределы буквального значения формулы изобретения. Разграничение предмета патента и объема охраны послужило удобным аналитическим инструментом, сохранившим свою актуальность и для последующих разработок[128].

Классификация эквивалентов у Э. Раймера. В рамках продолжения разработки понимания эквивалентности в работе 1930 года Э. Раймер предложил разграничение эквивалентов на два вида: технические и патентно-правовые[129].

---

[128] См.: *Андреев А. В.* Подходы к оценке эквивалентности в доктрине немецкого патентного права. С. 213–214.

[129] *Reimer E.* Der Schutz der Äquivalente im Patentverletzungsstreit // Gewerblicher Rechtsschutz und Urheberrecht. 1930. S. 461 ff.

Технические эквиваленты оценивались через функциональное назначение вне зависимости от конкретного изобретения: например, шуруп и гвоздь как средства скрепления деталей; пайка и сварка как способы соединения[130].

Патентно-правовые эквиваленты определялись через совпадение функций именно для достижения результата применения рассматриваемого изобретения. При этом не требовалось, чтобы средства были взаимозаменяемы вообще; важно было, чтобы их замена в рамках конкретного технического решения приводила к тому же результату[131].

Это разграничение имеет существенное значение. Оно показывает, что категория эквивалентности не абсолютна, а контекстуальна: одни и те же признаки могут быть эквивалентными в одной предметной области и неэквивалентными в другой.

Впоследствии Е. Питцкер в своих комментариях предложил дальнейшую детализацию патентно-правовых эквивалентов по степени очевидности замены: очевидные («гладкие») эквиваленты; неочевидные, но не требующие изобретательских усилий («негладкие») эквиваленты; замены, требующие изобретательских усилий, которые по логике относились уже к категории зависимых изобретений.

Учение Ф. Линденмайера о трех формах толкования. К середине XX века в германской судебной практике остро ощущалась потребность в преодолении правовой неопределенности, порожденной широким судейским усмотрением при установлении «общей изобретательской идеи». Совершенствование теории Изаи было осуществлено Ф. Линденмайером, председательствующим судьей Имперского суда, в работе 1944 года[132]. Его учение было направлено на создание более структурированного, предсказуемого и справедливого метода толкования патентной формулы, гарантирующего как защиту сущности изобретения, так и соблюдение принципа правовой определенности.

---

[130] См.: *Андреев А. В.* Подходы к оценке эквивалентности в доктрине немецкого патентного права. С. 213–214.
[131] См.: *Андреев А. В.* Подходы к оценке эквивалентности в доктрине немецкого патентного права. С. 213–214.
[132] *Lindenmaier F.* Der Schutzumfang des Patents nach der neueren Rechtsprechung // Gewerblicher Rechtsschutz und Urheberrecht. 1944. S. 49 ff.

Линденмайер заменил дихотомию Изаи «предмет патента — объем охраны» трехуровневой структурой толкования, образующей концентрические сферы патентной охраны различной степени широты и абстракции[133].

Первый уровень: «непосредственный предмет изобретения». Данная категория образует буквальное, узкое ядро охраны, определяемое исключительно дословным смыслом текста патентной формулы без какого-либо расширительного толкования. Ее функция заключается в том, чтобы служить минимальным, но абсолютно определенным гарантом прав патентообладателя. Эта сфера приобретала критическое значение в случаях, когда патент оказывался частично недействительным, но его ядро сохраняло силу: в такой ситуации патент мог быть сохранен в усеченном виде, в объеме «непосредственного предмета изобретения», что позволяло хотя бы частично учесть интересы патентообладателя.

Второй уровень: «предмет изобретения». Это центральная и наиболее практически значимая категория в учении Линденмайера. Она охватывает не только буквальный текст формулы, но и все так называемые прямые, или «гладкие», эквиваленты — технические средства, которые для среднего специалиста в данной области техники до даты приоритета являются очевидными, немедленно приходящими на ум заменами средств, указанных в формуле, и выполняющими ту же функцию в рамках решения одной и той же технической задачи.

Ключевым критерием является «очевидность без приложения изобретательских усилий». Именно эта область, по замыслу Линденмайера, и должна была составлять основной, предсказуемый объем охраны, предоставляемый патентом.

Третий уровень: «общая изобретательская идея». Наиболее широкая и абстрактная область охраны призвана защитить ядро изобретения от умышленного обхода. Она выходит за рамки простой замены эквивалентных средств и охватывает такие варианты воплощения признака формулы изобретения, которые реализуют ту же основополагающую творческую идею, раскрытую в патенте, но с

[133] См.: *Андреев А. В.* Подходы к оценке эквивалентности в доктрине немецкого патентного права. С. 214.

помощью средств, не являющихся очевидными заменами. Для подпадания в эту область необходимо, чтобы оспариваемое решение базировалось на той же изобретательской идее и чтобы сама эта идея была с достаточной степенью определенности раскрыта в патентной документации для среднего специалиста[134].

Охрана в рамках этой области не предоставлялась, если изобретатель прямо отказался от нее в ходе процедуры выдачи патента или если она не была должным образом раскрыта.

Учение Линденмайера не отрицало расширительного толкования формулы, но стремилось его структурировать, встроив в рамку последовательной проверки.

Судья, рассматривая дело о нарушении, должен был последовательно проверить, подпадает ли оспариваемый объект под каждую из трех сфер, начиная с самой узкой. Развивая подходы Изаи, Линденмайер также детализировал принципы определения технического смысла формулы: примат технического смысла над филологическим (целью толкования является установление того технического смысла, который вкладывает в слова средний специалист, опираясь на свои профессиональные знания); вспомогательная роль описания и чертежей (они используются для разрешения неясностей и конкретизации общих формулировок); приоритет формулы в случае конфликта (при прямом противоречии между ясным текстом формулы и примерами осуществления в описании приоритет отдается формуле); критерий «среднего специалиста» (именно его понимание формулы, а не субъективное намерение изобретателя или эксперта патентного ведомства, является решающим).

Линденмайер также разделил эквиваленты по степени очевидности для специалиста на три категории.

«Прямые» («гладкие») патентно-правовые эквиваленты: средства, идентичные по функции и очевидные для замены (например, замена заклепки на винт в соединении, если соединение является сутью изобретения); такие эквиваленты охраняются в рамках сферы «предмета изобретения».

---

[134] См.: *Андреев А. В.* Подходы к оценке эквивалентности в доктрине немецкого патентного права. С. 214–216.

«Непрямые» патентно-правовые эквиваленты: замены, которые не являются очевидными, но могут быть выявлены специалистом при более глубоком анализе патента и уровня техники; они подпадают под объем «общей изобретательской идеи»[135].

Замены, требующие творческого вклада: если для обнаружения и применения замены требуется самостоятельная изобретательская деятельность, соответствующее решение уже не считается эквивалентом, а может составлять отдельное, зависимое изобретение.

Правовые последствия применения таких классификаций различались в зависимости от стадии: на стадии выдачи патента наличие в уровне техники «прямых» эквивалентов вело к отказу в выдаче патента из-за отсутствия новизны; в споре о нарушении исключительного права использование «прямых» и «непрямых» эквивалентов признавалось нарушением.

Одновременно Линденмайер закрепил в доктрине разграничение технических и патентно-правовых эквивалентов, продолжающее линию Раймера.

Технические эквиваленты — средства, функциональная идентичность которых признается в общей теории техники вне зависимости от конкретного изобретения (пример — шуруп и гвоздь для соединения деталей).

Патентно-правовые эквиваленты — средства, являющиеся равноценными именно в контексте решения конкретной технической задачи данного изобретения; их эквивалентность имеет относительный характер и оценивается через призму изобретательской идеи.

Учение Линденмайера было значительным шагом вперед по сравнению с теорией Изаи. Оно внесло структуру и предсказуемость в процесс толкования, ограничив чрезмерный судебный субъективизм, а введение категории «прямых эквивалентов» создало достаточно четкий и объективный критерий для основной массы случаев нарушения[136].

---

[135] См.: *Андреев А. В.* Подходы к оценке эквивалентности в доктрине немецкого патентного права. С. 214–216.
[136] См.: *Андреев А. В.* Подходы к оценке эквивалентности в доктрине немецкого патентного права. С. 214–216.

Классификация Н.А. Райгородского. Советская правовая доктрина также восприняла линию классификации эквивалентов, предложенную германскими правоведами, с собственной терминологической модификацией. Н.А. Райгородский разделял эквивалентные признаки на «простые» и «квалифицированные»[137].

Содержание «простых» эквивалентов совпадало с тем, как их понимал Линденмайер, — это технические эквиваленты в широком смысле, функциональная идентичность которых признается независимо от конкретного изобретения.

Патентно-правовые эквиваленты в понимании Линденмайера Райгородский называл «квалифицированными»: отличие простых эквивалентов от квалифицированных, согласно его позиции, состоит в том, что в первом случае речь идет об отдельных элементах, во втором — о совокупности элементов; при этом взаимозаменяемость признаков в первом случае выступает как их обычное свойство, а во втором — проявляется лишь в отдельном случае конкретного изобретения.

К той же линии относится классификация общих и частных эквивалентов, разработанная в советской правовой доктрине (П.П. Гурьянов, Л.О. Сольц, Э.И. Фурман)[138].

Общие эквиваленты сохраняют свою взаимозаменяемость при использовании в различных областях техники, тогда как частные эквиваленты взаимозаменяемы только в пределах узкой отрасли.

Классификация общих и частных эквивалентов родственна классификации технических и патентно-правовых эквивалентов: первая оценивает масштаб взаимозаменяемости (универсальная или ограниченная отраслью), вторая — характер оценки (чисто техническая или привязанная к конкретному изобретению).

---

[137] См.: *Райгородский Н. А.* Изобретательское право СССР // Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР. Москва : Госюриздат, 1949. 274 с.

[138] См.: Теория эквивалентов и ее использование при толковании формулы изобретения: учебное пособие. / П. П. Гурьянов, Л. О. Сольц, Э. И. Фурман. Москва. Ком. по делам изобрет. и открытий при Совете Министров СССР. Центр. науч.-исслед. ин-т пат. информации и техн.-экон. Исследований. 1971. С. 36.

Обе классификации, однако, сходятся в одном: эквивалентность признаков не абсолютна, а контекстуальна.

Обзор классификаций эквивалентов, предложенных германскими и советскими правоведами, позволяет сформулировать следующее наблюдение. Все рассмотренные классификации исходят из того, что разграничению подвергаются сами эквиваленты как категория правовой материи: они делятся на технические и патентно-правовые (Раймер, Линденмайер), на простые и квалифицированные (Райгородский), на общие и частные (Гурьянов, Сольц, Фурман), на прямые, непрямые и требующие творческого вклада (Питцкер, Линденмайер).

Однако при более внимательном рассмотрении обнаруживается, что классификации фактически описывают не столько различные типы эквивалентов, сколько различные условия и ракурсы их оценки. Шуруп и гвоздь, будучи типичным примером технического эквивалента в классификации Раймера, одновременно иллюстрируют общий эквивалент в классификации Гурьянова и простой эквивалент в классификации Райгородского, то есть одно и то же явление получает разные обозначения в зависимости от выбранной системы классификации. Это указывает на то, что объектом разграничения выступает не сам эквивалент как таковой, а способ его оценки: в одних случаях функциональной (чисто техническая взаимозаменяемость), в других — правовой (эквивалентность в рамках конкретного изобретения).

Соответственно, представляется более точным говорить о классификации не самих эквивалентов, а порядка их оценки[139]. Такая перестановка акцента имеет существенные методологические последствия. Она позволяет разграничить: оценку эквивалентности с функциональной точки зрения — когда устанавливается, может ли технический результат достигаться разными способами (например, удерживать картину на стене может и гвоздь, и шуруп, и иной объект[140], монтируемый перпендикулярно вертикальной поверхности за счет силы трения покоя); и оценку эквивалентности с точки зрения права — когда устанавливается,

[139] См.: *Андреев А. В.* Подходы к оценке эквивалентности в доктрине немецкого патентного права. С. 214–216.
[140] См.: *Андреев А. В.* Подходы к оценке эквивалентности в доктрине немецкого патентного права. С. 216.

распространяется ли правовая охрана, предоставляемая патентом, на соответствующее воплощение изобретения. Функциональная оценка относится к технике; правовая оценка — к патентному праву.

В действительности обе оценки связаны: правовое установление эквивалентности невозможно без технического анализа, а технический анализ без правового понимания теряет смысл в контексте патентных споров. Поэтому в патентно-правовой литературе нередко можно встретить употребление термина «технические эквиваленты» применительно к эквивалентам, которые понимаются в патентно-правовом значении. Это не терминологическая ошибка, а отражение объективной связанности технического и правового измерений эквивалентности: в патентном праве, особенно применительно к изобретениям, речь всегда идет о технических аспектах, однако рассматриваемых через призму правовой оценки.

Рассмотрение эквивалентности в ее правовой плоскости, однако, не означает отрыва от технической основы, напротив, оно предполагает строго определенную методологию связывания технических характеристик сравниваемых объектов с правовыми последствиями их соотнесения.

Как было отмечено ранее, правовое применение доктрины эквивалентов в России в содержательном отношении опирается на две группы источников: действующее современное регулирование (пункт 3 статьи 1358 ГК РФ, подзаконные акты) и советские нормативные акты 1973—1974 годов, фактически сохраняющие влияние на экспертную и судебную практику.

Обращение к советским актам в современной правоприменительной практике требует специального методологического обоснования, поскольку эти акты формально утратили силу (Инструкция по государственной экспертизе была признана недействующей приказом Роспатента от 14 февраля 2002 г. № 25) либо сохраняют действие в сфере, не связанной непосредственно с установлением факта использования изобретения (Инструкция о порядке выплаты вознаграждения). Тем не менее, как также было отмечено ранее, в экспертной и судебной практике эти акты продолжают применяться при рассмотрении современных споров о нарушении исключительных прав.

Основанием для такого обращения выступает содержательное обстоятельство: отсутствие в действующем российском законодательстве разработанной методологии применения доктрины эквивалентов.

В.Ю. Джермакян отмечает, что при отсутствии современного нормативного регулирования правоприменители вынуждены руководствоваться актами советского периода[141].

Аналогичную позицию занял Девятый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 28 февраля 2012 г. *№ 09АП-749/2012-ГК* по делу *№ А40-61605/2011*: применение экспертом инструкций, утративших свое действие, было обосновано тем, что ни один из действующих нормативных документов не раскрывает понятия «эквивалентный признак»; соответственно, обращение эксперта к устаревшим актам не может выступать доказательством необъективности экспертного исследования[142].

Подтверждение этого содержится и в современной доктринальной литературе: формулировки, восходящие к советским нормативным актам, нередко воспроизводятся авторами в современных публикациях как актуальные характеристики эквивалентности. В.И. Еременко, например, определяет эквивалентность признаков через тезис о том, что использование признака аналога в заявленном объекте не придает последнему дополнительных полезных качеств или существенных преимуществ перед аналогом[143], — формулировка, текстуально повторяющая пункт 6.03 Инструкции по государственной экспертизе.

С критической позицией выступает А.В. Залесов. Он обращает внимание на то, что применение советских актов экспертами в современных спорах представляется необоснованным: предмет регулирования указанных актов не

---

[141] См.: *Джермакян В. Ю.* Комментарий к главе 72 «Патентное право» Гражданского кодекса РФ (постатейный). 4-е электрон. изд., перераб. и доп. // СПС «КонсультантПлюс», 2014 (дата обращения: 07.04.2026).

[142] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28 февраля 2012 г. № 09АП-749/2012-ГК по делу № А40-61605/2011 [Электронный ресурс] // Информационная система «Картотека арбитражных дел». URL: https://kad.arbitr.ru/Card/8abd4276-fabb-456d-996c-1f29c3edfb03 (дата обращения: 07.04.2026).

[143] *Еременко В. И.* Особенности применения теории эквивалентов в государствах — участниках Евразийской патентной конвенции // Законодательство и экономика. 2011. № 2. С. 27–35.

направлен на установление факта использования изобретения; кроме того, ряд их положений архаичен и не соответствует современным задачам патентного права[144].

Подобная критика отражает реальное методологическое противоречие: с одной стороны, советские акты сохраняют содержательную ценность как наиболее детализированный в российской истории методологический инструментарий применения исследуемой доктрины, а с другой — формально не предназначены для решения современных задач.

Разрешение указанного противоречия заключается не в механическом отказе от обращения к советским актам и не в некритическом их воспроизведении, а в содержательном анализе заключенной в них методологии с выделением положений, сохраняющих актуальность, и с пониманием ограничений, обусловленных историческими особенностями соответствующих актов.

Инструкция по экспертизе на патентную чистоту. Утвержденная Постановлением Госкомизобретений СССР от 29 января 1974 г., Инструкция по экспертизе объектов техники на патентную чистоту содержит наиболее разработанное в советский период определение эквивалентности признаков. Согласно пункту 3.4.10 указанной Инструкции по экспертизе на патентную чистоту эквивалентными (равноценными) считаются такие технические средства, составляющие признаки изобретения (один или совокупность нескольких), которые предназначены для тех же целей, выполняют одну и ту же работу, тем же путем и с таким же результатом.

Пункт 3.4.10 специально связывает применение теории эквивалентов с судебной практикой по спорам о нарушении патентов: как правило, теория эквивалентов применяется судами для расширительного толкования патентной формулы в случаях, когда применение средств, признаваемых эквивалентами, являлось очевидным для специалиста средней квалификации на основе данных, определяющих уровень техники на приоритетную дату нарушенного патента. Тем самым в советской системе эквивалентность при применении «теории эквивалентов» привязывалась к дате приоритета, а не к моменту нарушения.

---

[144] *Залесов А. В.* Указ. соч.

Кроме того, Инструкция формулирует важное ограничение: если неиспользуемый признак является единственным признаком, составляющим отличительную часть пункта формулы, то такой признак, как правило, не признается судами эквивалентным, даже если он заменен признаком, примененным в тех же целях, выполняющим ту же работу, тем же путем и с тем же результатом.

Это ограничение соответствует современному принципу выбора, разработанному в германской судебной практике: признак, отличающийся от буквального, не может быть признан эквивалентным, если формула прямо описывает именно этот признак как существенный.

Инструкция по государственной экспертизе. Утвержденная Госкомизобретений СССР 13 декабря 1973 г., Инструкция по государственной экспертизе регулировала применение доктрины эквивалентов на этапе проведения экспертизы заявки на изобретение. Ее положения носили процедурно-методологический характер, определяя порядок экспертного исследования признаков изобретения при проверке условия патентоспособности «новизна».

Пункт 6.03 Инструкции формулирует центральный методологический механизм: порядок сравнительного анализа признаков заявленного объекта и известных объектов (аналогов): сходными признаками называются признаки, идентичные или эквивалентные; идентичными признаками называются признаки, совпадающие по выполняемой функции и по форме выполнения (по конструкции, материалу, технологии); эквивалентными признаками называются признаки, совпадающие по выполняемой функции и по достигаемому результату. При определении эквивалентности принимается во внимание взаимозаменяемость признаков: признаки, выполняющие одинаковую функцию, могут отличаться по форме выполнения.

Эквивалентность признаков также определяется тем, что использование признака аналога в заявленном объекте не придает последнему дополнительных полезных качеств или существенных преимуществ перед аналогом.

Признак заявленного изобретения признается известным, если он идентичен или эквивалентен признаку прототипа; признак признается новым, если в прототипе отсутствует идентичный или эквивалентный ему признак.

Пункт 7.13 Инструкции развивает методологию применительно к составлению формулы изобретения: при определении существенных признаков, характеризующих изобретение, следует учитывать возможность выражения данного признака рядом других признаков, ему эквивалентных, то есть признаков, которые могут выполнять ту же функцию с тем же результатом, что и данный признак.

Пункты 4.02.3 и 4.02.4 допускают изложение признака изобретения как через общее понятие с указанием эквивалентов в дополнительных пунктах формулы, так и через перечисление технических эквивалентов, если они не могут быть выражены обобщающим понятием.

Пункт 5.07 закрепляет принцип выделения признаков для исследования: совокупность признаков и каждый отдельный признак подлежат экспертному исследованию, если в совокупности с другими признаками они позволяют обеспечить достижение цели.

Совокупность указанных пунктов образует методологически развитую процедуру сопоставления признаков заявленного и известных объектов, результатом которой является установление отношений идентичности или эквивалентности между ними.

Инструкция о порядке выплаты вознаграждения. Утвержденная Госкомизобретений СССР 15 января 1974 г., Инструкция о порядке выплаты вознаграждения регулировала отдельную процедурную плоскость — установление факта использования изобретения для целей выплаты вознаграждения автору.

Пункт 24 указанной Инструкции закрепляет правило всех признаков: изобретение считается использованным, если при изготовлении устройства, вещества или осуществлении способа использованы все признаки, перечисленные в формуле изобретения. Одновременно пункт 24 устанавливает, что изобретение признается использованным и в тех случаях, когда допущена замена одного или

нескольких признаков изобретения другими взаимозаменяемыми элементами (эквивалентами); эквивалентной считается замена признака или признаков, указанных в формуле изобретения, если сущность этого изобретения не меняется, достигается такой же результат, а средства выполнения заменены на равноценные, известные в данной области.

Определение эквивалентной замены в пункте 24 содержит четырехэлементный тест: сохранение сущности изобретения (1); достижение того же результата (2); замена средств на равноценные (3), известные в данной области техники (4). Формулировка отличается от пятиэлементного теста пункта 3.4.10 Инструкции по экспертизе на патентную чистоту (признаки предназначены для тех же целей (1), выполняют одну и ту же работу (2), тем же путем (3) и с таким же результатом (4), при этом известны в области техники к моменту подачи заявки (5)): она оперирует категорией «сущности изобретения» вместо перечисления отдельных элементов совпадения (цель, работа, путь), использует обобщающую категорию «равноценных средств» вместо указания на способ выполнения.

Тем самым два советских акта фактически содержат различные определения эквивалентности, приспособленные к различным процедурным задачам. Это обстоятельство существенно: оно показывает, что уже в советском праве не существовало единого универсального определения понятия эквивалентный признак, и различные процедурные плоскости требовали различных формулировок.

Наблюдение о различии советских формулировок и их современного применения было развернуто Д.Л. Плаксиенко и А.А. Федотовым в работе 2023 года. Авторы указывают, что современная практика обращения к советским актам как к средству толкования нормы пункта 3 статьи 1358 ГК РФ не столько решает проблему отсутствия в законе раскрытия понятия «эквивалентный признак», сколько усугубляет ее[145].

---

[145] См.: *Плаксиенко Д. Л., Федотов А. А.* Неизменность сущности изобретения как обязательное условие применения доктрины эквивалентов // Интеллектуальные права: вызовы XXI века: сборник докладов V Международной научно-практической конференции, Томск, 07–09 ноября 2023 г. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2023. С. 92–97.

Причина в том, что пункт 24 Инструкции о выплате вознаграждения строится не на понятии эквивалентного признака (которое используется в пункте 3 статьи 1358 ГК РФ), а на понятии эквивалентной замены признака; при этом упоминание в пункте 24 «взаимозаменяемых элементов (эквивалентов)» относится, как подчеркивают Плаксиенко и Федотов, к технически эквивалентным элементам в том понимании, которое было задано еще в классификациях Раймера и Линденмайера.

Указанное наблюдение имеет принципиальное значение для настоящего исследования. Оно показывает, что в российском праве на уровне терминологии одновременно сосуществуют как минимум три различных, хотя и взаимосвязанных понятия: «эквивалентный признак» (пункт 3 статьи 1358 ГК РФ), «эквивалентная замена признака» (пункт 24 Инструкции о выплате вознаграждения), «технически эквивалентные элементы» (подзаконные акты и доктринальная литература). Каждое из них описывает свой аспект явления: первое — статическую характеристику признака; второе — процедурную категорию, описывающую операцию замены; третье — функциональную идентичность в техническом смысле.

Смешение этих понятий приводит к тому, что применение доктрины эквивалентов в правоприменительной практике оказывается плохо предсказуемым: различные участники процесса (суд, эксперт, стороны) могут подразумевать различные из указанных понятий.

Д.Л. Плаксиенко и А.А. Федотов также отмечают, что несмотря на содержательные недостатки изложения, норма пункта 24 Инструкции о выплате вознаграждения является более самосогласованной, ясной, точной и значительно лучше отражает суть и назначение доктрины эквивалентов, чем действующий пункт 3 статьи 1358 ГК РФ[146].

Это наблюдение совпадает с выводом, сформулированным в предшествующем параграфе настоящего исследования, о частичной регрессии

[146] См.: *Плаксиенко Д. Л., Федотов А. А.* Указ. соч.

современного российского регулирования по сравнению с советским в части полноты методологической проработки применения эквивалентности.

Три советских нормативных акта 1973—1974 годов образовали содержательно согласованную, но не полностью совпадающую систему понимания эквивалентности, распределенную по процедурным плоскостям. Инструкция по государственной экспертизе применялась к экспертизе заявок при проверке новизны; Инструкция по экспертизе на патентную чистоту — к судебному применению теории эквивалентов в спорах о нарушении патентов; Инструкция о порядке выплаты вознаграждения — к установлению факта использования для целей выплаты вознаграждения автору. Каждый акт содержал собственное определение эквивалентности, приспособленное к своей процедурной задаче. В совокупности эти определения формировали базу, которой уделялось пристальное внимание как со стороны экспертного сообщества, так и в доктринальной литературе.

Содержательный состав советских определений эквивалентности включает: совпадение по функциональному назначению признаков; достижение того же технического результата; сходство способа достижения результата (через категории «пути» выполнения работы, «средств выполнения», «формы выполнения»); критерий известности — с привязкой к дате приоритета. Эти элементы составляют содержательное ядро советской нормативной методологии установления эквивалентности.

Современные российские авторы при формулировании определения эквивалентного признака исходят из общего согласия с основой, заложенной в советских актах. Полемика в российской доктрине ведется не столько о принципе четырехэлементного понимания данного понятия (функциональное назначение + результат + способ + известность), сколько о содержательных деталях каждого из элементов и об их соотношении.

М.В. Пантелеев и М.А. Серова определяют эквивалентный признак через три квалифицирующие характеристики: совпадение по выполняемой функции; обеспечение достижения одинакового технического результата; совпадение в

способах достижения такого результата[147]. В данной формулировке критерий известности не выделяется как самостоятельный, что отражает позицию, согласно которой эквивалентность может быть установлена исключительно через содержательное сопоставление признаков, без учета момента известности и темпоральной привязки данного момента известности.

Н.Н. Аверченко сосредоточивает определение на двух элементах — сохранении сущности изобретения и достижении того же результата[148]. А.В. Пиличева в наиболее общей формулировке указывает на выполнение одной и той же функции с одинаковым результатом[149]. Эти определения, хотя и отличаются друг от друга количеством выделяемых критериев, но в общем сохраняют связь с советской методологией.

В.А. Мещеряков отождествляет понятия «эквивалент» и «взаимозаменяемость», опираясь на формулировку Инструкции по экспертизе на патентную чистоту, прямо связывавшей эквивалентность с равноценностью[150].

Б.Е. Семенюта, напротив, указывает на необходимость отказа от понятия «равноценность» при определении эквивалентности как многозначного и фактически являющегося синонимом эквивалентности[151].

Возникающая между этими позициями полемика иллюстрирует общее наблюдение о том, что третий элемент четырехэлементной структуры (совпадение способа/равноценность/взаимозаменяемость) является наиболее дискуссионным в российской доктрине, что отмечается и В.А. Питовым: в экспертном сообществе по первым трем критериям эквивалентности (сущность, результат, известность)

---

[147] См.: *Пантелеев М. В., Серова М. А.* Теория эквивалентов и ее использование // Патенты и лицензии. 2002. № 2. С. 18–26.

[148] См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая : учебно-практический комментарий / под ред. А. П. Сергеева. — 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2017. 976 с. (автор параграфа – Н. Н. Аверченко).

[149] См.: Право интеллектуальной собственности: Учебник / О. Л. Алексеева, А. С. Ворожевич, Е. С. Гринь и др.; под общ. ред. Л. А. Новоселовой. М.: Статут, 2019. Т. 4: Патентное право. 659 с. (автор параграфа – А. В. Пиличева).

[150] См.: *Мещеряков В. А.* Доктрина эквивалентов: в поисках методологии.

[151] См.: *Семенюта Б. Е.* В поисках доктрины эквивалентов в российском праве // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2021. № 3. С. 53–62.

практически нет разногласий, тогда как по четвертому (равноценность) ведется перманентная дискуссия о том, какие признаки считать равноценными[152].

В.Н. Дементьев, В.М. Рыбаков и А.А. Христофоров в своем исследовании дополняют перечень признаков критерием известности[153].

В.Ю. Джермакян выделяет четыре квалифицирующие характеристики понятия «эквивалентный признак»: неизменность сущности изобретения; достижение того же результата; равноценность (взаимозаменяемость) признаков; известность заменяемых признаков в данной области[154]. Аналогичный четырехэлементный перечень воспроизводит И.Н. Балишина, выводя его из действующей нормы пункта 3 статьи 1358 ГК РФ: неизменность сущности изобретения; достижение идентичного результата; допустимость замены средств выполнения; известность заменяемых средств в данной области[155]. Той же позиции придерживается В.В. Гусарова, определяющая четыре условия эквивалентности: неизменность сущности изобретения; достижение того же результата; взаимозаменяемость признаков; известность заменяемых признаков[156].

В.Е. Китайский предлагает процедурно ориентированную формулировку: при наличии признаков формулы изобретения, не содержащихся в объекте исследования, следует провести анализ признаков объекта исследования, использованных вместо соответствующих признаков формулы, на их эквивалентность; для каждого отсутствующего признака необходимо выявить его функциональную нагрузку и сопоставить с функциональной нагрузкой соответствующего признака объекта исследования; при равнозначности функций

---

[152] *Питов В. А.* К вопросу о методике определения эквивалентности признаков // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. № 2 (28). С. 89–94.

[153] См.: *Дементьев В. Н., Рыбаков В. М., Христофоров А. А.* Новый (?) подход к правилу об эквивалентных признаках // Патентный поверенный. 2016. № 3. С. 20–33.

[154] См.: *Джермакян В. Ю.* О новом подходе к правилу об эквивалентных признаках.

[155] См.: *Балишина И. Н.* Указ. соч.

[156] См.: *Гусарова В. В.* Доктрина эквивалентов: камень преткновения для споров о фармацевтических патентах // Право и современная экономика: новые вызовы и перспективы: Сборник материалов III научно-практической конференции с международным участием юридического факультета СПбГЭУ, Санкт-Петербург, 9 апреля 2020 г. / под науч. ред. Н. А. Крайновой. СПб.: СПбГЭУ, 2020. С. 399–403.

этих признаков и одинаковых результатах их применения признаки признаются эквивалентными, несмотря на различие по форме выполнения[157].

В.А. Питов в развернутом виде формулирует определение равноценности через взаимозаменяемость, одинаковое или аналогичное функциональное назначение и достижение конечного технического результата изобретения в заявленных пределах и формах без изменения технического решения осуществления функционального назначения признака[158].

В.А. Мещеряков предлагает собственное комплексное определение: заменяющий признак используемого продукта или способа считается эквивалентным заменяемому признаку независимого пункта формулы охраняемого изобретения, если эти признаки являются взаимозаменяемыми и равноценными для решаемой охраняемым изобретением задачи и обеспечиваемого им технического результата; взаимозаменяемыми считаются признаки, имеющие одинаковую предназначенность и выполняющие одинаковые функции; взаимозаменяемые признаки являются равноценными, если каждый из них находится в причинно-следственной связи с техническим результатом, обеспечиваемым охраняемым изобретением и достигаемым одним и тем же путем[159].

Обзор рассмотренных определений показывает, что российская доктрина фактически сложилась вокруг четырехэлементной структуры понимания эквивалентности: сущность (или функциональное назначение, связанное с сущностью), результат, способ (выраженный через равноценность, взаимозаменяемость, допустимость замены, способ выполнения функционального назначения), известность.

Эта структура прямо восходит к советским нормативным актам, в особенности к пункту 24 Инструкции о выплате вознаграждения. Полемика между авторами ведется о содержании отдельных критериев: о формулировке третьего

---

[157] *Китайский В. Е.* Расширительное толкование формулы изобретения через эквивалентные признаки // IP: теория и практика. 2023. № 4. С. 77–90.
[158] *Питов В. А.* Указ. соч.
[159] *Мещеряков В. А.* Доктрина эквивалентов: в поисках методологии.

критерия (равноценность, взаимозаменяемость, допустимость замены или способ); о содержательном наполнении критерия известности (что именно должно быть известно и по отношению к какому моменту).

Изложенные доктринальные позиции сходятся в признании среднего специалиста в данной области техники как ключевой фигуры оценки.

Необходимо зафиксировать различие между эквивалентностью и категориями, с которыми она может смешиваться в правоприменительной практике. И.Н. Балишина указывает, что эквивалентные признаки следует отличать, во-первых, от терминов-синонимов (например, «поваренная соль», «хлористый натрий», «хлорид натрия» являются разными названиями одного и того же химического вещества); во-вторых, от признаков, соотносящихся как родовое и видовое понятия (например, металл — цветной металл — алюминий); в-третьих, от однозначно взаимосвязанных понятий (например, длина волны и частота)[160].

Правовые режимы указанных категорий различны. Термины-синонимы свидетельствуют не об эквивалентности, а о совпадении признаков — то есть о буквальной идентичности, не требующей обращения к доктрине эквивалентов.

Родовидовые отношения также решаются в рамках буквального толкования формулы: если в формуле изобретения используется родовое понятие, действие патента распространяется на все продукты или способы, имеющие признаки, относящиеся к видовым понятиям этого рода, без необходимости применения доктрины эквивалентов.

Однозначно взаимосвязанные понятия описывают различные характеристики одного и того же физического явления и также не могут рассматриваться как эквиваленты: они по существу описывают одно и то же, просто с различных сторон.

Таким образом, доктрина эквивалентов вступает в действие лишь тогда, когда ни один из указанных инструментов не применим: при буквальном

[160] *Балишина И. Н.* Указ. соч.

несовпадении признаков, отсутствии родовидового подчинения и отсутствии однозначной взаимосвязи характеристик.

Сложившееся в российской доктрине четырехэлементное понимание эквивалентности, как показано выше, включает в качестве первого элемента категорию сохранения (или неизменности) сущности изобретения: оно было установлено как условие эквивалентной замены в пункте 24 Инструкции о порядке выплаты вознаграждения, следовательно, перешло в действующую российскую правоприменительную практику.

Как представляется, «сохранение сущности изобретения» не является самостоятельным критерием эквивалентности, а представляет собой результат соответствия сравниваемых объектов иным, содержательно определенным критериям. Сущность изобретения, как обосновано ранее, — это совокупность существенных признаков изобретения, достаточная для достижения технического результата, направленного на решение конкретной технической проблемы.

Если сущность изобретения определяется через функцию, способ и результат, то при установлении «сохранения сущности» оцениваются в сущности те же самые параметры — функциональное назначение признаков реального объекта, механизм достижения результата и сам технический результат.

Таким образом, критерий «сохранения сущности» в его распространенном толковании дублирует иные содержательные критерии эквивалентности. Введение его в перечень критериев наряду с критериями результата, влияния на результат и способа приводит к тому, что оценка эквивалентности формально требует проверки по четырем критериям, тогда как содержательно первый из них представляет собой обобщающую характеристику трех остальных.

Предлагаемый в настоящем исследовании подход заключается в том, чтобы рассматривать сохранение сущности не как самостоятельный критерий, подлежащий отдельной проверке, а как функциональный итог соответствия сравниваемых объектов трем содержательно определенным критериям: критерию результата, критерию влияния на результат и критерию способа. Если сравниваемые объекты соответствуют этим трем критериям, то сущность

изобретения сохраняется не как следствие отдельной оценки, а как вывод, вытекающий из установленного соответствия по трем содержательным основаниям.

Третий из традиционно выделяемых критериев, «равноценность способов достижения результата», распространенной в российской доктрине и в советских актах (в особенности в пункте 24 Инструкции о порядке выплаты вознаграждения), как представляется, следует скорректировать.

Сама формулировка «равноценные способы» сохраняет связь с семантикой термина «эквивалентность»: в русском юридическом языке «равноценность» выступает фактическим синонимом «эквивалентности». Использование «равноценности» как критерия эквивалентности, следовательно, образует замкнутый круг — эквивалентный признак определяется через равноценность, то есть через эквивалентность. На этот дефект формулировки и указывает Б.Е. Семенюта, как было отмечено ранее, предлагая отказаться от понятия «равноценность»[161].

Представляется целесообразным заменить критерий «равноценности способов» на более содержательно определенный критерий способа — не сводящийся к тавтологическому указанию на «равноценность», а раскрываемый через операционную процедуру сопоставления совокупностей признаков сравниваемых объектов. Такая замена устраняет тавтологию и одновременно переводит критерий в практически применимую форму.

С учетом приведенных суждений под эквивалентным признаком предлагается понимать такой признак созданного или используемого объекта материального мира, который в результате сравнения с соответствующим признаком формулы изобретения сохраняет сущность изобретения, и среднему специалисту в данной области техники до даты приоритета изобретения могло быть известно, что применение признака, использованного в этом объекте материального мира, в совокупности с иными признаками формулы изобретения способно обеспечить достижение по существу того же технического результата.

---

[161] *Семенюта Б. Е.* Указ. соч.

Сохранение сущности подразумевает установление соответствия признаков формулы изобретения и признаков реального объекта по трем критериям (критерий результата, критерий влияния на результат и критерий способа).

Второе условие имеет правовой характер: правовая охрана, предоставляемая патентом, может быть распространена на признак, не содержащийся в формуле изобретения буквально, но только с учетом существовавшего до даты приоритета уровня техники.

Критерий результата. Первый критерий устанавливает, что признак реального объекта в совокупности с иными признаками изобретения должен обеспечивать достижение по существу того же технического результата, что и признаки формулы изобретения в их совокупности.

Изобретение создается для решения некоторой технической проблемы — именно решение этой проблемы через достижение соответствующего результата составляет существо вклада изобретения в уровень техники. Критерий результата и устанавливает, что спорный реальный объект, рассматриваемый как содержащий эквивалентный признак, должен направляться на решение той же технической проблемы и обеспечивать по существу тот же технический результат.

Формулировка «по существу тот же» — а не «буквально тот же» — имеет принципиальное значение. Жесткое требование идентичности результата исключало бы из сферы действия доктрины эквивалентов случаи несущественных различий в результате, что противоречило бы сущностной цели доктрины — охране содержания изобретения, а не формальной буквы формулы. Такая формулировка согласуется с зарубежной практикой.

При этом критерий результата должен пониматься содержательно, а не формально. Достижение худшего результата объектом материального мира по сравнению с запатентованным изобретением свидетельствует о том, что признаки объекта материального мира не выходят за пределы объема исключительного права патентообладателя.

Достижение лучшего результата, напротив, требует более сложной оценки: незначительное улучшение может входить в объем формулы изобретения за счет

доктрины эквивалентов, тогда как существенное улучшение свидетельствует о создании нового самостоятельного результата интеллектуальной деятельности, выходящего за пределы охраны первоначального патента.

Граница между незначительным и существенным улучшением оценивается в каждом конкретном случае исходя из содержания изобретения и особенностей конкретной области техники.

Установление соответствия по критерию результата должно осуществляться на первом этапе сравнительного анализа. Необходимо последовательно определить: какую техническую проблему решает изобретение и какой технический результат им обеспечивается; какую проблему решает реальный объект и какой результат им обеспечивается; затем сопоставить установленные характеристики.

Речь об эквивалентности сравниваемых признаков может идти только в том случае, если по результатам такого сопоставления устанавливается, что сравниваемые объекты направлены на решение по существу одной и той же технической проблемы и обеспечивают по существу один и тот же технический результат.

Критерий влияния на результат. После установления соответствия сравниваемых объектов по критерию результата необходимо проверить, не изменяет ли существенно замена признака формулы изобретения на соответствующий признак реального объекта механизм достижения технического результата.

Применение критерия требует последовательной оценки. На первом этапе устанавливается, оказывает ли замена признака формулы изобретения на признак реального объекта влияние на достижение технического результата.

Если не оказывает — критерий считается соблюденным, и оценка переходит к следующему критерию.

Если влияние имеется — на втором этапе оценивается степень этого влияния. Несущественное влияние не препятствует признанию признака эквивалентным;

существенное влияние, напротив, свидетельствует о том, что реальный объект реализует иное техническое решение, а не то, которое запатентовано истцом.

Наиболее наглядно данный критерий проявляется при оценке признаков, содержащих числовые диапазоны. Это относится не только к признакам, в которых числовые характеристики указаны прямо (диапазоны концентраций, значений параметров, весовых пропорций), но и к признакам, в которых числовые параметры учитываются косвенно.

Например, в деле *Catnic Components Ltd v. Hill & Smith Ltd*, рассмотренном ранее, опорный элемент, согласно буквальному смыслу формулы, должен был располагаться строго вертикально, то есть под углом в 90 градусов. Суд, применяя телеологическое толкование, признал, что отклонение в 6—8 градусов не изменяет существенно результата, обеспечиваемого признаком.

Методологические подходы к оценке числовых диапазонов также были предметом рассмотрения в рамках судебной практики различных государств.

В деле *Auchincloss v. Agricultural & Veterinary Supplies Ltd*[162] было сформулировано следующее правило: если патентообладатель определил диапазон с указанными числовыми пределами на каждом конце, следует считать, что его намерением было установить эти пределы как жесткие границы охраны. Причина такого ограничения может быть неочевидна, но она, например, может быть обусловлена предшествующим уровнем техники.

Тем не менее в ряде случаев формально указанные числовые пределы могут представлять собой округленные значения, и их жесткое буквальное толкование было бы необоснованным. Все зависит от того, как специалисты в соответствующей области техники характеризуют диапазон.

В правилах проведения конкурса, указывающих, что участвовать могут лица в возрасте от 18 до 35 лет, подразумевается, что человек может принять участие до своего 36-летия: здесь число 35 означает «строго менее 36,0». В науке и технике, напротив, использование чисел нередко указывает на небуквальную степень

[162] Auchincloss v. Agricultural & Veterinary Supplies Ltd [1997] R.P.C. 662. [Электронный ресурс] // Westlaw : справочно-правовая система : для зарегистрированных пользователей, 1997 (дата обращения: 07.04.2026).

точности, подразумевая округление. Если в формуле изобретения, относящейся к области химии, указан диапазон «от 3 до 8», возможно, не имеется в виду строго от 3,0 до строго 8,0; если в соответствующей области техники принято оперировать округленными значениями, именно этот контекст должен быть определяющим.

В деле *Smith & Nephew Plc v. ConvaTec Technologies Inc*[163] со ссылкой на дело *Lubrizol Corp v. Esso Petroleum Co Ltd*[164] суд пришел к выводу, что патентообладатель, устанавливая диапазон от значения 1,3, имел в виду, что оно включает все числа, округляющиеся до 1,3.

Аналогичный подход сформировался и в германской судебной практике. Например, в деле *Custodiol II*[165]: раствор для ингибирования ишемического повреждения сердца при хирургии содержал согласно формуле хлорид магния в концентрации 10 ± 2 ммоль, то есть допускал концентрацию в диапазоне от 8 до 12 ммоль; ответчик использовал концентрацию 4 ммоль, что выходило за пределы указанного диапазона. Федеральный Верховный Суд Германии констатировал отсутствие нарушения исключительного права, поскольку с учетом особенностей области техники патентообладатель как средний специалист должен был предвидеть возможность нежелательных побочных эффектов при выходе за допустимые пределы.

Представляется, что при оценке числовых показателей в формуле изобретения необходимо учитывать как минимум три обстоятельства: волю патентообладателя относительно строгости формулировок числовых ограничений, определяемую через документы заявки на выдачу патента; погрешность измерительных приборов, обычно применяющихся в данной области техники; общепринятые правила округления чисел.

---

[163] Smith & Nephew Plc v. ConvaTec Technologies Inc [2015] R.P.C. 32. [Электронный ресурс] // Westlaw : справочно-правовая система : для зарегистрированных пользователей, 2015 (дата обращения: 07.04.2026).

[164] Lubrizol Corp v. Esso Petroleum Co Ltd (№.5) [1998] R.P.C. 727. [Электронный ресурс] // Westlaw : справочно-правовая система : для зарегистрированных пользователей, 1998 (дата обращения: 07.04.2026).

[165] BGH, 12.03.2002, X ZR 73/01 — Custodiol II. [Электронный ресурс] // Bundesgerichtshof. Entscheidungsdatenbank des Bundesgerichtshofs ab dem Jahr 2000 URL: https://www.bundesgerichtshof.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/Zivilsenate/X_ZS/2001/X_ZR__73-01.pdf?__blob=publicationFile&v=1 (дата обращения: 07.04.2026).

Правила округления натуральных чисел являются универсальными и общеизвестными: при округлении до соответствующего разряда, если следующая за разрядом цифра была равна 0, 1, 2, 3 или 4, то цифра в данном разряде не изменяется; если эта цифра была равна 5, 6, 7, 8 или 9, то цифра в данном разряде увеличивается на единицу[166].

Применение указанных правил позволит устранить ряд разночтений, возникающих при оценке числовых признаков.

При оценке влияния на результат в числовых характеристиках необходимо учитывать также содержательный контекст формулы изобретения и документы заявки. Если в диапазоне, указанном в формуле, верхний поддиапазон решает одну техническую проблему, а нижний — другую принципиально отличную, и это описано в формуле или следует из документов заявки, то использование признаков из поддиапазона, решающего иную проблему, может исключать признание его объекта содержащим эквивалентный признак.

Содержательный характер критерия влияния на результат и значение количественных параметров при его оценке наглядно иллюстрируются делом, рассмотренным Арбитражным судом Нижегородской области в 2014 году. Предметом спора являлось использование в препарате «АнГрикапс Максима» всех признаков независимого пункта формулы евразийского патента № 8765 «Антигриппозное средство», за исключением того, что вместо запатентованного «глюконата кальция» использовался «карбонат кальция»[167]. Первоначально назначенная экспертиза пришла к выводу о неэквивалентности указанных признаков, основываясь на том, что карбонат кальция способствует устранению изжоги, что якобы придает препарату дополнительные полезные качества, не предусмотренные запатентованным решением. Формулировка вывода эксперта текстуально воспроизводит категорию пункта 6.03 Инструкции по государственной экспертизе — «дополнительные полезные качества или

---

[166] Математика : 5-й класс : учебник для учащихся общеобразовательных организаций / А. Г. Мерзляк, В. Б. Полонский, М. С. Якир. - 3-е издание, стереотипное. Москва : Вентана-Граф, 2018 (Красноярск). С. 217.

[167] Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 10 октября 2014 г. по делу № А43-18360/2013 [Электронный ресурс] // Информационная система «Картотека арбитражных дел». URL: https://kad.arbitr.ru/Card/0231dc64-0425-44a0-b30c-fe16bcfd5591 (дата обращения: 07.04.2026).

существенные преимущества», — что является характерным примером фактического применения советской методологии в современной практике.

Повторной экспертизой был проведен количественный анализ, который позволил сформулировать иной вывод.

Содержание карбоната кальция в препарате составляло 11,2 мг, тогда как в лекарственных средствах, специально предназначенных для лечения изжоги (препараты Аддитива кальций и Витакальцин), оно составляет соответственно 1250 мг и 693,68 мг. В дозировке 11,2 мг карбонат кальция не способен обеспечить терапевтический эффект, приписанный ему первоначальной экспертизой. Повторная экспертиза, учтя это количественное сопоставление, установила, что замена глюконата кальция на карбонат кальция не приводит к изменению сущности изобретения: обе соли выполняют одинаковые функции в составе препарата, а различие в химической структуре не дает нового результата в заданной дозировке. Суд на основании повторной экспертизы применил доктрину эквивалентов и признал факт нарушения (неправомерное использование изобретения).

Приведенный пример иллюстрирует несколько значимых обстоятельств. Во-первых, критерий влияния замены признака на достижение технического результата является содержательным, а не формальным: для его правильного применения требуется не формальное указание на возможные дополнительные качества, а оценка того, проявляются ли эти качества в конкретной дозировке или конфигурации, определяемой формулой и объектом.

Во-вторых, оценка эквивалентности признаков нередко зависит не только от качественных различий (химическая структура «глюконат кальция» и «карбонат кальция»), но и от количественных параметров, что подтверждает положение С.А. Синицына о необходимости совокупной оценки количественных и качественных признаков для выявления фактов неправомерного использования запатентованных решений[168].

В-третьих, различие в заключениях двух экспертиз по одному и тому же вопросу иллюстрирует проблему, на которую указывает российская доктрина,

[168] *Синицын С. А.* Указ. соч. С. 216.

зависимость правового результата от позиции конкретного эксперта при отсутствии четких методологических критериев оценки.

Критерий способа. Третий критерий устанавливает, что совокупность признаков реального объекта должна соответствовать совокупности признаков формулы изобретения по функциональному назначению каждого признака и по характеру их взаимодействия между собой. В отличие от критериев результата и влияния на результат, оценка которых может проводиться применительно к отдельным признакам, критерий способа по необходимости охватывает всю совокупность признаков: результата изобретения достигает не отдельный признак, а их совокупность, взаимодействующая между собой, и именно это взаимодействие образует сущность технического решения.

Применение критерия способа требует последовательного прохождения определенных этапов.

На первом этапе определяется совокупность признаков формулы изобретения и устанавливается, каким образом эти признаки, взаимодействуя между собой, обеспечивают достижение технического результата.

На втором этапе аналогичные действия проводятся применительно к реальному объекту: выделяются его признаки и устанавливается, как их взаимодействие обеспечивает достижение результата, которым характеризуется реальный объект.

На третьем этапе сопоставляются выделенные совокупности признаков.

На четвертом этапе выделяются признаки, небуквально соответствующие признакам формулы изобретения, и выявляется функциональное назначение каждого из них: какую именно функцию выполняет соответствующий признак в совокупности признаков объекта и как он взаимодействует с иными признаками для достижения результата.

На пятом этапе устанавливается, может ли признак или совокупность признаков в реальном объекте, которыми заменены один или несколько признаков формулы изобретения, выполнять функционально то же назначение, то есть

обеспечивать то же взаимодействие с иными признаками для достижения того же технического результата.

Иллюстрация данного алгоритма может быть проведена на примере сравнения заявленного объекта и прототипа из пункта 6.03 Инструкции по государственной экспертизе.

Заявленный объект представляет собой устройство для соединения ниппеля и гибкого резинового шланга, в котором ниппель взаимосвязан с другими признаками устройства только своей концевой частью, на которую присоединяется шланг. В прототипе аналогичную функцию выполняет концевая часть патрубка. При применении пятиступенчатого алгоритма: ниппель и патрубок как самостоятельные элементы действительно отличаются по техническому назначению; однако при рассмотрении их в совокупности с другими признаками устройства они оказываются эквивалентными по функциональному назначению: оба являются элементами соединения, обеспечивающими присоединение шланга в концевой части. Следовательно, по критерию способа признаки «ниппель» и «патрубок» в данном конкретном контексте признаются эквивалентными, несмотря на различие их самостоятельного технического значения.

Достижение аналогичного результата принципиально иным способом выходит за пределы доктрины эквивалентов и свидетельствует о создании нового самостоятельного объекта. Если признаки реального объекта обеспечивают результат через иной механизм взаимодействия, чем признаки формулы изобретения, речь идет не об эквивалентной замене, а о новом техническом решении.

В случае, если на основании трех критериев будет установлено сохранение сущности изобретения реальным объектом, необходимо установить наличие следующего условия: условия известности. Соблюдение указанного условия подразумевает, что среднему специалисту в соответствующей области техники до даты приоритета изобретения могло быть известно, что применение признака, использованного в реальном объекте, в совокупности с иными признаками формулы изобретения способно обеспечить достижение по существу того же

технического результата. В отличие от трех предшествующих критериев, носящих содержательный характер (они устанавливают, сохраняется ли сущность изобретения в реальном объекте), условие известности имеет правовой характер: оно определяет, когда правовая охрана распространяется на не содержащийся в формуле буквально признак. Без соблюдения условия известности даже содержательно эквивалентный признак не может быть признан входящим в объем правовой охраны изобретения.

Содержательное наполнение условия известности требует специального раскрытия. Установлению подлежит известность для среднего специалиста в соответствующей области техники.

Специалистом в данной области техники, как следует из пункта 42 Требований к документам заявки на выдачу патента на изобретение, является лицо, имеющее доступ ко всему уровню техники и обладающее общими знаниями в данной области техники, основанными на информации, содержащейся в справочниках, монографиях и учебниках. Эта категория имеет гипотетический характер: средний специалист не является конкретным лицом, а представляет собой идеальный стандарт оценки.

Кроме того, необходимо определить, что именно должно быть известно. Как справедливо отмечает В.Ю. Джермакян, в российском действующем патентном праве заложен принцип непризнания эквивалентным такого заменяющего признака, который как таковой в своем исполнении является новым до даты приоритета изобретения; этим пользуются лица, пытающиеся обойти патент[169].

Однако содержательно критерий известности не сводится к известности самого признака как изолированной единицы. Устанавливается известность того, что признак, использованный вместо признака формулы, в совокупности с иными признаками формулы изобретения обеспечивает достижение того же технического результата. Это не известность абстрактной взаимозаменяемости признаков и не известность прямого указания на их эквивалентность, а известность

[169] *Джермакян В. Ю.* Разница между признаком как таковым и эквивалентным признаком // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2021. № 8. С. 11–15.

содержательной возможности достижения результата через такое сочетание признаков.

В.Ю. Джермакян указывает, что при установлении известности не требуется, чтобы в источнике информации обязательно присутствовало слово «эквивалентный»: достаточно представить сведения о конструкции, функциях, строении, свойствах и иных характеристиках найденного технического средства (признака), подтверждающие возможность использовать такой признак как эквивалентный в конкретном запатентованном объекте[170].

Такая позиция принципиально важна: она показывает, что известность может быть установлена через содержательный анализ уровня техники, не требуя формального присутствия термина «эквивалентный» в источниках. Соответственно, при переработке текущей редакции положения необходимо учитывать, что установление известности эквивалентности допускает два содержательных пути: прямое знакомство среднего специалиста с возможностью соответствующей замены либо выводимость такой возможности из сведений, раскрытых в уровне техники до даты приоритета (о характеристиках признака, о его функциональных свойствах, о принципах его применения в аналогичных контекстах).

Еще одним важным критерием условия известности является момент, на который должна определяться известность.

Предпочтительной выступает привязка к дате приоритета изобретения, а не к моменту совершения нарушения. Данный подход, закрепленный в пункте 3 статьи 1358 ГК РФ, представляется обоснованным: эквивалентность устанавливается применительно к изобретению, патентоспособность которого определяется по состоянию до даты приоритета.

Установление эквивалентности через возможность признания реального объекта самостоятельным патентоспособным решением имеет смысл именно до даты приоритета — ту же дату, на которую проверяется патентоспособность

---

[170] *Джермакян В. Ю.* Что понимать под известностью эквивалентных признаков // Патентный поверенный. 2016. № 2. С. 7–14.

оригинального изобретения. Такой подход обеспечивает единство критериев оценки в вопросах патентоспособности и нарушения.

Немаловажным аспектом проверки соблюдения данного условия является процессуальное измерение условия известности. В российском процессуальном праве действует принцип состязательности, согласно которому обязанность сбора доказательств по делу возлагается не на эксперта, а на лиц, участвующих в деле.

Статья 16 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»[171] прямо закрепляет, что эксперт не вправе самостоятельно собирать материалы для производства судебной экспертизы. Статьи 85 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации[172] (далее – ГПК РФ) и 55 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации[173] (далее – АПК РФ) развивают этот принцип, а статья 65 АПК РФ устанавливает, что каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений.

Из указанной совокупности норм следует, что бремя представления доказательств известности эквивалентности признаков лежит на истце, заявляющем о нарушении исключительного права патентообладателя. Эксперт, привлекаемый судом, работает только с материалами, представленными в дело; он не уполномочен и фактически не в состоянии самостоятельно осуществлять информационный поиск по уровню техники для подтверждения или опровержения известности эквивалентности. Поэтому отсутствие в материалах дела доказательств, на основании которых истец заявляет о наличии известности эквивалентности признаков, означает, что соответствующий факт не может считаться установленным, и критерий известности — соблюденным.

---

[171] Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2291.

[172] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

[173] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

Эта процессуальная сторона критерия известности имеет системное значение для применения доктрины эквивалентов. На нее обращает внимание В.А. Мещеряков, отмечая, что сложившаяся в российских судах практика фактически перекладывает обязанность доказывания известности с истца на эксперта: вопросы эксперту формулируются таким образом, что он должен самостоятельно найти источники, подтверждающие известность, тогда как это не входит в процессуальную компетенцию эксперта и фактически невыполнимо в рамках ограниченного времени судебной экспертизы[174]. Такая практика приводит к непредсказуемости правоприменения и возможных злоупотреблений: если эксперт не обнаружит источников, подтверждающих известность, ему фактически невозможно предъявить претензию в недобросовестности, даже если такие источники объективно существуют в уровне техники.

Указанная процессуальная некорректность не является следствием недобросовестности конкретных участников процесса, она образуется системно, из-за отсутствия разработанной методологии и невнимания к процессуальным ограничениям судебной экспертизы.

В.А. Мещеряков обоснованно указывает, что информационный поиск по уровню техники для установления известности эквивалентности методологически совпадает с тем поиском, который проводится экспертами Роспатента при экспертизе заявок на изобретения. Возлагать такой поиск на судебных экспертов, не имеющих ни соответствующей процессуальной компетенции, ни достаточного времени, принципиально неприемлемо. Этот тезис имеет значение не только для правильного понимания процессуального измерения критерия известности, но и для вопроса о двухуровневом применении доктрины эквивалентов.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующее определение эквивалентного признака в развернутом виде. Под эквивалентным признаком предложено понимать такой признак объекта материального мира, созданного или используемого ответчиком, который в результате сравнения с соответствующим

---

[174] *Мещеряков В. А.* Доктрина эквивалентов: в поисках методологии.

признаком формулы изобретения сохраняет сущность изобретения, что проявляется в соответствии такого признака следующим критериям:

1) критерий результата: признак объекта в совокупности с иными его признаками обеспечивает достижение по существу того же технического результата, что и признаки формулы изобретения в их совокупности;

2) критерий влияния на результат: замена признака формулы изобретения на данный признак не изменяет существенно механизм достижения технического результата;

3) критерий способа: совокупность признаков реального спорного объекта соответствует совокупности признаков формулы изобретения по функциональному назначению каждого признака и по характеру взаимодействия признаков между собой.

Признание признака эквивалентным предполагает также соблюдение условия известности. В соответствии с данным условием среднему специалисту в данной области техники до даты приоритета изобретения могло быть известно, что применение признака, использованного в этом объекте материального мира, в совокупности с иными признаками формулы изобретения способно обеспечить достижение по существу того же технического результата.

Сохранение сущности изобретения в реальном объекте является не самостоятельным критерием, а представляет собой результат соотнесения сравниваемых объектов одновременно трем содержательным критериям: результата, влияния на результат и способа. Условие известности носит правовой характер и устанавливает условие, при котором правовая охрана, предоставляемая патентом, может быть распространена на не содержащийся в формуле буквально признак; процессуальное бремя представления доказательств соответствия этому критерию лежит на истце, заявляющем о нарушении.

В современной российской правоприменительной практике вопрос о субъектах, которые могут применять доктрину эквивалентов, о процессуальных рамках ее применения решен следующим образом: применение доктрины эквивалентов относится к компетенции исключительно судов и осуществляется

только при рассмотрении споров о нарушении исключительного права патентообладателя.

Указанный подход обосновывается содержанием пункта 2 статьи 1358 ГК РФ, где в перечне способов использования изобретения не упомянуты действия по регистрации патента и проведению экспертизы заявок. Тем самым применение доктрины эквивалентов квалифицируется как вопрос права, устанавливаемый судом на основании совокупности доказательств в рамках конкретного спора.

Такое понимание привело к возникновению ряда проблем, в том числе связанных с отсутствием единых методологических правил применения доктрины эквивалентов. Оценка факта использования изобретения не может быть произведена без привлечения специалиста в данной области техники. В связи с этим суды, как правило, назначают экспертизу, результаты которой становятся основой для принятия решения. Однако формулирование вопросов эксперту осуществляется через прямое воспроизведение нормы пункта 3 статьи 1358 ГК РФ. Такой подход стал фактически стандартом правоприменения[175].

Такая практика, когда суд, назначая патентно-техническую экспертизу, ограничивается постановкой перед экспертом вопроса об использовании в реальном объекте ответчика каждого признака формулы изобретения либо признака, эквивалентного ему, порождает ряд проблем, признаваемых российской доктриной. Именно эти проблемы образуют основание для постановки более широкого методологического вопроса о соотношении вопроса права и вопроса факта применительно к применению доктрины эквивалентов в российской практике.

Устоявшаяся модель применения доктрины эквивалентов обнаруживает ряд недостатков.

Прежде всего, обнаруживается процессуальная некорректность распределения функций между судом и экспертом. Как описано ранее, обязанность сбора доказательств по делу возлагается на лиц, участвующих в деле, а не на

[175] См., например, Путеводитель по судебной практике. Патентование и оборот лекарственных средств в Российской Федерации : сборник / под общ. ред. Л. А. Новоселовой. Москва : РГ-Пресс, 2023. 336 с.

эксперта; однако практика формулирования экспертных вопросов через прямое цитирование нормы пункта 3 статьи 1358 ГК РФ фактически перекладывает обязанность поиска доказательств известности эквивалентности с истца на эксперта. В.А. Мещеряков справедливо указывает, что такая практика превращает экспертизу в средство сбора доказательств, каковым она по закону не является, и возлагает на эксперта задачу, для которой он не имеет ни процессуальной компетенции, ни реальной возможности[176].

Следствием этой процессуальной некорректности становится непредсказуемость применения исследуемой доктрины. Заключение эксперта по одному и тому же вопросу может существенно различаться в зависимости от позиции конкретного специалиста, его методологической подготовки и интерпретации имеющихся материалов. Такая непредсказуемость, по наблюдению С.А. Синицына, стала системной характеристикой российской правоприменительной практики в области доктрины эквивалентов[177].

Обнаруживается также отсутствие методологических ориентиров для содержательной оценки эквивалентности. Поскольку действующее законодательство не раскрывает понятия эквивалентного признака и не устанавливает критериев оценки эквивалентности, эксперты вынуждены обращаться к советским нормативным актам. В итоге правоприменение опирается на содержательно разнородный набор источников (действующее законодательство и утратившие силу или актуальность советские акты) без систематизированной методологической основы. В российской доктрине сложился ряд позиций, свидетельствующих о необходимости переосмысления устоявшейся модели.

Позиция А.В. Залесова строится на критике классического разделения вопроса права и вопроса факта в применении доктрины эквивалентов. Автор обосновывает, что эквивалентность признаков не является вопросом простого факта, который может быть объективно установлен экспертом или специалистом; напротив, эквивалентность представляет собой вопрос права с учетом ряда

---

[176] *Мещеряков В. А.* Доктрина эквивалентов в патентном праве: право и техника.
[177] *Синицын С. А.* Указ. соч. С. 215–216.

объективных фактов и субъективных моментов отношения к этому вопросу самого патентообладателя и предполагаемого нарушителя[178]. Объемы правовой охраны изобретения в вопросах действительности патента и нарушения исключительного права, предоставляемого патентом, являются идентичными: это означает, что методология установления эквивалентности должна быть единой, независимо от того, в рамках какого процессуального производства рассматривается соответствующий вопрос.

Как указывает А.В. Залесов, формально-механическое разделение вопросов факта и права в патентных спорах, включая установление эквивалентности, не является правильным, и постепенно такое разделение будет сведено к минимуму. Корректным представляется интегральный подход, при котором суждения в патентных спорах получаются путем оценки результатов фактических экспертных исследований с соотнесением их с формулой изобретения, когда само ее толкование уже является правовой оценкой[179].

Изложенная позиция может быть дополнена доводом В.А. Мещерякова, согласно которому информационный поиск в уровне техники для установления известности эквивалентности методологически совпадает с тем поиском, который проводится экспертами Роспатента при экспертизе заявок на изобретения[180].

Это наблюдение имеет принципиальное значение: если одна и та же по существу операция проводится двумя различными субъектами в рамках различных процессуальных производств, то разграничение этих субъектов по принципу «вопрос права — вопрос факта» условно.

В.А. Мещеряков также ставит вопрос о взаимодействии различных патентных споров, связанных с одним и тем же патентом: допустимо ли использование установления эквивалентности в споре о нарушении как доказательства несоответствия изобретательскому уровню в споре о действительности патента, и обратно — допустимо ли использование доказательств неизвестности эквивалентности в споре о действительности как

---

[178] *Залесов А. В.* Указ. соч.
[179] См.: *Залесов А. В.* Указ. соч.
[180] *Мещеряков В. А.* Доктрина эквивалентов: в поисках методологии.

опровержения доводов об эквивалентности в споре о нарушении? Ответы на эти вопросы, по замечанию автора, практика дает неоднозначно, что свидетельствует о необходимости более глубокой методологической разработки единого подхода к применению доктрины эквивалентов.

Позиция В.В. Гусаровой указывает на тесную взаимосвязь оценки эквивалентности и оценки изобретательского уровня. Патентообладатель, заявляющий о нарушении патента в связи с эквивалентностью отличительных от прототипа признаков изобретения конкурента, попадает в противоречивую ситуацию: известность эквивалентных признаков может поставить под угрозу и его собственный патент в связи с несоответствием условию патентоспособности «изобретательский уровень»[181]. Таким образом, оценка эквивалентности и оценка изобретательского уровня опираются на общие основания: известность для среднего специалиста до даты приоритета; разделение этих операций на «вопрос факта в одном производстве» и «вопрос права в другом» представляется искусственным разграничением единой по содержанию процедуры.

Совокупность трех приведенных позиций позволяет сделать вывод о необходимости пересмотра классического разделения вопроса права и вопроса факта в применении доктрины эквивалентов.

Одновременно в российской доктрине представлена позиция, противоположная описанной выше. Э.П. Гаврилов в работе 2022 года обосновывает тезис о том, что доктрина эквивалентов не относится к сфере права: вопрос о том, является ли замена одного признака на другой эквивалентной, должен решаться не юристом, а специалистом-экспертом[182]. По этой логике доктрина эквивалентов по своей природе является предметом технической экспертной оценки, и юридический аппарат может лишь фиксировать результаты этой оценки, не участвуя в ее содержательном проведении.

Приведенная позиция вполне обоснована. В применении доктрины эквивалентов техническая экспертная оценка действительно играет центральную

---

[181] *Гусарова В. В.* Указ. соч.
[182] *Гаврилов Э. П.* Указ. соч.

роль, и результаты установления эквивалентности невозможно получить без участия специалистов, обладающих знаниями в соответствующей области техники.

Однако полное выведение доктрины эквивалентов за пределы сферы права представляется неоправданным. Экспертная оценка технических аспектов возможна только в рамках правовой методологии, определяющей подходы к установлению эквивалентности (критерии, на которые эксперт опирается, процедуру их применения, правила оценки результатов).

При отсутствии такой правовой методологии экспертная оценка теряет объективные ориентиры и превращается в субъективное мнение конкретного специалиста, что, как показано выше, и наблюдается в российской правоприменительной практике в условиях нормативного пробела.

Показательно, что в своей же работе Э.П. Гаврилов одновременно констатирует, что ряд методологически важных положений был закреплен в подзаконных актах СССР 1974 года, но в действующем регулировании соответствующие позиции отсутствуют. Советские акты, хотя и относились не к патентному, а к изобретательскому праву, содержали существенный методологический материал, который должен быть включен в современное законодательство. Изложенная аргументация указывает не столько на исключительную техническую природу доктрины эквивалентов, сколько на недостаточность ее правового регулирования, что, в свою очередь, образует аргумент в пользу не сужения роли права, а ее содержательного укрепления через разработку нормативной и методической основы.

На основе проведенного анализа представляется обоснованным следующий подход к порядку применения доктрины эквивалентов в патентном праве.

Применение доктрины эквивалентов целесообразно осуществлять на двух взаимосвязанных уровнях, различающихся по субъекту и процессуальной форме, но опирающихся на единую методологию установления эквивалентности.

На судебном уровне применение доктрины эквивалентов осуществляется судами при рассмотрении споров о нарушении исключительного права патентообладателя. Суд применяет доктрину эквивалентов как вопрос права,

решаемый на основании совокупности доказательств, представленных сторонами, и с учетом материалов патентно-технической экспертизы. Эквивалентность признаков устанавливается судом через применение двух условий (наличие которых устанавливается по описанным ранее критериям). При этом технические аспекты оценки опираются на экспертное мнение, тогда как правовая квалификация установленных обстоятельств составляет прерогативу суда.

На административном уровне применение доктрины эквивалентов осуществляется патентным ведомством (в Российской Федерации — Федеральной службой по интеллектуальной собственности (Роспатентом)) при осуществлении полномочий в сфере патентной экспертизы: при проведении экспертизы заявок на выдачу патента по существу при проверке условия патентоспособности «изобретательский уровень», при рассмотрении вопросов, связанных с выдачей патента или действительностью выданного патента.

Необходимость двухуровневого применения доктрины эквивалентов обусловлена следующими доводами.

Во-первых, тождественность объемов правовой охраны изобретения в вопросах действительности патента и нарушения исключительного права. Если эквивалентность оценивается единообразно и на судебном, и на административном уровне, это обеспечивает единое толкование объема правовой охраны изобретения в различных правовых контекстах.

Во-вторых, методологическое совпадение информационного поиска при установлении известности эквивалентности с поиском, проводимым патентным ведомством при экспертизе заявок. Информационный поиск по уровню техники, требующий оценки того, известно ли среднему специалисту влияние соответствующего признака на технический результат, — это та же по существу операция, которая выполняется патентным ведомством при проверке изобретательского уровня. Возлагать эту операцию исключительно на судебных экспертов, не имеющих ни соответствующих процессуальных полномочий, ни достаточного времени для ее надлежащего проведения, методологически некорректно.

В-третьих, практический опыт других правовых систем. Например, Ведомство по патентам и товарным знакам США (USPTO) в Руководстве по процедуре рассмотрения патентных заявок (Manual of Patent Examining Procedure[183] (далее — MPEP)) прямо предусматривает применение доктрины эквивалентов на этапе регистрации как основание для отказа в выдаче патента. Соответствующие правила содержатся в разделе 2100 MPEP, посвященном установлению патентоспособности, и показывают, что применение доктрины эквивалентов на этапе регистрации не только совместимо с современным пониманием патентного права, но и обеспечивает более высокое качество правоприменения на последующих стадиях.

Признание компетенции Роспатента в применении доктрины эквивалентов не означает, что его позиция становится обязательной для суда. Напротив, процессуальная корректность двухуровневой модели требует четкого разграничения процессуальных последствий решений, принимаемых на каждом уровне. Позиция Роспатента по вопросу эквивалентности признаков не составляет для суда презумпции правильности: при последующем судебном рассмотрении спора по делу о нарушении исключительного права суд самостоятельно оценивает вопрос эквивалентности на основе совокупности доказательств, включая материалы Роспатента лишь как одно из доказательств. В то же время, такая модель позволит исключить ряд споров, связанных с применением доктрины эквивалентов, и позволит разработать единую методологическую основу применения исследуемой доктрины эквивалентов.

Предложенная двухуровневая модель, однако, расходится с преобладающей в современной международной практике позицией. В резолюции Q284, принятой Международной ассоциацией по охране интеллектуальной собственности (AIPPI) 25 октября 2023 г., содержатся следующие тезисы: доктрина эквивалентов не должна применяться при оценке патентоспособности ни в ходе экспертизы патентной заявки до выдачи патента, ни при оспаривании действительности

[183] Manual of Patent Examining Procedure (MPEP) Ninth Edition, Revision 01.2024. [Электронный ресурс] // The United States Patent and Trademark Office (USPTO) URL: https://www.uspto.gov/web/offices/pac/mpep/index.html (дата обращения: 07.04.2026).

выдачи патента патентным ведомством[184]. Приведенная позиция отражает преобладающую в мировой практике тенденцию к разграничению сфер компетенции судов и патентных ведомств.

Вместе с тем, необходимо учитывать ряд существенных обстоятельств. Прежде всего, резолюция AIPPI по вопросу о моменте установления известности эквивалентности (которая, согласно ее позиции, должна устанавливаться на дату нарушения) прямо расходится с нормой пункта 3 статьи 1358 ГК РФ в редакции 2014 г., закрепляющей привязку известности к дате приоритета изобретения. Российское право в указанной части уже сознательно расходится с международной тенденцией, что является результатом обдуманного законодательного решения. Сам по себе этот факт показывает, что рекомендации AIPPI не являются универсальными стандартами, автоматически переносимыми в любую правовую систему, — они отражают практику определенной группы национальных правовых систем, к которой российское право не принадлежит.

В долгосрочной перспективе тенденция к тому, чтобы сделать вопрос применения доктрины эквивалентов только вопросом права, может быть воспринята. Однако в текущих условиях российское право демонстрирует отсутствие разработанной методологии применения доктрины эквивалентов и характеризуется обращением к советским актам. Эти условия делают переходную двухуровневую модель методологически обоснованной: именно через совместное накопление практики на обоих уровнях возможно формирование методологии, которая в будущем позволит перейти к более узкой модели, близкой к рекомендациям AIPPI.

Реализация предложенной двухуровневой модели требует последовательных шагов на трех нормативных уровнях.

На первом уровне — путем закрепления в российском законодательстве нормы, закрепляющей общие правила применения доктрины эквивалентов (соблюдение условия сохранения сущности (по критериям результата, влияния на

[184] См.: Q284 — Adopted Resolution — Patents — Doctrine of equivalents, 25 October 2023 // The International Association for the Protection of Intellectual Property (AIPPI). URL: https://aippi.soutron.net/Portal/Default/en-GB/RecordView/Index/4870 (дата обращения: 07.04.2026).

результат и способа) и условия известности), указание субъектов применения (суды и патентное ведомство) и процессуальные и процедурные принципы их взаимодействия, а также процессуальные правила формулирования вопросов экспертам (не напрямую, а посредством иных норм, например, посредством указания в законе на предмет доказывания и буквального распределения бремени доказывания: такой механизм позволит правильно формулировать вопросы экспертам за счет указания на то, какие технические аспекты ему необходимо установить, чтобы суд дал этим выводам правовую оценку).

На втором уровне — путем разработки подзаконного акта, содержащего общий методологический порядок применения доктрины эквивалентов: детальное раскрытие каждого из условий и критериев; алгоритмы установления соответствия по критерию способа; методические указания по оценке числовых диапазонов и количественных параметров.

На третьем уровне — путем проработки специальных правил применения исследуемой доктрины для отдельных областей техники. Областей техники множество, и разработка единых критериев, одинаково применимых во всех таких областях, представляется принципиально затруднительной. Целесообразно, чтобы общие методологические правила, закрепляемые на первых двух уровнях, дорабатывались применительно к специфике отдельных областей техники (фармацевтике, химии, машиностроению, информационным технологиям и другим). Такая доработка может осуществляться соответствующими специализированными органами или с привлечением экспертов Роспатента. Базовым органом для разработки общей методологии и координации специальных правил выступает Федеральная служба по интеллектуальной собственности как орган, обладающий необходимым штатом специалистов и содержательной компетенцией в области патентной экспертизы.

Предложенная двухуровневая модель не является абсолютным решением. Она представляет собой практически обоснованную переходную конструкцию, соответствующую текущему состоянию российского права в рассматриваемой сфере. В долгосрочной перспективе накопление правоприменительной практики и

выработка методологии способны создать условия, при которых применение доктрины эквивалентов станет вопросом, разрешаемым исключительно судами. Путь к такому состоянию лежит не через механическое заимствование международной модели, а через постепенное формирование собственной методологической основы, что и обеспечивается двухуровневым применением доктрины эквивалентов на текущем этапе.

Обобщение проведенного анализа позволяет сформулировать итоговое положение по порядку применения доктрины эквивалентов в российском патентном праве.

Применение доктрины эквивалентов в российском патентном праве в настоящее время не должно быть только вопросом права или только вопросом факта. Целесообразно осуществлять ее применение в рамках двухуровневой модели: судами при рассмотрении споров о нарушении исключительного права патентообладателя и Федеральной службой по интеллектуальной собственности при осуществлении полномочий по проведению экспертизы заявок на изобретение по существу и рассмотрении споров, связанных с выдачей патента или действительности выданного патента. Такое двухуровневое применение обусловлено необходимостью обеспечения единого толкования объема правовой охраны изобретения. В долгосрочной перспективе накопление правоприменительной практики и выработка методологии способны создать условия, при которых применение доктрины эквивалентов станет вопросом, разрешаемым исключительно судами.

ГЛАВА 3. ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДОКТРИНЫ ЭКВИВАЛЕНТОВ

§ 3.1. Эстоппель, основанный на истории патентной заявки

Применение доктрины эквивалентов как способа расширения объектных границ исключительного права на изобретение приводит к риску их размывания. Американские суды еще в середине прошлого века констатировали, что доведенная до крайности доктрина эквивалентов способна подорвать всю патентную систему[185].

Доктрина эквивалентов, оставаясь необходимым инструментом защиты содержания изобретения, одновременно требует разработки системы противовесов: совокупности правовых механизмов, позволяющих ограничить ее действие в тех случаях, когда ее применение нарушает принципы правовой определенности и добросовестности.

Указанное обстоятельство определяет необходимость установления пределов применения доктрины эквивалентов. Они не образуют исчерпывающего перечня, зафиксированного раз и навсегда, это совокупность относительно самостоятельных механизмов, каждый из которых может быть применен в отдельных случаях необоснованного расширения правовой охраны.

Наиболее остро проблема пределов применения доктрины эквивалентов проявляется в фармацевтическом секторе, где при высокой социальной востребованности обеспечения нужд здравоохранения разработка новых лекарственных средств часто предполагает использование уже запатентованных веществ, соединений и процессов. С.А. Синицын справедливо отмечает, что данная специфика требует конкретизации правил и условий применения доктрины эквивалентов[186]. Вместе с тем задача установления пределов применения доктрины эквивалентов имеет системный характер и не сводится к особенностям отдельных

---

[185] Borg-warner Corporation et al., Defendants, Appellants, v. Paragon Gear Works, Inc., Plaintiff, Appellee, 355 F.2d 400 (1st Cir. 1965) [Электронный ресурс] // Justia US Law. URL: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/355/400/412680/ (дата обращения: 07.04.2026).

[186] *Синицын С. А.* Указ соч. С. 216.

областей техники: справедливый объем формулы изобретения во всех случаях определяется исходя из ее текста, описания изобретения, истории рассмотрения патентной заявки, действий самого патентообладателя, а также уровня техники до даты приоритета.

Существо гражданских отношений предопределяет свободу воли их участников. Как отмечает Е.В. Вавилин, «поскольку в осуществлении прав решающую роль играет воля материально заинтересованных лиц, т. е. субъектов права, то истоки этого принципа заложены в существе гражданских отношений — в праве личной собственности и автономии воли участников отношений»[187].

Широта поведенческих возможностей, следующая из названных принципов, создает риск совершения субъектами гражданско-правовых отношений таких действий, которые формально не выходят за рамки закона, но причиняют или могут причинить вред иным участникам гражданского оборота или общественным интересам. Указанное обусловливает необходимость установления пределов осуществления гражданских прав. Такие пределы закреплены в статье 10 ГК РФ и включают закрепление принципа недопустимости злоупотребления правом[188].

Эстоппель представляет собой один из механизмов противодействия злоупотреблению правом, направленный на обеспечение последовательного поведения участников правоотношений. Согласно правилам юридического перевода, estoppel переводится как «лишение права возражения»[189]; в наиболее общем виде термин означает недопустимость противоречивого поведения, влекущую утрату возможности ссылаться на те обстоятельства, в отношении которых такое противоречивое поведение допускалось.

Действующее законодательство закрепляет только отдельные случаи применения эстоппеля в отношении признания сделки недействительной или незаключенной (статья 166 ГК РФ). Нормы патентного права подобных правил не

---

[187] *Вавилин Е. В.* Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд. М., Статут. 2016. С. 311.

[188] *Андреев А. В.* Эстоппель, основанный на истории патентной заявки // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2025. № 3. С. 47.

[189] *Вяселова Р. Р., Короткова М. Д., Макшанцева Е. А.* Специфика перевода правовых документов // Язык науки и профессиональная коммуникация. 2020. № 1 (2). С. 63.

содержат, соответственно, к случаям злоупотребления правами в данной сфере применяются общие положения, предусмотренные статьей 10 ГК РФ.

Вместе с тем некоторые формы противоречивого поведения в рамках патентно-правовых отношений имеют свои особенности и требуют дополнительного рассмотрения с точки зрения возможности применения к ним эстоппеля[190].

Патент обеспечивает предоставление правовой охраны сущности изобретения, которая описана в признаках формулы. Формула изобретения не является неизменной с момента ее первоначального изложения в заявке. Указанное обстоятельство не является случайной особенностью правоприменительной практики, оно коренится в самой природе патентной формулы. Как отмечает О.В. Ревинский, «в формуле изобретения запатентованное техническое решение характеризуется обобщенно, и чем более общо (чем с меньшим числом подробностей), тем шире патентная охрана, предоставляемая таким патентом. В реальном же устройстве, веществе, способе всегда имеется множество подробностей, тонкостей, нюансов, которые, конечно же, нужно учитывать при проверке патентной чистоты»[191].

Характерное наблюдение зарубежной исследовательской литературы, что наиболее существенным мотивом патентования в современных промышленных условиях является блокирование возможного патентования связанных изобретений со стороны конкурентов[192], подтверждает закономерность, что заявители стремятся к максимально широкой охране.

Однако в процессе рассмотрения заявки может потребоваться уточнение формулы изобретения, чтобы она соответствовала требованиям, которые предъявляются к формуле изобретения. В связи с этим объем правовой охраны станет меньше.

---

[190] *Андреев А. В.* Эстоппель, основанный на истории патентной заявки. С. 47.
[191] *Ревинский О. В.* Указ. соч.
[192] См.: *Cohen W. M., Nelson R. R., Walsh J. P.* Protecting Their Intellectual Assets: Appropriability Conditions and Why U.S. Manufacturing Firms Patent (or Not) [Электронный ресурс] // National Bureau of Economic Research Working Paper (NBER Working Paper) № 7552. 2000. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w7552/w7552.pdf (дата обращения: 07.04.2026).

Данное противоречие между исходным стремлением к увеличению объема правовой охраны и ее сужением в ходе делопроизводства создает почву для противоречивого поведения патентообладателя.

Период от даты подачи заявки на выдачу патента до даты выдачи патента, в течение которого осуществляется взаимодействие между заявителем и патентным ведомством, в зарубежной практике называется историей патентной заявки. В этот период осуществляется совокупность действий, обладающих самостоятельным правовым значением: заявитель может изменять формулировку признаков формулы, давать пояснения относительно их содержания, отвечать на официальные уведомления и запросы экспертизы, представлять дополнительные материалы; патентное ведомство, в свою очередь, направляет уведомления о несоответствии изобретения условиям патентоспособности, запросы дополнительных сведений, решения о выдаче или отказе в выдаче патента. Совокупность этих действий и материалов образует содержательное наполнение истории заявки, сохраняющее значение после выдачи патента как источник установления воли заявителя и как зафиксированная запись того смысла, который вкладывался им в признаки формулы в процессе ее формирования.

Исследование истории патентной заявки выполняет двойную функцию: оно позволяет установить точное содержание признаков формулы изобретения; а также создает фактическую основу для применения эстоппеля в тех случаях, когда заявитель, внося изменения в формулу или давая пояснения, уже сузил объем правовой охраны и не может впоследствии ссылаться на распространение охраны через доктрину эквивалентов на признаки, от которых он сознательно отказался в ходе делопроизводства.

При этом в действующем российском законодательстве значимость обращения к истории заявки прямо не закреплена. На это обстоятельство специально обращает внимание А.В. Залесов, указывая, что «ни одна правовая норма отечественного законодательства прямо не предписывает единообразного толкования значения объема правовой охраны изобретения в спорах о нарушении

патента и спорах о действительности данного патента»[193]. Он также констатирует, что не предусматривается и использование документов из дела по заявке на выдачу патента при установлении объема патентной охраны. Тем самым содержательная значимость истории патентной заявки для корректного установления объема правовой охраны в действующем регулировании не получает нормативного отражения.

Функция истории заявки как основания для применения эстоппеля требует самостоятельного рассмотрения.

В зарубежной правовой традиции, и прежде всего в судебной практике США, сформировался принцип, получивший название эстоппель, основанный на истории патентной заявки (prosecution history estoppel). Суть принципа состоит в том, что изменения, внесенные заявителем в формулу изобретения в процессе делопроизводства по заявке, а также пояснения и комментарии, представленные им патентному ведомству, могут препятствовать последующей ссылке патентообладателя на распространение охраны со ссылкой на доктрину эквивалентов на признаки, в отношении которых имело место соответствующее поведение в ходе делопроизводства[194].

Основа принципа была заложена еще в середине XIX века в деле *O'Reilly v. Morse (1853 г.)*[195], в рамках которого Верховный Суд США сформулировал тезис о невозможности ссылки на доктрину эквивалентов применительно к признаку, содержание которого было конкретизировано через указание на определенный материал или форму, обеспечивающие достижение технического результата.

Более точная формулировка эстоппеля сложилась в деле *Exhibit Supply Co. v. Ace Patents Corp. (1942 г.)*[196]. Первоначальная формулировка признака «проводники, проходящие по столу» была изменена заявителем на «проводники, встроенные в стол» в ответ на возражения специалиста патентного ведомства.

---

[193] *Залесов А. В.* Соотношение споров о нарушении патента и патентоспособности изобретения в России и за рубежом // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2013. № 1. С. 26–35.

[194] *Андреев А. В.* Эстоппель, основанный на истории патентной заявки. С. 48.

[195] O'Reilly v. Morse, 56 U.S. 62 (1853) [Электронный ресурс] // Justia US Supreme Court Center. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/56/62/ (дата обращения: 07.04.2026).

[196] Exhibit Supply Co. v. Ace Patents Corp., 315 U.S. 126 (1942). [Электронный ресурс] // Justia US Supreme Court Center. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/315/126/ (дата обращения: 07.04.2026).

Верховный Суд США установил, что внесение такого изменения означает признание заявителем содержательного различия между двумя формулировками и отказ от всего, что охватывается разницей между ними. Соответственно, последующая ссылка на доктрину эквивалентов для распространения охраны на признак, от которого заявитель отказался путем изменения, становится невозможной[197].

На протяжении нескольких десятилетий данный принцип применялся американской судебной практикой в жесткой форме: любое изменение формулы изобретения влекло полное исключение применения доктрины эквивалентов к измененному признаку, и патентообладатель оказывался ограниченным буквальным значением формулы[198]. Изменение данного подхода произошло в 1983 г. в деле *Hughes Aircraft Co. v. United States*[199], где суд отошел от жесткого применения эстоппеля. Было указано, что внесение изменений в формулу представляет собой обычную часть патентного делопроизводства, и отсутствуют основания для того, чтобы ограничивать применение доктрины эквивалентов только теми сравнительно немногими пунктами, которые были зарегистрированы без изменений в первоначальной форме. Характер и цель внесенных изменений могут порождать ограничения разной степени: от значительных до минимальных или нулевых, но не ведут к полному исключению применения доктрины эквивалентов.

Окончательное оформление современный подход получил в двух последовательных решениях Верховного Суда США. В описанном ранее деле *Warner-Jenkinson Co. v. Hilton Davis Chemical Co. (1997 г.)*[200] было установлено, что применение эстоппеля зависит от причин внесения изменений: если формула была изменена для обеспечения соответствия изобретения условиям патентоспособности, доктрина эквивалентов к такому признаку не применяется. В

---

[197] О более подробном анализе данного дела см. *Андреев А. В.* Эстоппель, основанный на истории патентной заявки. С. 49.

[198] Nationwide Chemical Corporation v. Wilburn T. Wright, 584 F.2d 714 (5th Cir. 1978). [Электронный ресурс] // Justia US Law. URL: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/584/714/155002/ (дата обращения: 07.04.2026).

[199] Hughes Aircraft Co. v. United States, 717 F.2d 1351 (Fed. Cir. 1983). [Электронный ресурс] // Justia US Law. URL: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/717/1351/74766/ (дата обращения: 07.04.2026).

[200] Warner-Jenkinson Co., Inc. v. Hilton Davis Chemical Co., 520 U.S. 17 (1997).

деле *Festo Corp. v. Shoketsu Kinzoku Kogyo Kabushiki Co. (2002 г.)*[201] подход был существенно уточнен. С того момента эстоппель применим к любым изменениям формулы, сужающим объем охраны, а не только к изменениям, связанным непосредственно с патентоспособностью. Кроме того, патентообладатель может преодолеть действие эстоппеля, доказав, что эквивалент нельзя было предвидеть на момент внесения изменений, либо что существовали иные причины невключения известного эквивалента в формулу.

Таким образом, современная американская модель применения эстоппеля, основанного на истории патентной заявки, представляет собой гибкую конструкцию, при которой применение эстоппеля зависит от характера и цели изменений, а диапазон ограничения доктрины эквивалентов определяется индивидуально в каждом конкретном случае. Эстоппель применяется, если средний специалист в соответствующей области техники может определить, что внесенные изменения и сделанные в ходе делопроизводства уточнения уменьшают объем правовой охраны.

Помимо функции основания эстоппеля, история патентной заявки выполняет в судебной практике и функцию инструмента установления содержательного значения признаков формулы.

Иллюстрацией данной функции служит решение *Мюнхенского отделения Единого патентного суда ЕС от 20 декабря 2023 г.*[202] по европейскому патенту № EP3883277[203] на электронную этикетку. Формула изобретения предусматривала совокупность признаков: экран дисплея, печатную плату с электронным чипом и антенну радиочастотного устройства, но не содержала прямого указания на пространственное расположение антенны относительно корпуса. История заявки

---

[201] Festo Corp. v. Shoketsu Kinzoku Kogyo Kabushiki Co., 535 U.S. 722 (2002). [Электронный ресурс] // Justia US Supreme Court Center. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/535/722/. (дата обращения: 07.04.2026).

[202].SES-imagotag SA v. Hanshow Technology Co. Ltd, Hanshow Germany GmbH, Hanshow France SAS, Hanshow Netherlands B.V. [Электронный ресурс] // Decision and Orders of the Court of First Instance of the Unified Patent Court in proceedings for interim measures relating to European Patent № 3 883 277. Case № UPC_CFI_292/2023. Issued on 20/12/2023. URL: https://www.taylorwessing.com/-/media/taylor-wessing/files/germany/2024/2023-12-20-ld-munich-upc_cfi_292_2023-ord_596193-2023-act_567009-2023-anonymized-en.pdf (дата обращения: 07.04.2026).

[203] 160. Verfahren zur Übermittlung von raumbezogenen Informationen an ein mobiles Endgerät (Method for communicating spatially located information to a mobile terminal) : Европейский патент № EP3883277 / Philippe Bottine, François Robin [Электронный ресурс] // European Patent Office. European Patent Register. URL: https://register.epo.org/application?number=EP21173368 (дата обращения: 07.04.2026).

показала, что в ходе делопроизводства заявитель обосновывал эффективность технического решения за счет расположения электронного чипа на расстоянии от антенны с целью нивелирования помех. Суд, опираясь на это обстоятельство, установил, что формула должна толковаться как предполагающая расположение антенны на передней стороне устройства. Поскольку в реальном объекте антенна располагалась на задней стороне, нарушение установлено не было. Таким образом, история заявки выступила инструментом установления содержательного значения признака, формально не раскрытого в буквальном тексте формулы.

В деле *Viskase Corp. v. Am. Nat'l Can Co. (2001 г.)*[204] признак «плотность ниже около 0,91 г/см^3» был истолкован через историю заявки: в ходе делопроизводства заявитель настаивал на значении с нулем на третьем десятичном знаке для обеспечения соответствия изобретения условию патентоспособности, учитывая, что в уровне техники существовал известный признак «плотность в диапазоне 0,910—0,940 г/см^3»; это исключило возможность признания эквивалентным признаку плотности реального объекта ответчика в 0,912 г/см^3. В деле *Biotec Biologische Naturverpackungen GmbH & Co. KG v. Biocorp, Inc. (2001 г.)*[205] формально неопределенный признак «практически не содержащий воды» был истолкован как «содержащий менее 5% воды» — со ссылкой на уровень техники до даты приоритета, содержавший признак «содержащий воду в диапазоне от 5% до 30%».

Важно разграничить две функции истории заявки. Толкование признаков формулы с учетом истории заявки — это предварительный шаг при установлении буквального нарушения исключительного права: если признак формулы, понимаемый в свете истории заявки, буквально воспроизведен в реальном объекте, нарушение устанавливается без обращения к доктрине эквивалентов. Эстоппель же выступает самостоятельным механизмом ограничения, он применяется тогда,

---

[204] Viskase Corporation, v. American National Can Company, 261 F.3d 1316 (Fed. Cir. 2001). [Электронный ресурс] // Justia US Law. URL: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F3/261/1316/570670/ (дата обращения: 07.04.2026).

[205] Biotec Biologische Naturverpackungen GmbH & Co. KG v. Biocorp, Inc., 249 F.3d 1341 (Fed. Cir. 2001). [Электронный ресурс] // Justia US Law. URL: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F3/249/1341/603318/ (дата обращения: 07.04.2026).

когда буквального совпадения нет, и вопрос о нарушении решается через применение доктрины эквивалентов. В этом случае история патентной заявки используется не для установления содержания формулы, а для ограничения диапазона эквивалентов, на которые распространяется правовая охрана.

Аналогичные подходы сформированы и в других правовых системах. В Японии в ранее рассмотренном деле *Tsubakimoto Seiko Co. Ltd. v. THK K.K.*[206] Верховный Суд Японии сформулировал правило, согласно которому признак, измененный патентообладателем в связи с несоответствием технического решения условиям патентоспособности либо объективно и преднамеренно исключенный из патентной формулы в процессе подачи заявки, не может впоследствии быть включен в объем правовой охраны посредством доктрины эквивалентов, поскольку такое включение противоречит принципу эстоппеля. Аналогичное решение содержится в судебной практике Республики Корея[207]: эстоппель подлежит применению с учетом содержания заявки, позиций экспертов, выраженных в ходе делопроизводства, намерений заявителя, отраженных в изменениях, и действий, совершенных в процессе регистрации патентной заявки.

Отдельной проблемой является вопрос о возможности учета истории заявки, поданной тем же патентообладателем в иностранные патентные ведомства. В отдельных решениях американских судов (например, *Apple Inc. v. Motorola, Inc., 2014 г.*[208]*; Gillette Co. v. Energizer Holdings, Inc., 2005 г.*[209]) такие действия учитывались при исследовании истории патентной заявки. Однако такой подход не может быть признан универсальным.

В силу территориального принципа патентного права охране подлежат объекты, зарегистрированные на территории конкретного государства, и национальные патентные системы оперируют собственными требованиями к

---

[206] Tsubakimoto Seiko Co. Ltd. v. THK K.K. Supreme Court of Japan. Case № 1994 (o) 1083. 1998.02.24.

[207] См.: *Koo D.* Comparison of the First Requirement of the Doctrine of Equivalents Between Korea and Japan. // International Review of Intellectual Property and Competition Law (IIC) № 44. 2013. P. 178–219.

[208] Apple Inc. v. Motorola, Inc., 757 F.3d 1286 (Fed. Cir. 2014). [Электронный ресурс] // Justia US Law. URL: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/cafc/12-1548/12-1548-2014-04-25.html (дата обращения: 07.04.2026).

[209] Gillette Co. v. Energizer Holdings, Inc., 405 F.3d 1367 (Fed. Cir. 2005). [Электронный ресурс] // Caselaw. URL: https://caselaw.findlaw.com/court/us-federal-circuit/1314824.html (дата обращения: 07.04.2026).

изобретению. Признанное изобретением в одном государстве может не получить охраны в другом, и заявители нередко корректируют состав признаков для приведения заявки в соответствие с национальными требованиями. Учет иностранной истории заявки может быть обоснован, как представляется, только в рамках интеграционных объединений, когда национальный патент дополняется заявкой по единым правилам объединения, и оба патента действуют на его территории по общим нормам.

В российском законодательстве специальные правила применения эстоппеля, основанного на истории патентной заявки, отсутствуют. Общее правило о недопустимости злоупотребления правом (статья 10 ГК РФ) и общий принцип добросовестности (пункты 3 и 4 статьи 1 ГК РФ) выступают единственной правовой основой для применения данного принципа.

В доктрине неоднократно поднимался вопрос о необходимости закрепления принципа эстоппеля применительно к доктрине эквивалентов[210]. Эта позиция представляется обоснованной: общая норма статьи 10 ГК РФ чрезмерно широка, а значение эстоппеля как ограничителя доктрины эквивалентов имеет системный характер, требующий специального правового регулирования.

В.Ю. Джермакян в 2012 г., обращаясь к судебной практике, пришел к выводу, что принцип эстоппеля применялся российскими судами единожды[211], причем применен был без его терминологического обозначения, но по содержанию примененный судом механизм представлял собой именно эстоппель[212]. В последующие годы практика применения общего принципа эстоппеля существенно расширилась. Суд по интеллектуальным правам в ряде постановлений прямо опирался на статью 10 ГК РФ для обоснования недопустимости противоречивого поведения участников патентно-правовых

---

[210] См., например, *Джермакян В. Ю.* Президиум ВАС РФ и доктрина эстоппель // Патенты и лицензии. 2012. № 6. С. 35а-46.; *Ворожевич А. С.* Принцип эстоппеля в патентном праве: основания и практика применения // Закон. 2020. № 4. С. 88–106.

[211] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 31 января 2012 г. № 11025/11 по делу № А40-66073/09-51-579 [Электронный ресурс] // Информационная система «Картотека арбитражных дел». URL: https://kad.arbitr.ru/Card/996f79e8-740c-490f-bcaa-ceb6b65dc21c (дата обращения: 07.04.2026).

[212] *Джермакян В. Ю.* Президиум ВАС РФ и доктрина эстоппель.

отношений[213]. Вместе с тем применительно к особенностям эстоппеля, основанного на истории патентной заявки, судебная практика до настоящего времени остается невыраженной.

Применимость эстоппеля, основанного на истории патентной заявки, в российском праве предопределяется содержанием действующих положений о толковании формулы изобретения и об установлении объема исключительного права[214]. Системный анализ этих положений обнаруживает структурную неполноту действующего регулирования, проявляющуюся сразу в трех самостоятельных аспектах.

Первый аспект: закрытость перечня источников толкования формулы. Пункт 2 статьи 1354 ГК РФ устанавливает правило об определении объема охраны на основании формулы изобретения с допустимым обращением к описанию и чертежам для ее толкования. Указанный перечень источников является исчерпывающим в том смысле, что никакие иные материалы: ни отчеты экспертизы заявки, ни переписка между заявителем и Роспатентом, ни тексты измененных редакций формулы в нем не упомянуты и, соответственно, формально не могут служить основанием для установления содержательного значения признаков.

Второй аспект: отсутствие процессуальной инфраструктуры. Процессуальная сторона обращения к истории патентной заявки в российской правоприменительной практике остается неразработанной.

Третий аспект: отсутствие содержательного единства подходов к толкованию объема правовой охраны. Объем правовой охраны изобретения представляет собой единую правовую категорию, именно он определяет круг совокупности признаков,

---

[213] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24 апреля 2019 г. № С01-62/2019 по делу № А14-6218/2017 [Электронный ресурс] // Информационная система «Картотека арбитражных дел». URL: https://kad.arbitr.ru/Card/c3ace6d8-440d-4789-938a-e4e22d101dfb (дата обращения: 07.04.2026); Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 2 ноября 2018 г. № С01-902/2018 по делу № СИП-191/2018 [Электронный ресурс] // Информационная система «Картотека арбитражных дел». URL: https://kad.arbitr.ru/Card/cce96c2d-830c-477b-8402-798a6c28c681 (дата обращения: 07.04.2026); Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 5 апреля 2019 г. № С01-35/2019 по делу № СИП-260/2018 [Электронный ресурс] // Информационная система «Картотека арбитражных дел». URL: https://kad.arbitr.ru/Card/00a2e039-d671-4eda-bb79-737e7d628c29 (дата обращения: 07.04.2026).

[214] См.: *Андреев А. В.* Эстоппель, основанный на истории патентной заявки. С. 51–52.

подпадающих под действие исключительного права, и именно он служит критерием оценки патентоспособности технического решения на этапе экспертизы заявки. Объем охраны остается неизменным независимо от того, в каком процессуальном или процедурном контексте он устанавливается: в экспертизе заявки патентным ведомством, в рассмотрении возражения против выдачи патента, в споре о признании патента недействительным или в споре о нарушении исключительного права.

Если объем правовой охраны един, то и фактическая основа его установления должна быть единой на всех этапах правоприменения. Признак, измененный или исключенный заявителем в ходе делопроизводства при формировании патентоспособного технического решения, был предметом оценки патентного ведомства, и именно с учетом этого изменения или исключения был выдан патент. Последующая попытка патентообладателя расширить объем правовой охраны посредством доктрины эквивалентов за счет того же признака может привести к тому, что одна и та же формула, на первом уровне определяющая один и тот же объем правовой охраны, будет получать разное толкование патентным ведомством и судом.

Описанная возможность создает почву для противоречивого поведения патентообладателя, манипулирующего различными толкованиями одних и тех же признаков формулы в зависимости от процессуальной позиции. Рассмотренные три аспекта образуют взаимосвязанный комплекс оснований, обосновывающих необходимость обращения к истории патентной заявки при определении объема правовой охраны и, как следствие, необходимость специального нормативного регулирования эстоппеля, основанного на истории патентной заявки.

Содержательное определение общего состава оснований применения эстоппеля сформулировано в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 8 октября 2024 г. № 300-ЭС24-

6956 по делу № *СИП-295/2023*[215]. Эти же основания считаются применимыми к эстоппелю в патентном праве.

Эстоппель квалифицирован как частный случай проявления принципа добросовестности, установленного пунктами 3 и 4 статьи 1 ГК РФ, и характеризуется как правовой механизм, направленный на обеспечение последовательного поведения участников правоотношений. Применение эстоппеля, согласно указанной позиции, требует установления совокупности обстоятельств: противоречивого поведения одной из сторон; разумного и обоснованного доверия действиям первой стороны, на которое положилась другая сторона; добросовестности положившейся стороны; ущерба, понесенного в результате противоречивого поведения. Особое значение имеет требование двухсторонней оценки: «эстоппель должен защищать только добросовестное лицо», в связи с чем суду надлежит исследовать поведение обеих сторон.

Сформулированный общий состав адекватно описывает классическую модель двусторонних отношений: договорных, процессуальных, а также отношений по поводу одностороннего волеизъявления, — однако оказывается неприменимым к особенностям эстоппеля, основанного на истории патентной заявки. Категория разумного доверия конкретного контрагента не имеет содержательного наполнения применительно к делопроизводству по заявке: отношения между патентообладателем и ответчиком в споре о нарушении не предшествовали этому спору в форме двустороннего взаимодействия, ответчик не знакомится с материалами истории заявки до возникновения спора и не формирует на их основе своих ожиданий. Добросовестность ответчика — самостоятельное обстоятельство, наличие или отсутствие которого оценивается по критериям использования собственного технического решения, а не по критериям доверия конкретным актам патентообладателя в делопроизводстве. Категория ущерба также приобретает иное значение: применение эстоппеля в патентно-правовом

---

[215] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 8 октября 2024 г. № 300-ЭС24-6956 по делу № СИП-295/2023 [Электронный ресурс] // Информационная система «Картотека арбитражных дел». URL: https://kad.arbitr.ru/Card/942619c6-b792-44d8-9291-613790c17c50 (дата обращения: 07.04.2026).

контексте исследуемых отношений, связанных с применением доктрины эквивалентов, имеет превентивный характер: оно направлено не на компенсацию уже понесенного ущерба, а на предотвращение будущих неблагоприятных последствий в виде необоснованного расширения объема правовой охраны и связанного с этим запрета ответчику использовать собственное техническое решение.

Основание этого расхождения заключается в различии защищаемого интереса. В общем составе эстоппеля защищается частноправовой интерес конкретной добросовестной стороны, разумно положившейся на предшествующее поведение контрагента. В эстоппеле, основанном на истории патентной заявки, защищаемый интерес имеет публично-правовой характер: обеспечивается правовая определенность объектных границ исключительного права, сформированных по результатам получения патента на изобретение, для всех третьих лиц и государства и предотвращается необоснованное расширение этих границ за счет возможного противоречивого толкования формулы в будущем. Объем исключительного права не может определяться произвольно в зависимости от процессуальной позиции патентообладателя, он должен быть единым и предсказуемым как для самого патентообладателя, так и для всех третьих лиц, принимающих решения о собственной технической и хозяйственной деятельности в соответствующей области. Указанное обусловливает необходимость самостоятельной разработки специального состава оснований применения эстоппеля, основанного на истории патентной заявки.

Исходя из приведенного анализа, специальный состав оснований применения эстоппеля, основанного на истории патентной заявки, может быть сформулирован в следующем виде. Для применения эстоппеля достаточно установления факта противоречивого поведения патентообладателя на этапе получения патента, выразившегося во внесении изменений в формулу изобретения либо в даче пояснений, ограничивающих содержание ее признаков, при последующей попытке расширить пределы правовой охраны посредством доктрины эквивалентов. Установление наличия ущерба на стороне ответчика, добросовестности его

действий, разумности его ссылки на предшествующее поведение патентообладателя, а равно причинно-следственной связи между противоречивым поведением и наступившими последствиями в предмет доказывания не входит. Защищаемым интересом выступает публично-правовой интерес в обеспечении правовой определенности объектных границ исключительного права, сформированных по результатам получения патента на изобретение[216].

Самостоятельный вопрос — объем ограничения доктрины эквивалентов при установлении факта применения эстоппеля. В доктрине и судебной практике сложились два противоположных подхода.

Согласно жесткому подходу, любое изменение формулы изобретения в ходе делопроизводства полностью исключает применение доктрины эквивалентов к измененному признаку: объем правовой охраны ограничивается буквальным значением формулы. Этот подход обеспечивает правовую определенность для третьих лиц, однако с учетом того, что большинство патентов регистрируются с изменениями формулы, его последовательное применение фактически исключает действие доктрины эквивалентов и нарушает принцип охраны содержания, а не формы. Гибкий подход строится на оценке характера и цели изменений: эстоппель распространяется только на те эквиваленты, от которых патентообладатель действительно отказался при внесении изменения. Этот подход лучше защищает интересы патентообладателя, но создает пробел в предсказуемости охраны для третьих лиц: невозможно заранее определить, какие эквиваленты охватываются формулой изобретения, а какие нет.

Предлагаемый в настоящем исследовании компромиссный подход строится на опровержимой презумпции отказа от эквивалентов: патентообладатель, отказавшийся в ходе регистрационной процедуры от того или иного признака изобретения либо от определенной формы его воплощения, лишается возможности впоследствии ссылаться на распространение исключительного права на соответствующий признак в соответствии с доктриной эквивалентов, если не

[216] См.: *Андреев А. В.* Эстоппель, основанный на истории патентной заявки. С. 51–52.

докажет, что исключению подлежала лишь одна из форм воплощения признака, а не признак как таковой.

Этот подход интегрирует преимущества обоих подходов: с точки зрения правовой определенности устанавливается ясное общее правило (изменение признака ведет к исключению эквивалентов), с точки зрения охраны содержания изобретения за патентообладателем сохраняется возможность защитить эквиваленты, не входившие в предмет отказа. Бремя доказывания распределено в пользу правовой определенности: общее правило действует автоматически, исключение требует доказывания, что согласуется с общей логикой патентного права, возлагающей на патентообладателя ответственность за четкое изложение формулы.

Проведенный анализ позволяет сформулировать обобщающий тезис о методологической роли истории патентной заявки при применении доктрины эквивалентов. История заявки выполняет три взаимосвязанные функции: выявление волеизъявления заявителя относительно объема испрашиваемой охраны (включая установление признаков, от которых заявитель сознательно отказался или которые изменил); реконструкция смысла, вкладываемого заявителем в отдельные признаки формулы; формирование фактической основы для разрешения вопроса о возможности применения эстоппеля. Эти функции действуют одновременно при рассмотрении любого спора, в котором истец ссылается на доктрину эквивалентов, и образуют методологическое основание для обязательного обращения к истории патентной заявки при установлении объема правовой охраны изобретения.

Как было показано выше, применение приведенной авторской конструкции в действующем регулировании возможно лишь через обращение к общим положениям гражданского законодательства, что не учитывает особенностей патентно-правовых отношений, не устанавливает специального состава оснований применения эстоппеля и не определяет процессуального порядка исследования материалов делопроизводства. Преодоление описанных пробелов возможно посредством специального закрепления эстоппеля, основанного на истории патентной заявки, в главе 72 ГК РФ.

Содержание предлагаемой нормы должно охватывать несколько взаимосвязанных элементов: обязательность исследования материалов делопроизводства по заявке при рассмотрении вопроса об эквивалентности признаков; специальный состав оснований применения эстоппеля с упрощенным предметом доказывания по сравнению с общим составом; конструкцию опровержимой презумпции отказа от эквивалентов с возможностью патентообладателя доказать ограниченный характер своего отказа; специальный процессуальный порядок представления материалов делопроизводства по запросу суда.

Распределение бремени доказывания подчинено общей логике цивилистического процесса: бремя представления доказательств противоречивого поведения патентообладателя возлагается на ответчика, ссылающегося на применение эстоппеля; бремя опровержения презумпции отказа от эквивалентов — на патентообладателя как на лицо, заинтересованное в ее опровержении.

Предложенное направление закрепления не является изолированным нормативным решением, оно встраивается в общую методологическую систему применения доктрины эквивалентов, разработанную в настоящем исследовании. Однако дополнительному исследованию подлежат также и иные механизмы ограничения доктрины эквивалентов.

§ 3.2. Иные пределы применения доктрины эквивалентов

Эстоппель, основанный на истории патентной заявки, представляет собой один из механизмов, ограничивающих применение доктрины эквивалентов, но он не является единственным.

Правило всех признаков ранее было предметом рассмотрения. Данное правило закреплено в пункте 3 статьи 1358 ГК РФ. Применительно к доктрине эквивалентов оно выполняет ограничительную функцию: доктрина эквивалентов может быть применена лишь при условии, что каждому признаку независимого пункта формулы изобретения в реальном объекте сопоставлен признак, буквально

ему соответствующий либо потенциально эквивалентный. Отсутствие в реальном объекте признака, способного быть сопоставленным какому-либо признаку формулы, исключает саму возможность обращения к доктрине эквивалентов и достаточно для вывода об отсутствии нарушения исключительного права.

Самостоятельное основание ограничения применения доктрины эквивалентов образует ситуация, в которой **эквивалентный признак оказывает существенное влияние на достижение технического результата**. Если такая замена признака формулы изобретения в совокупности с иными ее признаками формирует новое техническое решение, потенциально патентоспособное само по себе, доктрина эквивалентов на соответствующий признак не распространяется. Указанное ограничение проявляется уже на стадии оценки эквивалентности. Если влияние замены признака на технический результат существенно, а возможность такой замены не была известна среднему специалисту в соответствующей области техники до даты приоритета, доктрина эквивалентов применению не подлежит.

Самостоятельный механизм ограничения применения доктрины эквивалентов образует **прямой отказ патентообладателя от распространения охраны на определенные эквиваленты**. Указанный механизм логически пересекается по содержанию с эстоппелем, основанным на истории патентной заявки. Однако отказ имеет более широкую сферу действия и не сводится к нему полностью, что и обусловливает его самостоятельное рассмотрение.

Условием применения данного механизма выступает прямое и недвусмысленное заявление патентообладателя об отказе от распространения охраны на определенные варианты воплощения признаков изобретения. Такой отказ может быть выражен в трех формах. Непосредственно в документах заявки, например, в самой формуле изобретения, в ее описании либо в иных прилагаемых материалах. В процессе делопроизводства по заявке, в пояснениях, представляемых заявителем в ответ на замечания экспертизы, или в иных процессуальных документах, формирующих историю патентной заявки. В иных действиях патентообладателя за пределами процедуры регистрации, например, в

его позициях, заявленных при рассмотрении судебных споров, или в иных процессуальных документах после получения патента.

Только первые две формы выражения отказа охватываются конструкцией эстоппеля, основанного на истории патентной заявки, поскольку защищаемый этой конструкцией публично-правовой интерес обусловлен формированием объектных границ исключительного права по результатам экспертизы заявки. Третья форма не охватывается указанной конструкцией: соответствующее волеизъявление совершается за пределами регистрационной процедуры и не отражается в материалах делопроизводства. Именно в силу этого обстоятельства прямой отказ от эквивалентов рассматривается как самостоятельный механизм ограничения применения доктрины эквивалентов, действующий в дополнение к эстоппелю, основанному на истории патентной заявки, и охватывающий ситуации, в которых эстоппель, основанный на истории патентной заявки, неприменим.

Таким образом, можно сформулировать следующее правило: если патентообладатель прямо и недвусмысленно заявляет, например, в документах заявки, в ходе делопроизводства по ней либо в последующих процессуальных действиях, что определенная форма воплощения признака формулы изобретения не входит в объем правовой охраны его изобретения, он не вправе впоследствии утверждать обратное, ссылаясь на доктрину эквивалентов.

Особым случаем предела применения доктрины эквивалентов выступает **ситуация, когда признак, рассматриваемый как эквивалентный в конкретном споре, входит в уровень техники до даты приоритета изобретения**. Содержание данного ограничения обусловлено основными принципами патентного права. Не может быть зарегистрировано в качестве изобретения техническое решение, если хотя бы один из его признаков известен из уровня техники: все, что входит в уровень техники, принадлежит общественному достоянию или составляет объект исключительных прав третьих лиц и не может быть изъято из этой сферы посредством выдачи патента.

Если объектные границы исключительного права патентообладателя посредством доктрины эквивалентов распространяются на признаки, уже

входящие в уровень техники до даты приоритета, такое распространение вступает в прямое противоречие с самим принципом патентной охраны: патентообладателю фактически предоставляется охрана на то, на что он не мог бы претендовать при первоначальном испрашивании патента. Принцип разграничения доктрины эквивалентов с уровнем техники восстанавливает указанное соответствие, обеспечивая согласованность объема правовой охраны на этапе регистрации изобретения и на этапе судебного разбирательства о нарушении исключительного права.

Несмотря на очевидность указанного материально-правового основания, принцип получил выражение в судебной практике сравнительно недавно. Основополагающим в его формировании выступает ранее описанное решение по делу *Formstein*[217]. В судебном акте по данному делу был сформулирован вывод, впоследствии получивший название «возражение Формштайн», общий смысл которого сводится к следующему: защита исключительного права патентообладателя посредством доктрины эквивалентов не распространяется на формально эквивалентные признаки, которые при этом могут сделать изобретение не соответствующим условиям патентоспособности, поскольку были известны из уровня техники до даты приоритета.

По существу ответчик должен доказать, что объект, представляющий собой совокупность признаков формулы изобретения истца с заменой части этих признаков на эквивалентные, не отвечал бы условиям патентоспособности на дату приоритета — прежде всего условиям новизны и изобретательского уровня. Иначе говоря, если бы формула изобретения истца включала спорный эквивалентный признак, патент в такой комбинации не был бы выдан в связи с ее несоответствием условиям патентоспособности. Соответственно, истец не мог бы претендовать на патентную охрану такого признака при первоначальной подаче заявки, а следовательно, объем правовой охраны его изобретения не может охватывать данный признак и посредством доктрины эквивалентов. Идея возражения Формштайн состоит в том, чтобы исключить попадание под объем правовой

[217] BGH, 29.04.1986, X ZR 28/85; GRUR 1986, 803–806 Formstein.

охраны запатентованного изобретения тех форм воплощения признака, которые не позволили бы получить патент.

Аналогичный подход воспринят и в праве Великобритании. В рассмотренном ранее судебном акте по делу *Actavis 2017* суд констатировал, что ни национальное право Великобритании, ни нормы ЕПК не содержат прямого аналога возражения Формштайн. Тем не менее при рассмотрении соответствующего спора суд дополнительно применил указанное возражение, как если бы правила его применения были закреплены нормативно. Такое решение свидетельствует о содержательном признании описанного принципа разграничения с уровнем техники и в праве Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии: даже при отсутствии прямого нормативного закрепления соответствующий механизм был признан необходимым для обеспечения согласованности национального патентного законодательства.

В американской судебной практике аналогичный по содержанию механизм сформировался независимо от германского опыта и получил наименование «принцип захвата» (ensnarement), акцентирующий недопустимость «захвата» в сферу исключительного права патентообладателя признаков, относящихся к общественному достоянию. Ключевое значение для становления принципа имело решение Апелляционного суда США по федеральному округу 1990 г. по делу *Wilson Sporting Goods Co. v. David Geoffrey & Associates*[218], предметом которого выступал патент на конструкцию расположения впадин на мяче для гольфа. Суд констатировал, что даже при формальном соответствии реального объекта трехступенчатому тесту «функция — способ — результат» нарушение не может быть установлено, если объем заявляемых эквивалентов до даты приоритета входил в уровень техники. Патентообладатель не вправе посредством доктрины эквивалентов претендовать на расширение объема правовой охраны, который не был бы ему предоставлен патентным ведомством при первоначальной подаче заявки.

---

[218] Wilson Sporting Goods Co. v. David Geoffrey & Associates, 904 F.2d 677 (Fed. Cir. 1990). [Электронный ресурс] // Justia US Law. URL: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/904/677/388028/ (дата обращения: 07.04.2026).

Для практического применения указанного принципа Апелляционный суд США по федеральному округу при рассмотрении приведенного дела разработал двухэтапный аналитический инструмент — тест гипотетической патентной формулы. Сначала суд осуществляет реконструктивную операцию: формула изобретения истца мысленно преобразуется путем замещения соответствующих признаков на признаки технического решения ответчика, признанные эквивалентными. На этапе проверки на патентоспособность суд определяет, могло ли техническое решение, описываемое такой гипотетической формулой, быть зарегистрировано в качестве изобретения и соответствовало бы оно условиям патентоспособности на дату приоритета. Если гипотетическая формула не отвечает условиям патентоспособности, нарушение по доктрине эквивалентов в отношении соответствующего признака или его вариаций установлено быть не может.

Описанная процедура может быть подвергнута критике. В частности, остается неясным, должна ли гипотетическая формула соответствовать всем требованиям, предъявляемым к изложению формулы в заявке на выдачу патента, и в какой мере она должна раскрываться через описание и чертежи. Тем не менее тест гипотетической патентной формулы позволяет более прозрачно и методологически структурированно определить пределы применения доктрины эквивалентов с учетом ее соотношения с уровнем техники.

В российском праве прямого нормативного аналога возражения Формштайн или принципа захвата не закреплено, и случаи их применения в судебной практике не выявлены. Вместе с тем материально-правовое основание соответствующего принципа последовательно признается российской патентно-правовой доктриной. Е.А. Устинова определяет его как принцип разграничения с известным уровнем техники и формулирует следующим образом: доктрина эквивалентов неприменима к решениям, которые принадлежат известному уровню техники или сами по себе составляют изобретение; такие решения не должны быть монополизированы патентообладателем посредством последующих действий, связанных с применением исключительного права[219].

[219] См.: *Устинова Е. А.* Оценка эквивалентности: вопросы терминологии и методологии.

Однако российская доктрина эквивалентов не разработала правил и порядка применения данного принципа. Соответствующий пробел может быть восполнен посредством обращения к процедурному инструментарию, выработанному в зарубежной практике, — тесту гипотетической патентной формулы. На возможность применения принципа разграничения с известным уровнем техники в российском праве через призму возражения Формштайн обращалось внимание и в литературе[220].

Представляется, что применение указанного принципа в российской правовой системе целесообразно осуществлять в рамках теста гипотетической формулы изобретения, опирающегося на двухуровневую модель применения доктрины эквивалентов.

Реализация теста гипотетической формулы возможна в рамках действующего арбитражного процессуального законодательства без необходимости внесения изменений в АПК РФ. Предлагаемая модель основана на принципе состязательности сторон арбитражного процесса. Заинтересованным лицом в применении теста является ответчик, оспаривающий распространение исключительного права истца на используемое им техническое решение посредством доктрины эквивалентов. Именно ответчик представляет суду обоснование того, что в случае замещения признаков формулы изобретения истца эквивалентными им признаками объекта материального мира такая гипотетическая формула не отвечала бы условиям патентоспособности на дату приоритета изобретения. Ответчик предлагает суду конкретную редакцию гипотетической формулы.

Истец, в свою очередь, как сторона процесса, обладает правом представить возражения относительно предложенной ответчиком редакции и предложить ее уточнения.

В случаях, когда согласование редакции гипотетической формулы требует специальных знаний в области техники (в частности, для корректного

[220] См., например, *Михайлов С. В., Бражникова Д. В.* Доктрина эквивалентов: возражение Формштайн // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2022. № 2. С. 20–26.

формулирования технических признаков с использованием специальной терминологии), суд вправе привлечь специалиста в порядке статьи 87^1 АПК РФ. Привлечение специалиста имеет факультативный характер и зависит от сложности технических вопросов конкретного дела; в делах с относительно несложным техническим содержанием суд может разрешить вопрос об окончательной редакции гипотетической формулы на основании позиций сторон без привлечения специалиста.

Окончательная редакция гипотетической формулы утверждается судом с учетом позиций сторон и, в случае его привлечения, мнения специалиста.

После утверждения окончательной редакции гипотетической формулы изобретения суд направляет в Федеральную службу по интеллектуальной собственности судебный запрос в порядке части 4 статьи 66 АПК РФ об оценке соответствия гипотетической формулы условиям патентоспособности (прежде всего условиям новизны и изобретательского уровня) на дату приоритета изобретения истца. Условие промышленной применимости в рамках данной процедуры не проверяется: соответствие данному условию подтверждается самим фактом существования реального объекта.

Институт судебного запроса как процессуальная форма привлечения Роспатента обладает рядом преимуществ перед иными формами, например, назначением судебной экспертизы. Судебный запрос предполагает обращение к органу, обладающему специальной компетенцией в силу закона, в рамках именно этой компетенции; в отношении проверки патентоспособности технических решений такой специальной компетенцией наделена исключительно Федеральная служба по интеллектуальной собственности. Судебный запрос не предполагает обоснования невозможности проведения соответствующей оценки иным субъектом, что снимает связанные с этим возможные методологические трудности. Ответ на судебный запрос не подлежит проверке через механизм повторной или дополнительной экспертизы, что обеспечивает методологическую устойчивость результата: оценка патентоспособности гипотетической формулы со стороны Роспатента является результатом применения той же методологии, что

применяется при экспертизе заявок на изобретения по существу, и не может быть опровергнута альтернативной экспертизой иной организации. Такая модель не требует особого закрепления статуса Роспатента как уполномоченной экспертной организации, поскольку он реализуется в общем порядке как ответ государственного органа на судебный запрос в рамках его собственной компетенции.

Альтернативный путь привлечения Роспатента в качестве судебного эксперта следует признать неприменимым по обозначенным выше причинам: он порождает вопросы монополизации экспертной деятельности, требует дополнительного обоснования невозможности проведения экспертизы иной организацией, предполагает закрепление особого процессуального статуса Роспатента как единственной экспертной организации по соответствующему кругу вопросов, а также допускает возможность представления альтернативного экспертного заключения, что противоречит самой логике двухуровневой модели применения доктрины эквивалентов.

Предложенный процессуальный механизм реализации теста гипотетической формулы изобретения опирается на действующие нормы и принципы АПК РФ без необходимости изменения процессуального законодательства или создания специальных процессуальных конструкций. Распределение функций между ответчиком, истцом, судом, специалистом и Роспатентом обеспечивает соответствие процедуры процессуальному статусу каждого из участвующих субъектов и одновременно корректность оценки патентоспособности гипотетической формулы как ключевого критерия применимости доктрины эквивалентов.

Еще один аспект применения доктрины эквивалентов проявляется при ее соотнесении с правом преждепользования. Право преждепользования само по себе не является пределом применения доктрины эквивалентов: оно представляет собой самостоятельный материально-правовой механизм, регулирующий отношения между патентообладателем и добросовестным преждепользователем. Вместе с тем анализ соответствующих отношений позволяет сформулировать самостоятельный

вывод: доктрина эквивалентов не распространяется на признаки, которые формально являются эквивалентными признакам формулы изобретения, но используются в рамках реализации права преждепользования.

Согласно пункту 1 статьи 1361 ГК РФ лицо, которое до даты приоритета изобретения добросовестно использовало на территории Российской Федерации созданное независимо от автора тождественное решение или решение, отличающееся от изобретения только эквивалентными признаками, либо сделало необходимые к этому приготовления, сохраняет право на дальнейшее безвозмездное использование такого решения без расширения объема использования. Из буквального толкования указанной нормы следует, что преждепользование распространяется не только на тождественные, но и на эквивалентные признаки. В соответствии с пунктом 126 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»[221] право преждепользования возникает не в силу решения суда, а при наличии условий, указанных в пункте 1 статьи 1361 ГК РФ; соответственно, факт преждепользования может служить основанием как для возражения ответчика по иску о нарушении исключительного права, так и для самостоятельного искового требования о признании права преждепользования.

Процессуальная форма установления права преждепользования порождает коллизию в части применения доктрины эквивалентов. При рассмотрении спора об установлении факта преждепользования ответчик фактически признает, что используемый им объект подпадает под буквальное значение признаков формулы изобретения либо содержит признаки, эквивалентные признакам формулы. Специфика такого спора подразумевает необходимость доказывать только добросовестность и временной приоритет своего использования, тем самым соглашаясь с квалификацией своего объекта как входящего в объектные границы исключительного права патентообладателя. Указанное обстоятельство порождает

[221] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 96. 2019.

вопрос о правовых последствиях такого признания применительно к последующим судебным разбирательствам.

Патентообладатель, добившись судебного акта об установлении права преждепользования в отношении конкретного лица, может в дальнейшем при предъявлении иска иному лицу попытаться использовать данный акт как доказательство того, что спорный признак является эквивалентным и входит в объем его исключительного права. В обоснование такой позиции возможны ссылки на принцип обязательности судебных актов (статья 16 АПК РФ; статья 13 ГПК РФ; статья 16 КАС РФ) или на преюдициальное значение установленных фактов (часть 2 статьи 69 АПК РФ; часть 2 статьи 61 ГПК РФ; часть 2 статьи 64 КАС РФ). Между тем такая позиция может быть квалифицирована как злоупотребление правом, поскольку препятствует второму ответчику ссылаться на иные обоснования — в частности, на непатентоспособность гипотетической формулы изобретения с эквивалентным признаком либо на эстоппель, основанный на истории патентной заявки.

Для разрешения указанной коллизии имеет значение разграничение пределов действия обязательности и преюдициальности судебных актов. Обязательность судебного решения как свойство его законной силы императивно требует исполнения волеизъявления суда, изложенного в резолютивной части. Преюдициальность, выступая производным, но самостоятельным институтом[222], направлена на обеспечение непротиворечивости судебных актов и процессуальной экономии: она освобождает стороны от повторного доказывания установленных фактов, но действует в строго установленных пределах — субъективных (тождество лиц) и объективных (юридическая значимость фактов для первоначального дела)[223]. Из приведенного разграничения следует, что попытка патентообладателя использовать судебный акт об установлении права преждепользования одного лица против иного ответчика несостоятельна с точки

[222] *Богдановская Г. Н.* Преюдиция и принцип обязательности судебных актов: проблемы соотношения и реализации в арбитражном судопроизводстве // Арбитражные споры. 2025. № 2. С. 114–121.
[223] См.: *Мацкевич П. Н.* Преюдиция в гражданском и административном судопроизводстве. Москва: Статут, 2020. 239 с.

зрения субъективных пределов преюдиции. Применение принципа обязательности для навязывания вывода об эквивалентности признака также необоснованно: указанный вывод не входит в резолютивную часть, констатирующую лишь наличие права преждепользования у конкретного лица. Квалификация признака как эквивалентного относится к мотивировочной части и подлежит самостоятельному установлению в каждом новом деле с учетом конкретных обстоятельств.

Для предотвращения возможных злоупотреблений и обеспечения правовой определенности представляется обоснованным применение следующей конструкции: патентообладатель не вправе ссылаться на ранее состоявшийся судебный акт как на основание для признания признака эквивалентным в споре с новым ответчиком, если последний представит доказательства, опровергающие применение доктрины эквивалентов в отношении соответствующего признака. Признание эквивалентности в первоначальном споре могло быть обусловлено пассивной позицией первого ответчика или его процессуальным согласием — обстоятельствами, не должными создавать неблагоприятных последствий для третьих лиц, не участвовавших в деле. Принцип состязательности, лежащий в основе российского судопроизводства, предполагает право каждого лица представлять собственную линию защиты; следовательно, выводы суда, сделанные в рамках одного дела, не могут предрешать исход другого дела без предоставления его участникам возможности полноценно реализовать свои процессуальные права, включая право оспаривать как патентоспособность изобретения, так и эквивалентность признака.

Проведенный в настоящей главе анализ позволяет выделить категории признаков, которые могут содержаться в объекте, предполагаемо нарушающем исключительное право патентообладателя, но при этом остаются за пределами объектных границ исключительного права на изобретение. К ним относятся: признаки, оказывающие существенное влияние на достижение технического результата и в совокупности с иными признаками формулы изобретения образующие самостоятельное потенциально патентоспособное техническое

решение, — указанная категория следует из самого определения эквивалентного признака, разработанного ранее: признак, не отвечающий критерию влияния на результат, не может быть признан эквивалентным, а формирует основу нового самостоятельного технического решения; признаки, измененные патентообладателем на этапе регистрационной процедуры; признаки, от которых патентообладатель прямо отказался — как в самой формуле изобретения, так и в иных документах заявки, в ходе делопроизводства по ней либо в последующих процессуальных действиях; признаки, входившие в уровень техники до даты приоритета изобретения, включение которых в формулу изобретения повлекло бы отказ в выдаче патента в связи с несоответствием технического решения условиям патентоспособности; признаки, которые формально являются эквивалентными признакам формулы изобретения, но используются в рамках реализации права преждепользования.

Доктрина эквивалентов, обеспечивая охрану сущности изобретения за границами буквального содержания формулы, не позволяет расширять объем правовой охраны изобретения безгранично и не может применяться к любому случаю, ее применение требует соблюдения определенных правил. Эстоппель, основанный на истории патентной заявки, и его проявление в форме прямого отказа от эквивалентов реагируют на предшествующее поведение патентообладателя и защищают публично-правовой интерес правовой определенности объектных границ, сформированных по результатам экспертизы заявки. Правило всех признаков задает внешнюю процедурную рамку сопоставления признаков. Принцип разграничения с уровнем техники, реализуемый посредством теста гипотетической патентной формулы, обеспечивает разграничение сферы исключительного права и сферы общественного достояния. Право преждепользования, не являясь пределом доктрины эквивалентов в собственном смысле, формирует основание для исключения из ее сферы признаков, добросовестно использованных преждепользователем до даты приоритета. Совокупность рассмотренных механизмов образует систему пределов применения

доктрины эквивалентов в патентном праве, обеспечивающую согласованность объема правовой охраны на всех этапах его установления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтвердило исходную гипотезу о том, что доктрина эквивалентов в российском патентном праве нуждается в переосмыслении и методологической систематизации ее основных положений. Полученные результаты позволили сформировать целостное научное представление о доктрине эквивалентов в патентном праве, охватывающее ее понятие, природу, назначение, критерии, порядок и пределы применения, а также сформулировать ряд общих предложений, обладающих практической применимостью.

Установлено, что доктрина эквивалентов по своей правовой природе не сводится только к техническому приему преодоления буквализма формулы изобретения. Она представляет собой механизм согласования объема правовой охраны с действительным техническим содержанием изобретения, действующий в обоих направлениях относительно буквального прочтения формулы. Тем самым опровергнут традиционный односторонний взгляд на доктрину эквивалентов как на инструмент исключительно расширительного действия.

Выявлено, что значительная часть случаев, для разрешения которых в американской практике применяется обратная доктрина эквивалентов, в российском праве покрывается нормами о зависимых изобретениях и принудительном лицензировании. Прямое перенесение обратной доктрины эквивалентов в ее американском виде в российское право не имеет под собой достаточных оснований. Однако выработанный американской судебной практикой инструментарий способен обогатить отечественную методологию установления оснований для принудительного лицензирования — прежде всего применительно к содержательному наполнению оценочных категорий «важное техническое достижение» и «существенные экономические преимущества», которые сегодня применяются без устойчивой методологической основы.

Сравнительно-правовой анализ позволил определить место российской модели применения доктрины эквивалентов среди иных национальных моделей,

оказавших наибольшее влияние на развитие исследуемой доктрины эквивалентов. При формальной отмене некоторых нормативных актов 1973—1974 годов или утрате их актуальности, зафиксированная в них методология фактически продолжает применяться в экспертной и судебной практике, поскольку современное законодательство не предоставляет сопоставимой по полноте альтернативы. Этот вывод существенен для понимания того, что задача обновления российского регулирования не сводится к разработке нового — она предполагает переосмысление сохраняющего практическое значение наследия и его адаптацию к современным условиям.

Решена задача формулирования доктринального определения эквивалентного признака. Предложенная конструкция отказывается от четырехэлементной структуры, основанной на советских актах, в пользу двухэлементной конструкции, требующей установления сохранения сущности изобретения (по трем критериям: результата, влияния на результат и способа) и соблюдения условия известности. Сохранение сущности изобретения, традиционно существовавшее как самостоятельный критерий, переквалифицировано в функциональный итог соответствия по трем критериям, что устраняет дублирование и тавтологичность. Раскрыто содержание каждого критерия, предложен алгоритм применения критерия способа и выработаны методологические ориентиры для оценки признаков, выраженных через числовые диапазоны.

Получил разрешение вопрос о субъектах применения доктрины эквивалентов и ее процессуальной форме. Преодолено классическое противопоставление «вопроса права» и «вопроса факта», показана его условность применительно к доктрине эквивалентов: оценка эквивалентности и оценка изобретательского уровня методологически совпадают, а информационный поиск, требуемый для установления известности, по существу идентичен поиску, проводимому патентным ведомством при экспертизе заявок. Обоснована необходимость двухуровневой модели применения доктрины эквивалентов с участием судов и патентного ведомства, отвечающая текущему состоянию российского права и

обеспечивающая единое толкование объема правовой охраны на различных стадиях его установления. Признано, что в долгосрочной перспективе при условии накопления методологически устойчивой практики возможен переход к более узкой модели, при которой применение доктрины эквивалентов сосредоточится в компетенции судов.

В системе пределов применения доктрины эквивалентов центральное место занял эстоппель, основанный на истории патентной заявки. Выявлены его особенности, отличающие от общих правил применения эстоппеля: данный эстоппель не сводится к общему составу запрета противоречивого поведения, выработанному в российской судебной практике, и обладает собственным составом оснований применения. Защищаемый им интерес имеет публично-правовой характер и состоит в обеспечении правовой определенности объектных границ, сформированных по результатам экспертизы заявки. Из этого следует ряд практически значимых выводов: бремя доказывания при применении эстоппеля распределяется иначе, чем в общем составе; ущерб на стороне ответчика, добросовестность его действий и причинно-следственная связь между противоречивым поведением и наступившими последствиями не входят в предмет доказывания.

Объем ограничения доктрины эквивалентов при установлении эстоппеля определяется на основе опровержимой презумпции отказа от эквивалентов: патентообладатель, отказавшийся в ходе регистрационной процедуры от признака изобретения либо от определенной формы его воплощения, лишается возможности впоследствии распространить на соответствующий признак исключительное право посредством доктрины эквивалентов, если не докажет, что отказу подлежала лишь одна из форм воплощения признака, а не признак как таковой. Установлено также, что история патентной заявки выполняет три самостоятельные функции: выявление волеизъявления заявителя об объеме испрашиваемой охраны, реконструкция смысла отдельных признаков формулы и формирование фактической основы для применения эстоппеля, что обусловливает обязательность обращения к ней при установлении объема правовой охраны.

Систематизированы иные категории признаков, остающихся за пределами объектных границ исключительного права при формальном наличии оснований для применения доктрины эквивалентов: признаки, существенно влияющие на технический результат и образующие самостоятельное патентоспособное техническое решение; признаки, прямо исключенные патентообладателем; признаки, входившие в уровень техники до даты приоритета; признаки, используемые в рамках реализации права преждепользования. Для разграничения сферы исключительного права и сферы общественного достояния предложена методология применения теста гипотетической формулы изобретения, реализуемая в рамках двухуровневой модели и опирающаяся на распределение функций между судом и патентным ведомством.

Сформированное представление о доктрине эквивалентов не претендует на исчерпывающее разрешение всех вопросов, связанных с ее применением. За пределами проведенного исследования остался ряд тем, обладающих самостоятельной научной ценностью. К ним относятся, в частности, применение доктрины эквивалентов в рамках интеграционных объединений; разработка специальных методологических правил применения доктрины эквивалентов для отдельных областей техники, прежде всего фармацевтики, химии, машиностроения и информационных технологий, с учетом особенностей соответствующих технологических процессов; детальный анализ процессуального взаимодействия между судебным и административным уровнями применения доктрины эквивалентов; детальное исследование вопросов соотношения доктрины эквивалентов с институтом принудительного лицензирования и применение инструментария обратной доктрины эквивалентов в рамках принудительного лицензирования. Указанные направления представляют собой перспективные темы для дальнейших научных изысканий, в том числе на стыке патентного права с процессуальным и административным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Нормативные источники

1.1. Международные акты

1. Постановление № 51-20 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ «О Согласованном словаре терминов в области образования» (принято в г. Санкт-Петербурге 27 ноября 2020 г.) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. — 2021. — № 73 (часть 3).

2. Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2015 г. № 178 «О проекте решения Совета Евразийской экономической комиссии «Об утверждении Правил проведения исследований биоэквивалентности лекарственных препаратов в рамках Евразийского экономического союза» [Электронный ресурс] // Евразийский экономический союз. — Режим доступа: http://eaeunion.org/.

3. Convention on the Grant of European Patents (European Patent Convention) of 5 October 1973 as revised by the Act revising Article 63 EPC of 17 December 1991 and the Act revising the EPC of 29 November 2000 [Электронный ресурс] // European Patent Office. — Режим доступа: https://www.epo.org/en/legal/epc/2020/convention.html#conv.f1-note.

4. Protocol on the Interpretation of Article 69 EPC of 5 October 1973 as revised by the Act revising the EPC of 29 November 2000 [Электронный ресурс] // European Patent Office. — Режим доступа: https://www.epo.org/en/legal/epc/2020/protinta69.html.

1.2. Нормативные правовые акты Российской Федерации и иные официальные документы

1.2.1. Нормативные правовые акты и иные официальные документы

5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 52 (ч. 1). — Ст. 5496.

7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.

8. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 23. — Ст. 2291.

9. Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2010. — № 16. — Ст. 1815.

10. Федеральный закон от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 11. — Ст. 1100.

11. Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2024. — № 10. — Ст. 1373.

12. Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 21 февраля 2023 г. № 107 «О государственной регистрации изобретений» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

13. Инструкция о порядке выплаты вознаграждения за изобретения и рационализаторские предложения, утверждена Госкомизобретений СССР 15 января 1974 г. // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. — 1974. — № 5.

14. Приказ Роспатента от 14 февраля 2002 г. № 25 «О признании недействующими ведомственных нормативных правовых актов» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. — URL: http://cons-001:20101/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=304585&cacheid=F56EF88E8901AEED8A2D17D8F903C86D&mode=splus&rnd=zoW4qLVU8JSfos11#Azc7qLVCGioOOF7S1 — Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

1.2.2. Нормативные правовые акты, утратившие силу

15. Положение о привилегиях от 22 ноября 1833 г. [Электронный ресурс] // Библиотека Руниверс. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. — Т. 8. Отд. 1. — Ст. 6588. — С. 692. — Режим доступа: https://runivers.ru/library/9873.html?sphrase_id=36459.

16. Положение о привилегиях на изобретения и усовершенствования от 20 мая 1896 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. — Т. 16. Отд. 1. — № 12965. — Санкт-Петербург, 1899. — С. 453–458.

17. ЭЗ-2-74. Инструкция по государственной научно-технической экспертизе изобретений, утверждена Госкомизобретений СССР 13 декабря 1973 г. // Москва. — ВНИИПИ. — 1982.

18. Инструкция по экспертизе объектов техники на патентную чистоту (утв. Постановлением Госкомизобретений СССР 29 января 1974 г.) // Законодательство СССР по изобретательству. — Том 2. — Москва. — 1982.

19. Патентный закон Российской Федерации от 23 сентября 1992 г. № 3517-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. — 1992. — № 42. — Ст. 2319.

20. Федеральный закон от 07 февраля 2003 г. № 22-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Патентный закон Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2003. — № 6. — Ст. 505.

1.3. Нормативные правовые акты иностранных государств, Европейского Союза

21. Patent Act, 35 U.S.C. § 1 et seq. [Электронный ресурс] // WIPO Lex. — Режим доступа: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22357.

22. Manual of Patent Examining Procedure (MPEP) Ninth Edition, Revision 01.2024. [Электронный ресурс] // The United States Patent and Trademark Office (USPTO). — Режим доступа: https://www.uspto.gov/web/offices/pac/mpep/index.html.

23. Q284 — Adopted Resolution — Patents — Doctrine of equivalents, 25 October 2023 // The International Association for the Protection of Intellectual Property (AIPPI). — Режим доступа: https://aippi.soutron.net/Portal/Default/en-GB/RecordView/Index/4870.

2. Научная, учебная и справочная литература

2.1. Научная, учебная и справочная литература на русском языке

2.1.1. Диссертации и авторефераты диссертаций

24. Балашова, А. И. Сроки в патентном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3. / Балашова Анна Игоревна. — Москва, 2024. — 318 с.

25. Ворожевич, А. С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. / Ворожевич Арина Сергеевна. — Москва, 2021. — 546 с.

26. Кузьмина, О. М. Критерии и объем патентной охраны по законодательству Германии и России : дис.... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Кузьмина Ольга Михайловна. — Москва, 2002. — 169 с.

27. Малиновский, А. А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: Автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Малиновский Алексей Александрович. — Москва, 2009. — 52 с.

2.1.2. Монографии, книги, комментарии, учебники и учебные пособия

28. Буч, Ю. И. Патентное право : учеб. пособие. / Ю. И. Буч. — Санкт-Петербург. — Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2022. — 160 с.

29. Вавилин, Е. В. Осуществление и защита гражданских прав / Е. В. Вавилин. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Статут, 2016. — 415 с.

30. Гаврилов, Э. П. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / Э. П. Гаврилов, В. И. Еременко. — Москва : Экзамен, 2009. — 973 с.

31. Гражданский кодекс Российской Федерации. Патентное право. Право на селекционные достижения: постатейный комментарий к главам 72 и 73 / К. В. Всеволжский, О. В. Добрынин, В. Н. Кастальский [и др.]. — Москва. — ООО «Издательство «СТАТУТ», 2015. — 444 с.

32. Джермакян, В. Ю. Комментарий к главе 72 «Патентное право» Гражданского кодекса РФ (постатейный) [Электронный ресурс] / В. Ю. Джермакян. — 4-е электронное изд., перераб. и доп. — СПС «КонсультантПлюс», 2014.

33. Защита исключительных прав на изобретения, используемые в лекарственных препаратах: проблемы правового регулирования и направления совершенствования законодательства: монография / А. А. Аюрова, О. В. Гутников, С. А. Синицын и др.; отв. ред. О. В. Гутников, С. А. Синицын. — Москва: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. — 208 с.

34. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая : учебно-практический комментарий / под ред. А. П. Сергеева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2017. — 976 с.

35. Мамиофа, И. Э. Эквиваленты в патентной практике. — Ленинград : ЛДНТП, 1979. — 18 с.

36. Математика : 5-й класс : учебник для учащихся общеобразовательных организаций / А. Г. Мерзляк, В. Б. Полонский, М. С. Якир. — 3-е издание, стереотипное. — Москва : Вентана-Граф, 2018 (Красноярск). — 302 с.

37. Мацкевич, П. Н. Преюдиция в гражданском и административном судопроизводстве. Москва. — Статут, 2020. — 239 с.

38. Пиленко, А. А. Право изобретателя : (Привилегии на изобретения и их защита в рус. и междунар. праве) : Историко-догмат. исслед. Т. 1-2 / Ал. Пиленко, прив. — доц. Спб. ун-та. — Санкт-Петербург : тип. М. М. Стасюлевича, 1902-1903. — 2 т.; 24. — Т. 1. — 1902. — XIV, [2] — 495 с.

39. Пиленко, А. А. Право изобретателя : (Привилегии на изобретения и их защита в рус. и междунар. праве) : Историко-догмат. исслед. Т. 1-2 / Ал. Пиленко, прив. — доц. Спб. ун-та. — Санкт-Петербург : тип. М. М. Стасюлевича, 1902-1903. — 2 т.; 24. — Т. 2. — 1903. — XII. — 392 с.

40. Продление патентов на лекарственные средства: регулирование и практика применения: монография / под общ. ред. Л. А. Новоселовой. — Москва: Проспект, 2024 — 304 с.

41. Путеводитель по судебной практике. Патентование и оборот лекарственных средств в Российской Федерации : сборник / под общ. ред. Л. А. Новоселовой. — Москва : РГ-Пресс, 2023. — 336 с.

42. Райгородский, Н. А. Изобретательское право СССР / Н. А. Райгородский; Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР. — Москва : Госюриздат, 1949. — 274 с.

43. Синицын, С. А. Сравнительное патентное право: актуальные проблемы : монография / С. А. Синицын ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — Москва : Инфотропик Медиа, 2022. — 416 с.

44. Теория эквивалентов и ее использование при толковании формулы изобретения: учебное пособие. / П. П. Гурьянов, Л. О. Сольц, Э. И. Фурман. — Москва. — Ком. по делам изобрет. и открытий при Совете Министров СССР. Центр. науч.-исслед. ин-т пат. информации и техн.-экон. исследований, 1971. — 90 с.

2.1.3. Научные статьи

45. Андреев, А. В. Обратная доктрина эквивалентов в патентном праве / А. В. Андреев // Юридическая наука. — 2025. — № 11. — С. 118–124.

46. Андреев, А. В. Подходы к оценке эквивалентности в доктрине немецкого патентного права / А. В. Андреев // Вопросы российского и международного права. —2025. — Т. 15. — № 9-1. — С. 203–211.

47. Андреев, А. В. Эстоппель, основанный на истории патентной заявки / А. В. Андреев // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. — 2025. — № 3. — С. 46–52.

48. Балашова, А. И. Вторичные и дополнительные патенты, зависимые изобретения: соотношение понятий и правовых режимов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2025. — Декабрь. — № 4 (50). — С. 129–149.

49. Балишина, И. Н. Доктрина эквивалентов в патентном праве Российской Федерации: теория и практика применения / И. Н. Балишина // Вестник Нижегородской правовой академии. — 2016. — № 8(8). — С. 35–37.

50. Богдановская, Г. Н. Преюдиция и принцип обязательности судебных актов: проблемы соотношения и реализации в арбитражном судопроизводстве / Г. Н. Богдановская // Арбитражные споры. — 2025. — № 2. — С. 114–121.

51. Ворожевич, А. С. Границы исключительных прав на патентоохраняемые объекты / А. С. Ворожевич // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2018. — № 21. — С. 29–45.

52. Ворожевич, А. С. Принцип эстоппеля в патентном праве: основания и практика применения / А. С. Ворожевич // Закон. — 2020. — № 4. — С. 88–106.

53. Вяселева, Р. Р. Специфика перевода правовых документов / Р. Р. Вяселева, М. Д. Короткова, Е. А. Макшанцева // Язык науки и профессиональная коммуникация. — 2020. — № 1. — С. 58–72.

54. Гаврилов, Э. П. О доктрине эквивалентов / Э. П. Гаврилов // Патентный поверенный. — 2022. — № 6. — С. 40–42.

55. Городов, О. А. О признаках злоупотребления патентными правами / О. А. Городов // Журнал предпринимательского и корпоративного права. — 2021. — № 1. — С. 46–51.

56. Гусарова, В. В. Доктрина эквивалентов: камень преткновения для споров о фармацевтических патентах / В. В. Гусарова // Право и современная экономика: новые вызовы и перспективы: Сборник материалов III научно-практической конференции с международным участием юридического факультета СПбГЭУ, Санкт-Петербург, 9 апреля 2020 г. / под науч. ред. Н. А. Крайновой. СПб.: СПбГЭУ, 2020. — С. 399–403.

57. Дементьев В. Н., Рыбаков В. М., Христофоров А. А. Новый (?) подход к правилу об эквивалентных признаках / В. Н. Дементьев, В. М. Рыбаков, А. А. Христофоров // Патентный поверенный. — 2016. — № 3. — С. 20–33.

58. Джермакян, В. Ю. О новом подходе к правилу об эквивалентных признаках / В. Ю. Джермакян // Патентный поверенный. — 2016. — № 6. — С. 40–48.

59. Джермакян, В. Ю. Объем прав определяется всей формулой изобретения, а не только ее независимым пунктом / В. Ю. Джермакян // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2016. — № 12. — С. 58–63.

60. Джермакян, В. Ю. Президиум ВАС РФ и доктрина эстоппель / В. Ю. Джермакян // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. — 2012. — № 6. — С. 35а–46.

61. Джермакян, В. Ю. Разница между признаком как таковым и эквивалентным признаком / В. Ю. Джермакян // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2021. — № 8. — С. 11–15.

62. Джермакян, В. Ю. Что понимать под известностью эквивалентных признаков / В. Ю. Джермакян // Патентный поверенный. — 2016. — № 2. — С. 7–14.

63. Еременко, В. И. Особенности применения теории эквивалентов в государствах-участниках Евразийской патентной конвенции / В. И. Еременко // Законодательство и экономика. — 2011. — № 11. — С. 27–35.

64. Залесов, А. В. Соотношение споров о нарушении патента и патентоспособности изобретения в России и за рубежом / А. В. Залесов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2013. – № 1. – С. 26–35.

65. Залесов, А. В. Проблемы применения доктрины эквивалентов в России / А. В. Залесов // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. — 2023. — № 2. — С. 37–44.

66. Китайский, В. Е. Зависимые изобретения, зависимые полезные модели и зависимые промышленные образцы и дополнительные патенты на изобретения / В. Е. Китайский // Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества. — 2014. — № 4. — С. 55–62.

67. Китайский, В. Е. Расширительное толкование формулы изобретения через эквивалентные признаки / В. Е. Китайский // IP: теория и практика. – 2023. – № 4. – С. 77–90.

68. Мещеряков, В. А. Доктрина эквивалентов: в поисках методологии. Часть I / В. А. Мещеряков // Патентный поверенный. — 2019. — № 3. — С. 27–36.

69. Мещеряков, В. А. Доктрина эквивалентов: в поисках методологии. Часть II / В. А. Мещеряков // Патентный поверенный. — 2019. — № 4. — С. 14–22.

70. Мещеряков, В. А. Доктрина эквивалентов в патентном праве: право и техника / В. А. Мещеряков // Патентный поверенный. — 2023. — № 2. — С. 18—26.

71. Мещеряков, В. А. Применение доктрины эквивалентов при рассмотрении патентных споров / В. А. Мещеряков // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. — 2012. — № 5. — С. 8а–16.

72. Мещеряков, В. А. Развитие российского патентного законодательства на современном этапе // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2012. — № 4. — С. 29–36.

73. Михайлов, А. В., Сергунина, Т. В. Иск о ненарушении исключительных прав для устранения неясности границ исключительных прав патентообладателя и исключения злоупотребления правом // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2016. — № 13. — С. 38–76.

74. Михайлов, С. В. Что не так с методами оценки изобретательского уровня? / С. В. Михайлов // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. — 2025. — № 1. — С. 4–10.

75. Михайлов, С. В. Что не так с методами оценки изобретательского уровня? / С. В. Михайлов // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. — 2025. — № 2. — С. 24–30.

76. Михайлов, С. В. Доктрина эквивалентов: возражение Формштайн / С. В. Михайлов, Д. В. Бражникова // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. — 2022. — № 2. — С. 20–26.

77. Питов, В. А. К вопросу о методике определения эквивалентности признаков / В. А. Питов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2020. — № 2 (28). — С. 89–94.

78. Плаксиенко, Д. Л. Доктрина эквивалентов в патентном праве России и проблемы системного толкования двусмысленных категорий / Д. Л. Плаксиенко // Сборник научных статей учеников и коллег к 90-летию профессора Э. П. Гаврилова : Сборник статей / Под редакцией С. В. Бутенко, В. С. Витко, А. А. Рукавишниковой. — Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет. — 2023. — С. 158–165.

79. Плаксиенко, Д. Л. Неизменность сущности изобретения как обязательное условие применения доктрины эквивалентов / Д. Л. Плаксиенко, А. А. Федотов // Интеллектуальные права: вызовы XXI века : сборник докладов V Международной научно-практической конференции, Томск, 07–09 ноября 2023 года. — Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2023. — С. 92–97.

80. Ревинский, О. В. К вопросу об эквивалентности признаков / О. В. Ревинский // Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества. — 2013. — № 1. — С. 35–42.

81. Санникова, Л. В. Защита прав патентообладателей при коллизии патентов на лекарственные препараты / Л. В. Санникова, Ю. С. Харитонова //

Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – № 43. – С. 121–145.

82. Семенюта, Б. Е. В поисках доктрины эквивалентов в российском праве / Б. Е. Семенюта // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. — 2021. — № 3. — С. 53–62.

83. Устинова, Е. А. Доктрина эквивалентов и ее российские варианты / Е. А. Устинова // Изобретательство. — 2014. — Т. 14. — № 6. — С. 9—24.

84. Устинова, Е. А. Доктрина эквивалентов и ее российские варианты / Е. А. Устинова // Изобретательство. — 2014. — Т. 14. — № 7. — С. 11—24.

85. Устинова, Е. А. Доктрина эквивалентов и ее российские варианты / Е. А. Устинова // Изобретательство. — 2014. — Т. 14. — № 8. — С. 15–28.

86. Устинова, Е. А. Оценка эквивалентности: вопросы терминологии и методологии / Е. А. Устинова // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. — 2016. — № 6. — С. 43—52.

87. Устинова, Е. А. Оценка эквивалентности: вопросы терминологии и методологии / Е. А. Устинова // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. — 2016. — № 7. — С. 25—32.

2.1.4. Словари и энциклопедии

88. Словарь русского языка: Ок. 60 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 25-е изд., испр. и доп. — Москва. — ООО «Издательство Оникс: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2008. — 1328 с.

2.2. Научная и учебная литература на иностранных языках

2.2.1. Монографии, учебники, учебные пособия

89. Landes, W.; Posner, R. The economic structure of intellectual property law / W. Landes, R. Posner. — Harvard, 2003. — 442 p.

90. Hartig, E. Studien in der Praxis des Kaiserlichen Patentamtes. — Leipzig : Verlag von Artur Felix, 1890. 280 S.

2.2.2. Научные статьи

91. Burk, D. L., Lemley, M. A. Fence Posts or Sign Posts: Rethinking Patent Claim Construction / D. L. Burk, M. A. Lemley // University of Pennsylvania Law Review. — Vol. 157, 2009. — P. 1743–1799.

92. Cohen W. M., Nelson R. R., Walsh J. P. Protecting Their Intellectual Assets: Appropriability Conditions and Why U.S. Manufacturing Firms Patent (or Not) / W. M. Cohen, R. R. Nelson, J. P. Walsh [Электронный ресурс] // National Bureau of Economic Research Working Paper (NBER Working Paper) № 7552. 2000. — Режим доступа: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w7552/w7552.pdf.

93. Fischer, L. Der «nicht-sitzende» Patentanspruch / L. Fischer // Gewerblicher Rechtsschutz und Urheberrecht, 1924. — S. 109 ff.

94. Jamieson, C. In defence of a UK doctrine of equivalents / C. Jamieson // European Intellectual Property Review, 2019. — 41(3). — P. 147–154.

95. Isay, H. Wesen und Auslegung des Patentanspruchs / H. Isay // Mitteilungen der Deutschen Patentanwälte, 1909. — S. 138.

96. Isay, H. Die einschränkende Auslegung von Patenten / H. Isay // Gewerblicher Rechtsschutz und Urheberrecht,1912. — № 8. — S. 241–245.

97. Koo, D. Comparison of the First Requirement of the Doctrine of Equivalents Between Korea and Japan. / D. Koo // International Review of Intellectual Property and Competition Law (IIC). — № 44, 2013. — P. 178–219.

98. Laddie, H. Kirin Amgen — the End of Equivalents in England? / H. Laddie // IIC — International Review of Intellectual Property and Competition Law. — Vol. 10, Iss. 1, 2009. — P. 3–38.

99. Lindenmaier, F. Der Schutzumfang des Patents nach der neueren Rechtsprechung / F. Lindenmaier // Gewerblicher Rechtsschutz und Urheberrecht, 1944. — S. 49 ff.

100. Meurer, M. J., Nard, C. A. Invention, Refinement and Patent Claim Scope: A New Perspective on the Doctrine of Equivalents / M. J. Meurer; C. A. Nard // Boston Univ. School of Law Working Paper — № 04–03. — 2004. — P. 1947–2012.

101. Pietzcker, E. Erfindungsgedanke und Äquivalente rechtsvergleichend / E. Pietzcker // Abhandlungen zum Arbeitsgebiet des Reichspatentamts. — Berlin, 1927. — S. 53–81.

102. Pumfrey, N. [et al.] The Doctrine of Equivalents in Various Patent Regimes–Does Anybody Have It Right? / Pumfrey, Nicholas; Adelman, Martin J.; Basheer, Shamnad; Dave, Raj S.; Meier-Beck, Peter; Nagasawa, Yukio; Rospat, Maximilian; and Sulsky, Martin // Yale Journal of Law and Technology. — Vol. 11, Iss. 1, Article 9, 2009. — P. 261–308.

103. Reimer, E. Der Schutz der Äquivalente im Patentverletzungsstreit / E. Reimer // Gewerblicher Rechtsschutz und Urheberrecht, 1930. — S. 461 ff.

104. Sichelman, T. Commercializing Patents / T. Sichelman // Stanford Law Review. — Vol. 62, Iss. 2.,2010. — P. 341–413.

2.2.3. Словари и энциклопедии

105. Cambridge Learner's Dictionary : English-Russian : with CD-ROM / ed. St. O'Shea. — Cambridge : Cambridge University Press, 2012. — 1065 p.

3. Правоприменительная практика

3.1. Российская правоприменительная практика

106. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. — 2019. — № 96.

107. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 31 января 2012 г. № 11025/11 по делу № А40-66073/09-51-579

[Электронный ресурс] // Информационная система «Картотека арбитражных дел» — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Card/996f79e8-740c-490f-bcaa-ceb6b65dc21c.

108. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 8 октября 2024 г. № 300-ЭС24-6956 по делу № СИП-295/2023 [Электронный ресурс] // Информационная система «Картотека арбитражных дел» — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Card/942619c6-b792-44d8-9291-613790c17c50.

109. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24 апреля 2019 г. № С01-62/2019 по делу № А14-6218/2017 [Электронный ресурс] // Информационная система «Картотека арбитражных дел» — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Card/c3ace6d8-440d-4789-938a-e4e22d101dfb.

110. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 2 ноября 2018 г. № С01-902/2018 по делу № СИП-191/2018 [Электронный ресурс] // Информационная система «Картотека арбитражных дел» — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Card/cce96c2d-830c-477b-8402-798a6c28c681.

111. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 5 апреля 2019 г. № С01-35/2019 по делу № СИП-260/2018 [Электронный ресурс] // Информационная система «Картотека арбитражных дел» — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Card/00a2e039-d671-4eda-bb79-737e7d628c29.

112. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28 февраля 2012 г. № 09АП-749/2012-ГК по делу № А40-61605/2011 [Электронный ресурс] // Информационная система «Картотека арбитражных дел» — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Card/8abd4276-fabb-456d-996c-1f29c3edfb03.

113. Решение Арбитражного суда города Москвы от 17 июня 2022 г. по делу № А40-166505/2017 [Электронный ресурс] // Информационная система «Картотека арбитражных дел» — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Card/3a0440d1-5ba5-4049-ac4c-7be5b9edc09c.

114. Решение Суда по интеллектуальным правам от 9 декабря 2021 г. по делу № СИП-923/2021 [Электронный ресурс] // Информационная система

«Картотека арбитражных дел» — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Card/f1716ae5-6749-46b8-9cda-105d12d9d67c.

115. Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 10 октября 2014 г. по делу № А43-18360/2013 [Электронный ресурс] // Информационная система «Картотека арбитражных дел» — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Card/0231dc64-0425-44a0-b30c-fe16bcfd5591.

3.2. Правоприменительная практика международных органов по разрешению споров

116. Plant-e Knowledge B.V., Plant-e B.V. v. Arkyne Technologies S.L. [Электронный ресурс] // Decision on the Merits of the Court of First Instance of the Unified Patent Court, Local Division The Hague, 22 November 2024, EP2137782. — Режим доступа: https://www.unifiedpatentcourt.org/sites/default/files/files/api_order/24FDA62A30C8A8D7838D5739CE610873_en.pdf.

117. SES-imagotag SA v. Hanshow Technology Co. Ltd, Hanshow Germany GmbH, Hanshow France SAS, Hanshow Netherlands B.V. [Электронный ресурс] // Decision and Orders of the Court of First Instance of the Unified Patent Court in proceedings for interim measures relating to European Patent № 3 883 277. Case № UPC_CFI_292/2023. Issued on 20/12/2023. — Режим доступа: https://www.taylorwessing.com/-/media/taylor-wessing/files/germany/2024/2023-12-20-ld-munich-upc_cfi_292_2023-ord_596193-2023-act_567009-2023-anonymized-en.pdf.

3.3. Зарубежная правоприменительная практика

118. Actavis UK Limited and others v. Eli Lilly and Company [2017] R.P.C. 21 [Электронный ресурс] — Westlaw : справочно-правовая система, 2017. — Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

119. Apple Inc. v. Motorola, Inc., 757 F.3d 1286 (Fed. Cir. 2014). [Электронный ресурс] // Justia US Law. — Режим доступа: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/cafc/12-1548/12-1548-2014-04-25.html.

120. Auchincloss v. Agricultural & Veterinary Supplies Ltd [1997] R.P.C. 662. [Электронный ресурс] — Westlaw : справочно-правовая система, 1997. — Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

121. BGH, 12.03.2002, X ZR 73/01 — Custodiol II. [Электронный ресурс] // Bundesgerichtshof. Entscheidungsdatenbank des Bundesgerichtshofs ab dem Jahr 2000 — Режим доступа: https://www.bundesgerichtshof.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/Zivilsenate/X_ZS/2001/X_ZR__73-01.pdf?__blob=publicationFile&v=1.

122. BGH, 12.03.2002, X ZR 168/00 – Schneidmesser I. [Электронный ресурс] // WIPO Lex. — Режим доступа: https://www.wipo.int/wipolex/en/judgments/details/3024.

BGH, 29.04.1986, X ZR 28/85; GRUR 1986, 803–806 «Formstein». [Электронный ресурс] // WIPO Lex. — Режим доступа: https://www.wipo.int/wipolex/en/judgments/details/3023.

123. Biotec Biologische Naturverpackungen GmbH & Co. KG v. Biocorp, Inc., 249 F.3d 1341 (Fed. Cir. 2001). [Электронный ресурс] // Justia US Law. — Режим доступа: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F3/249/1341/603318/.

124. Borg-warner Corporation et al., Defendants, Appellants, v. Paragon Gear Works, Inc., Plaintiff, Appellee, 355 F.2d 400 (1st Cir. 1965) [Электронный ресурс] // Justia US Law. — Режим доступа: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/355/400/412680/.

125. Catnic Components Ltd v. Hill & Smith Ltd [1981] F.S.R. 60 [Электронный ресурс] — Westlaw : справочно-правовая система, 1981. — Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

126. Catnic Components Ltd v. Hill & Smith Ltd [1982] R.P.C. 183 HL [Электронный ресурс] — Westlaw : справочно-правовая система, 1982. — Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

127. Clark v. Adie 01 Mar 1877 2 App Cas 315, HL. [Электронный ресурс] // Incorporated Council of Law Reporting for England and Wales (ICLR) — Режим доступа: https://www.iclr.co.uk/document/1865227686/casereport_45303/html#id__CaseReport__Facts.

128. Diglycidverbindung. Bundesgerichtshof, 13.09.2011, X ZR 69/10, GRUR 2012, 45 [Электронный ресурс] // Bundesgerichtshof. Entscheidungsdatenbank des Bundesgerichtshofs ab dem Jahr 2000. — Режим доступа: https://www.bundesgerichtshof.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/Zivilsenate/X_ZS/2010/X_ZR__69-10.pdf?__blob=publicationFile&v=1.

129. Exhibit Supply Co. v. Ace Patents Corp., 315 U.S. 126 (1942). [Электронный ресурс] // Justia US Supreme Court Center. — Режим доступа: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/315/126/.

130. Festo Corp. v. Shoketsu Kinzoku Kogyo Kabushiki Co., 535 U.S. 722 (2002). [Электронный ресурс] // Justia US Supreme Court Center. — Режим доступа: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/535/722/.

131. Garbuio S.p.A. v. Comas, Costruzione Macchine Speciali S.p.A. Industrial Property Code (IPC), Arts. 52, 66. «Garbuio v. Comas» // International Review of Intellectual Property and Competition Law (IIC) — Vol. 53. — 2022. — P. 952–957.

132. Gillette Co. v. Energizer Holdings, Inc., 405 F.3d 1367 (Fed. Cir. 2005). [Электронный ресурс] // Caselaw. — Режим доступа: https://caselaw.findlaw.com/court/us-federal-circuit/1314824.html.

133. Graver Tank & Mfg. Co. v. Linde Air Products Co., 339 U.S. 605 (1950). [Электронный ресурс] // Justia US Supreme Court Center. — Режим доступа: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/339/605/.

134. Hughes Aircraft Co. v. United States, 717 F.2d 1351 (Fed. Cir. 1983). [Электронный ресурс] // Justia US Law. — Режим доступа: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/717/1351/74766/.

135. Improver Corp v. Remington Consumer Products Ltd [1989] 5 WLUK 162 [Электронный ресурс] — Westlaw : справочно-правовая система, 1989. — Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

136. Improver Corp v. Remington Consumer Products Ltd [1990] F.S.R. 181 [Электронный ресурс] — Westlaw : справочно-правовая система, 1990. — Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

137. Interpretation of the Supreme People's Court on Several Issues concerning the Application of Law in the Trial of Patent Infringement Dispute Cases № 21 [2009]. 2009. [Электронный ресурс] // Chinalawinfo Co., Ltd. — Режим доступа: https://ipkey.eu/sites/default/files/legacy-ipkey-docs/interpretation-of-the-supreme-peoples-court-on-several-issues-concerning-the-application-of-law-in-the-trial-of-patent-infringement-dispute-cases-effective.pdf.

138. Kirin-Amgen Inc. v. Hoechst Marion Roussel Ltd. [2004] UK HL 46. [Электронный ресурс] — Westlaw : справочно-правовая система, 2004. — Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

139. Lubrizol Corp v. Esso Petroleum Co Ltd (№ 5) [1998] R.P.C. 727. [Электронный ресурс] — Westlaw : справочно-правовая система, 1998. — Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

140. Mémoire de l'Appelante, 2000 IPFactum 14946 [Электронный ресурс] — Westlaw : справочно-правовая система, 2017. — Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

141. Nationwide Chemical Corporation v. Wilburn T. Wright, 584 F.2d 714 (5th Cir. 1978). [Электронный ресурс] // Justia US Law. — Режим доступа: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/584/714/155002/.

142. O'Reilly v. Morse, 56 U.S. 62 (1853) [Электронный ресурс] // Justia US Supreme Court Center. — Режим доступа: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/56/62/.

143. Odiorne v. Winkley, 2 Gall. 51; 1 Robb, Pat. Cas. 52. (1814) [Электронный ресурс] // Public.Resource.Org. — Режим доступа: https://law.resource.org/pub/us/case/reporter/F.Cas/0018.f.cas/0018.f.cas.0581.pdf.

144. Okklusionsvorrichtung. Bundesgerichtshof, 10.05.2011, X ZR 16/09, GRUR 2011, 701 [Электронный ресурс] // Bundesgerichtshof. Entscheidungsdatenbank des Bundesgerichtshofs ab dem Jahr 2000. — Режим доступа: https://www.bundesgerichtshof.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/Zivilsenate/X_ZS/2009/X_ZR__16-09.pdf?__blob=publicationFile&v=1.

145. Pemetrexed. Bundesgerichtshof, 14.06.2016, X ZR 29/15, GRUR 2016, 921 [Электронный ресурс] // WIPO Lex. — Режим доступа: https://www.wipo.int/wipolex/en/judgments/details/3083.

146. Provisions of the Supreme People's Court on the Application of Laws in the Trial of Patent Disputes, China (Interpretation № 21 of 2001, amended up to 23 December 2020). [Электронный ресурс] // WIPO Lex. — Режим доступа: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22141.

147. Severy Process Co. v. Harper & Bros., 113 F. 581 (1902). [Электронный ресурс] // Free Law Project. — Режим доступа: https://www.courtlistener.com/opinion/8763066/severy-process-co-v-harper-bros/pdf/.

148. Smith & Nephew Plc v. ConvaTec Technologies Inc [2015] R.P.C. 32. [Электронный ресурс] — Westlaw : справочно-правовая система, 2015. — Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

149. SNPC Machines Private Limited & Ors. v. Mr. Vishal Choudhary, CS(COMM) 431/2023, Delhi High Court, 5 March 2024 [Электронный ресурс] // Delhi High Court. — Режим доступа: https://delhihighcourt.nic.in/app/showFileJudgment/59705032024SC4312023_130647.pdf.

150. SRI Int'l v. Matsushita Elec. Corp. of Am., 775 F.2d 1107 (Fed. Cir. 1985). [Электронный ресурс] // Justia US Law. — Режим доступа: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/775/1107/329637/.

151. Steuben Foods, Inc. v. Shibuya Hoppmann Corp., № 2023-1790 (Fed. Cir. Jan. 24, 2025). [Электронный ресурс] // U.S. Court of Appeals for the Federal Circuit. Opinions & Orders. — Режим доступа: https://www.cafc.uscourts.gov/opinions-orders/23-1790.OPINION.1-24-2025_2456160.pdf.

152. Tate Access Floors, Inc. v. Interface Architectural Res., Inc., 279 F.3d 1357 (Fed. Cir. 2002). [Электронный ресурс] // Free Law Project. — Режим доступа: https://www.courtlistener.com/opinion/776511/tate-access-floors-inc-and-tate-access-floors-leasing-inc-v-interface/pdf/.

153. Tsubakimoto Seiko Co. Ltd. v. THK K.K. Supreme Court of Japan. Case № 1994 (o) 1083. 1998.02.24. [Электронный ресурс] // Supreme Court of Japan. Judgments of the Supreme Court. — Режим доступа: https://www.courts.go.jp/english/Judgments/search/374/index.html/.

154. Viskase Corporation, v. American National Can Company, 261 F.3d 1316 (Fed. Cir. 2001). [Электронный ресурс] // Justia US Law. — Режим доступа: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F3/261/1316/570670/.

155. Warner-Jenkinson Co., Inc. v. Hilton Davis Chemical Co., 520 U.S. 17 (1997) [Электронный ресурс] // Justia US Supreme Court Center. — Режим доступа: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/520/17/.

156. Westinghouse v. Boyden Power Brake Co., 170 U.S. 537 (1898). [Электронный ресурс] // Justia US Supreme Court Center. — Режим доступа: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/170/537/.

157. Wilson Sporting Goods Co. v. David Geoffrey & Associates, 904 F.2d 677 (Fed. Cir. 1990). [Электронный ресурс] // Justia US Law. — Режим доступа: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/904/677/388028/

158. Winans v. Denmead, 56 U.S. (15 Howard) 330 (1853). [Электронный ресурс] // Justia US Supreme Court Center. — Режим доступа: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/56/330/.

4. Патентные и иные охранные документы

159. Circular transportation facilitation device : Pat. 2001100012 AU, Int. Cl. B60B 001/00 / John Michael Keogh. — Ser. № 2001100012 ; Application filed May 24, 2001 ; Patent dated Aug. 2, 2001 [Электронный ресурс] // Australian Government. IP Australia. — Режим доступа: https://ipsearch.ipaustralia.gov.au/patents/2001100012.

160. Verfahren zur Übermittlung von raumbezogenen Informationen an ein mobiles Endgerät (Method for communicating spatially located information to a mobile terminal) : Европейский патент № EP3883277 / Philippe Bottine, François Robin [Электронный ресурс] // European Patent Office. European Patent Register. — Режим доступа: https://register.epo.org/application?number=EP21173368.